

Виктор Вирченко

Страна оленья

Рассказы

Таганрог, 2023 г.

УДК 82-3
ББК 84(2)6
В36

Виктор Вирченко

В 36 Страна оленья: рассказы. – Таганрог: издательство
«Таган» (ИП Ковылин О.М.), 2023. – 156 с.

© Вирченко В., 2023

Супербабочка

Вечером тридцать первого, позвякивая сумками, Георгий с женой Ириной и ребятёнком приехали к нам встречать Новый год. Мы с Ольгой тогда и не предполагали, что это празднование окажется самым незабываемым. Жёны в десять уложили детей, накрыли на стол, и по традиции все уселись провожать старый год. Потом с боем курантов выпили шампанского, посмотрели из окна на салют.

Когда канонада за окном затихла, мы с Гошей засобирались на улицу. Он прихватил с собой какую-то пиротехнику и горел желанием внести свой вклад во всеобщее безумие. Женщины остались дома, пообещав оценить наш фейерверк с балкона. В лифте Гоша извлёк из пакета разноцветный самолётик размером с ладонь и похвастал:

– Видал? Супербабочка со взрывом. Пару штук взял. Убойная тема!

Мы вышли во двор, с удовольствием глотнув свежего морозного воздуха. Для стартовой площадки облюбовали канализационный люк в пяти метрах от дома. Я остался стоять у подъезда, придерживая ногой дверь, а мой друг поджёт фитилёк у бабочки и подбежал ко мне.

С порога мы наблюдали, как бабочка, издав громкое «фррррр», высоко взмыла в ночное небо и взорвалась. Вдобавок, из неё вылетели и защёлкали маленькие разноцветные петарды. Жёны на балконе радостно закричали и замахали руками. Довольный Гоша показал большой палец и достал из пакета вторую бабочку.

Похоже, на старте он что-то намудрил, от чего китайское барахло передумало взмывать в небо и полетело в нашу сторону. Мы шмыгнули в подъезд, но боеприпас нагло влетел за нами и закрыл за собою дверь. Перед оглушительным взрывом мой друг успел забиться в угол и выкрикнуть короткое ругательство...

В нашем подъезде часто отключали свет. Благодаря опыту находить дверь лифта на ощупь, я и в этот раз в крошечном дыму добрался к ней и нажал вызов. На этаже нас встречали перепуганные жёны. Когда открылись створки лифта, из кабинки сперва выкатился клуб дыма, а затем показались мы слегка контуженные с геройскими закопчёнными лицами.

Умывшись и сев за стол, в деталях поведали девчонкам о своём «подвиге» и вдруг за окном услышали сирену и увидели во дворе совсем не праздничную иллюминацию. К нашему подъезду с мигалками подъехали две пожарные машины. За ними вскоре прибыли МЧС, полиция и скорая.

– Это Козленко вызвала, – уверенно заявила жена. А супруга Гоши, глядя на нас с грустью добавила:

– Ну, всё, готовьтесь мальчики, скоро за вами придут.

– Пусть сперва докажут, что это наших рук дело. Свидетелей-то не было! – успокоил всех Георгий – юрист по образованию.

Пока Ирина с Ольгой наблюдали из-за шторы за суетой у подъезда, мы с другом, добавив для храбрости, решили прогуляться вниз и посмотреть, что там происходит.

– Вы хоть по одному идите, – разумно посоветовала моя жена.

– Гоша, давай я первым спущусь на разведку. Оля права, – сказал я.

Из подъезда я вышел в тот момент, когда перед ним установили мощный вентилятор на колёсиках. Со всего двора стекались зеваки. Среди группы пожарных я увидел нашего старшего по дому – дядю Лёшу. Он стоял рядом с командиром и важно держал в руках его каску и перчатки.

Тот по рации переговаривался с подчинёнными, которые открывали окна в подъезде.

Когда вентилятор подул на полную мощность, в дверном проёме показался Гоша. Он двигался, нагибаясь вперёд, на-

встречу сильному потоку воздуха. Одежду и волосы трепало так, будто он стоял на крыле самолёта. Даже кожа на лице ходила волнами.

За ним из подъезда вышли ещё две женщины. Они щурились и придерживали руками причёски. Но, преодолев последние метры, выглядели как растрёпанные парашютистки.

Проветривание подъезда заняло немного времени. Пожарные выключили вентилятор и шум затих. Ёжась от холода, мы вернулись в дом.

Потом сидели за столом у зажжённой ёлки, доедали гуся и оливье, пересказывали по десятому разу детали произошедшего. Машины с мигалками разъехались, двор под утро затих, и наши приключения на этом, казалось, закончились.

Но мой неугомонный приятель что-то вытащил из кармана брюк и разжал руку. В его ладони лежала чёрная петарда с изображением черепа и надписью КОРСАР. Он не успел взорвать её на улице. Я указал глазами на балкон и протянул спички.

Под сонные взгляды наших жён Георгий открыл балконную дверь, затем фрамугу и прямо из комнаты швырнул петарду в темноту, чиркнув её о коробок.

– Сетка! – крикнул я. Но было поздно. В полутьме он её не заметил. Петарда, как мячик отскочила от москитной сетки, влетев обратно в помещение. Она с шипеньем упала под ёлку к подаркам, при этом подожгла вату, имитирующую снег.

Мы вжали головы в плечи и закрыли глаза. От взрыва зазвенело в ушах, с дерева осыпалась часть иголок. Жёны вспорхнули с дивана и бросились в спальню, где спали дети.

Впоследствии, мы ещё не раз отмечали вместе Новый год. Но только перешли на пневматические хлопушки. Это те, из которых вылетают цветные блёстки. Бахают они не так громко и зрелищно, зато безопасно. Можно даже в квартире использовать.

Извинение

В летний полдень, услышав под окнами странный шум, Тамара Егоровна выглянула во двор и обомлела. В её палисаднике хозяйничали два вандала. Один рубил хворостиной головы крупным ромашкам, другой, присев на корточки, подал с куста ещё зелёную смородину.

– Так шож це робиться? А ну геть бісові диты! – подняла баба Тамара крик, призывая в свидетели весь двор. Она на бегу запрыгнула в шлёпанцы и выскочила из квартиры, прихватив на всякий случай веник. Но лиходеев уже и след простыл.

Пару лет назад Тамара Егоровна согласилась на уговоры сына продать добротный дом в селе и переехать жить в город. На вырученные деньги матери удалось подыскать однокомнатную квартиру на первом этаже пятиэтажки. Двор, окружённый зеленью, где много пенсионеров и детворы вселял надежду, что скучать на старости лет ей не придётся. Не хватало старушке только огорода. К счастью, под окном имелся запущенный и затоптанный палисадник, который благодаря её заботливым рукам через год превратился в прекрасный цветник. Соседки улыбались и нахваливали трудолюбивую хозяйку. Просили поделиться семенами и рассадой, а мужчины перестали бросать с балконов окурки.

От собак Тамара Егоровна соорудила оградку из труб и проволоки и зажила счастливо. Но как оказалось, идиллия продлилась недолго. Как учит история, на каждый клочок земли найдётся свой супостат.

После небольшого расследования с опросом свидетелей, удалось выяснить, что разбойниками, нападшими на её цветник оказались два закадычных друга – первоклассники Андрейка и Данилка. По горячим следам бабушка Тома от-

правились жаловаться к их родителям, прихватив как улики срубленные ромашки. Найти квартиру одного из хулиганов ей помогли добрые и сознательные девочки.

Мама Андрейки оказалась учительницей. Она находилась в декретном отпуске и открыла дверь, держа на руках малышку. Бабушка Тома поэтому не стала сильно шуметь, и негромко поведав о происшествии, на прощанье попросила: «Нэхай батько даст ему ремня».

Когда Андрейка набежавшись вернулся домой, мама, как педагог сказала сыну:

– Ай-я-яй. Как мне за тебя стыдно! Я не стану рассказывать отцу об этом вопиющем происшествии, но вы с Даниилом должны пойти и попросить у бабушки Тамары извинения.

На следующий день два мелких злодея позвонили в квартиру бабы Тамары. Картина напоминала сцену из мультфильма про кота Леопольда, когда мыши каются перед добрым котом за свои проступки. Данила скромно молчал, опустив глаза, а Андрейка, глядя снизу вверх, промямлил:

– Бабушка Тамара, простите, мы больше никогда, никогда не будем лазить к вам в палисадник!

Видно бабушку сильно тронуло такое раскаянье.

– Вы ж мои диточки! – сказала она растроганно. И попросив минутку подождать, вынесла им в подоле фартука целую кучу конфет и два огромных полосатых яблока.

Такого поворота события друзья точно не ожидали. Они радостно выскочили из подъезда с набитыми карманами и полными горстями сладостей, даже забыв от радости поблагодарить старушку и сказать до свиданья.

Через несколько дней, сучая от безделья на детской площадке, Данилка вдруг предложил немного наивному другу:

– А давай ещё пойдём попросим прощения у бабушки Тамары?

– Она же нас уже простила. – замялся было, Андрейка.

– А вдруг она на нас ещё немного сердится?

И они снова направились к заветной двери.

Баба Тома вышла и немного удивлённо выслушала их повторное извинение. Но догадавшись, что во второй раз привело к ней сорванцов, вынесла из кухни на тарелке четыре ещё тёплых пирожка с повидлом. И ласково погладив по головкам обоих, напутствовала:

– Еште, мої рідненькі, еште. Бабуся вас вже давно пробачила. А конхветок більше немає. Я вам вси віддала.

Пролетела ещё неделя. В квартиру позвонили, и старушка с нехорошим предчувствием открыла дверь. Понимая, за чем снова пришли Андрейка с Данилом, она развела руками и ответила:

– А ничего нэма, хлопцы!

– Дайте хотя бы хлебушка, – попросил Данил.

Тамара Егоровна, аж руками всплеснула – Бидны диточки, чи их батьки не кормят? И направилась в кухню за хлебом.

– Бабушка Тамара! – крикнул вслед Андрейка.

– Шо?

– И сверху сахарком потрусите! ...

Что-то тихо ворча, бабушка Тома вынесла им по большому ломтю хлеба, присыпанного сверху сахаром. На этот раз по головке уже не гладила, а молча, смотрела, скрестив на груди руки.

Прошёл, пожалуй, месяц с последнего появления визитёров. И когда в квартиру бабе Томе позвонили, она обрадовалась, потому что ждала почтальона с пенсией. Старушка открыла дверь, и улыбка на её лице вмиг исчезла.

– Бабушка Тамара, мы больше никогда, никогда.... Но договорить они не успели. Бабка схватила в прихожей веник и грозно двинулась на просителей.

– Та щоб вас свині задрали! Що причепилися? А ну марш звідсиль! А то в школу пиду расскажу, щоб всі сміялися.... По подъезду к выходу гулко застучали две пары ног, а вдогонку долго ещё раздавались непонятные ругательства.

Конфуз

Ночь, речка, костер, сентябрь. В далеком бездонном космосе синими огоньками рассыпаны звезды. Устроившись под теплым пледом в складном кресле, я думаю о далеких чужих мирах. Торжественную тишину нарушает лишь потрескивание дров и голос Кузьмича. В эти выходные мы выехали в ночь на карпа.

– Да, – вздыхает старый, – жизнь пролетела, а вспомнить нечего... Вот только Дашку из Демидовки забыть не могу. Какая девка была! Веселая, красивая, кожа белая как снег, груди упругие. Горячая, как огонь! В последнее время часто о ней думаю. И чего не женился, дурак? Потому что глупый был, молодой, погулять захотелось. Погулял... Нашёл себе сокровище. Тьфу! Надо будет съездить, как ни будь, в Демидовку.

– Зачем? – интересуюсь я.

– Просто посмотреть, молодость вспомнить. Сорок лет там не был. В начале восьмидесятых на уборку от завода туда откомандировали. Хлеб на самосвале возил. Эх, было время! Съездим с тобой?

– Да без вопросов! А когда?

– Да хотя бы на майские. Сейчас по грунтовке грязь...

Кузьмич мой коллега по работе. Больше сорока лет крутит баранку. Заядлый рыбак. В прошлом году его провели на пенсию, но он и не думает уходить. Здоровье есть, а сидеть дома не располагает обстановка.

Живет в поселке в десяти километрах от города. У него жена, на которую постоянно жалуется, дочка и две внучки. Зятя недолюбливает, а я для него как названный сын. Разница у нас в четверть века.

Осенью и весной мы вместе ездим на рыбалку. Пронось по трассе мимо указателя на Демидовку он постоянно

смотрит в ту сторону и вздыхает : «Надо заехать как-нибудь. Надо заехать....»

Эту заезженную пластинку мне давно надоело слушать, как вдруг в мае перед Праздником Победы, Кузьмич сказал:

– Собирайся, завтра за тобой заеду и, как обещал, свожу в Демидовку.

– Удочки братъ? – спросил я.

– Нет. Просто поедем, прокатимся. Хочу тебе те места показать. Красота там необыкновенная! Природа нетронутая, люди хорошие.

Когда садились в машину, в глаза бросилось, как он вырядился. Новый джинсовый костюм, остроносые туфли, модная рубашка. А любимую приору наполировал так, что подходя к ней, я как в зеркале ясно видел свое отражение.

Всю дорогу Кузьмич рассказывал, как работал на уборке в колхозе, но большую часть воспоминаний занимали рассказы об этой Даше.

С его слов зазнобе было девятнадцать лет. Расписывая ее достоинства, снова завел пластинку про белую кожу, красивое лицо и грудь. Себя тоже не забыл упомянуть, уточнив, что тогда, естественно, был молодой и спортивный брUNET. Это сейчас седой как лунь. Не поседеешь от жизни такой....

Отмахав верст восемьдесят, еле-еле нашли ту самую полузаброшенную Демидовку. Природа оказалась самой обычной. Засохшие вдоль дороги тополя, корявые и куцые ивы над речкой. Я случайно заметил, как у старого подрагивают пальцы, когда он держит руку на рычаге, переключая передачи.

Естественно, за столько лет Кузьмич забыл, где находится дом, помнил только, что стоял наискосок от фермы.

Никакой фермы не осталось и в помине. На ее месте возвышались небольшие, заросшие бурьяном холмы. При-

шлось спрашивать у людей, где живет семья по фамилии Кулик. С третьего раза нам указали на покосившуюся хату, и Кузьмич лихо припарковался перед двором. Затем вылез из машины, закурил, и, постучав в калитку, громко позвал хозяев.

Из двора вышла полноватая пожилая женщина с короткими волосами цвета соломы. На руках она держала годовалого белобрысого и щекастого пацаненка с соской во рту. Я сидел в машине и наблюдал в открытое окно за этой трогательной встречей.

– Вам кого, молодые люди? – спросила она.

– Узнаешь? – улыбаясь, спросил Кузьмич. Женщина пожала плечами и замотала головой.

– Я Александр. Саня! Узнала? На ее лице не читалось никаких эмоций. Ни удивления, ни радости, лишь в глазах настороженность.

– Какой Саня?

– Саня, шофер. Восемьдесят второй год. – немного дрогнувшим голосом произнес Кузьмич.

Но женщина пожала плечами:

– Простите, не припоминаю. В это время малыш выплюнул соску и захныкал. Тетка подняла пустышку с земли, облизала и сунула ребенку в рот. – А что вы хотели? – спокойно спросила она.

– Да, так, ничего...Просто мимо проезжали, дай, думаю, заеду. Точно не помнишь?

Женщина, сжав губы, отрицательно замотала головой.

Уж не обознался ли Кузьмич? Я украдкой, но внимательно рассматривал её. Свисающая почти до пояса грудь, короткие крепкие ноги. Сеть морщинок, покрывающих лицо и руки. Измученная заботами и деревенским трудом она выглядела настоящей бабкой. К тому же с какими-то грубыми мужски-

ми чертами. Ничего общего с той кралей, какую так восторженно расписывал в рассказах наш герой-любовник. Сам то он на вид, далеко не старый, скорее заматерелый мужик. По внешности Кузьмич даже мог сойти за моего старшего брата.

– Мама, кто там пришел? –, послышался голос, и из двери летней кухни выглянула женщина лет сорока. Через невысокий штакетник я мельком успел разглядеть темные волосы и загорелое лицо, которое тут же скрылось за тюлевой занавеской.

– Это не к нам, доча, приезжие кого-то ищут. – громко ответила тетка, обнажая беззубый рот.

Тут ребенок на руках у неё неожиданно описался.

– Ай-я-яй! – улыбнулся Кузьмич, – бабушку намочил!

– Прабабушку – поправила женщина, и, извинившись, быстро попрощалась и зашла во двор.

Кузьмич, надо отдать должное его самообладанию, молча сел за руль, и только выезжая из хутора, тихо, но в сердцах произнес:

– Не помнит она. Конечно, разве всех упомнишь, кого на сеновал водила!...

Я размышлял, задумчиво глядя на серое полотно трассы: «Кузьмича трудно с кем-то спутать. Лицо у него запоминающееся». Всю обратную дорогу ехали, молча, видно идея заглянуть в прошлое оказалась не самой удачной.

– Ну, спасибо за компанию. – пожимая руку сказал старый, высаживая меня у дома.

Какой-то неприятный осадок от поездки еще долго не покидал нас обоих.

Лето как всегда пролетело, подразнив теплыми солнечными днями. Осенью мы снова выезжали в ночь на карпа. В этот раз Кузьмич не болтал и тоже пялился на звезды. Про Дашку из Демидовки больше не вспоминал.

Рай в картонной коробке

После сытного обеда Андрей направился к морю освежиться и заодно проверить сети. Его постояльцы – Гарик с сожительницей остались в хижине. Пока Анжелка мыла посуду, Игорь, устроился у входа и стал заправлять из баллончика зажигалки, подобранные на городском пляже.

Закончив работу, подруга зашла вовнутрь. Гарик услышал, как скрипнули пружины старого дивана, отбросил баллончик в сторону и направился к ней. Баллон остался валяться на сухой траве кверху надписью: «Не подвергать воздействию прямых солнечных лучей!» Предупреждение оказалась не пустой страшилкой.

Когда раздался взрыв, Андрюха по пояс в воде машинально присел. За годы войны на Украине выработался рефлекс. Он сразу не понял, что могло шандарахнуть в мирном российском городе на берегу Азовского моря в ста километрах от боевых действий. Бабахнуло без сомнения в их лагере. Андрей удивлённо уставился на заросли бурьяна, где посреди склона виднелось их бунгало. Оттуда доносился крик, и кто-то размахивал белой тряпкой.

– Что за хрень? – изумился он и поспешил на берег. В голове замельтешили догадки, одна нелепее другой: атака дрона, взрыв боеприпаса, тайно привезённого его друзьями, месть местных аборигенов, обитающих в домах над обрывом...

Трое беженцев, пока шла волокита с оформлением документов, жили здесь комунной. Гарик с Анжелкой приехали всего месяц назад. Андрей по телефону расписал как здесь клёво. Менты не трогают, полно рыбы и овощей, а про фрукты и говорить нечего – валяются под ногами и гниют. Но главное, конечно, что не обстреливают. И тут этот взрыв!

Быстро выйдя из воды, он заспешил вверх по тропинке

через заросли, откуда продолжали доноситься крики. Подойдя ближе, услышал характерный треск горячей травы и увидел густой сизый дым над лачугой. Белым флагом, которым, якобы, кто-то размахивал, оказалась попа Анжелки.

Она в панике металась перед входом в лачугу, откуда Гарик выбрасывал наружу их нехитрое добро. Самое ценное – сумка с китайскими сетками, за ней брякнулся о землю мешок с алюминиевыми банками. Дальше из проёма вылетели пакеты с дошираком, упаковка минералки, налобный фонарик, телефоны с зарядными устройствами и несколько пачек сигарет.

– Халат, халат найди! – кричала подруга Гарика в костюме Евы. В свои тридцать с небольшим она выглядела обалденно. Особенно голой! Но любоваться женщиной приятеля было нехорошо, да и некогда. Огонь стремительно расплзался вокруг, подгоняемый морским бризом. Камышовый фасад и крыша уже горели «Понятно, чем они тут занимались» – догадался Андрей. А сам, запыхавшись, выкрикнул:

– Гарик, документы!

Игорь, кашляя, выполз на четвереньках из переполненной дымом землянки, держа в руках свои шорты. Лицо его было серым от копоти, глаза выпученные, ресницы и брови обгорели, а шевелюра дымилась. Он принял вертикальное положение и прохрипел, направляясь вниз к берегу:

– Рвем когти, братан!

– А деньги, документы?

– Там уже всё горит, не достать.....

Андрей помешкал всего пару секунд, встретился взглядом с плачущей Анжелкой и в одних плавках ринулся в огонь. Отмахиваясь руками от языков пламени и искр, жальщих как осы голое тело, он заскочил в бунгало. Послышался грохот падающей посуды, крепкий мат, и вот в про-

ходе показалась задница на которой дымились плавки и спина со следами оплавленных волос.

А когда Андрюха наконец вылез наружу, он протянул Анжеле розовый махровый халат, залапанный чёрными пятёрнями. Документы остались внутри. Она, повизгивая и подвывая от жара, набросила на себя спасательную тряпку, и как с горки зимой стала приседая спускаться по отполированной глиняной тропинке. Новый порыв ветра раздул и подбросил вверх языки пламени, объявшие лачугу, и напоследок опалил адским жаром хозяина.

А ведь утром ничто не предвещало беды. На заре проверив сети, Андрюха разбудил спящих за ширмой из старого покрывала друзей и отправил их в город с уловом. Сам принялся хлопотать по хозяйству. Приготовил суп из доширака, почистил и пожарил рыбу, обильно полив маслом сковородку.

Гарик с Анжелкой в это время сдали постоянным клиентам пойманную за ночь кефаль, зашли на рынок за солью и овощами, купили злополучный газовый баллончик и, довольные, вернулись назад. Потом трапезничали на берегу под одиноким деревцем, где ими была оборудована небольшая площадка для приёма пищи и отдыха. Спиртным не злоупотребляли, только по праздникам. Сегодня, как сказала Анжела круглая дата – исполнился ровно месяц их пребывания в России. Это событие единогласно решили отметить бутылкой портвейна.

До приезда земляков Андрей избегал знакомства с местными алкоголиками и бездомными. Любителей выпить за чужой счёт и побузить, здесь по берегу шаталось предостаточно. Но при Андрюхином довольно высоком росте и весе в сто десять килограмм охотников идти с ним на скандал находилось мало.

Познакомился он лишь с двумя местными ханыгами-металлистами, ковыряющими старую свалку на склоне. Как ни крути, а союзники в чужом государстве были нужны. Он пару раз угостил мужиков рыбкой, и они за это дали ему дельный совет – продавать излишки улова местным бабилькам.

За четыре месяца он в силу своих возможностей и независимо ни от кого обустроился на новом месте. Построил землянку из подручных материалов, приобрел на местной барахолке одежду, посуду и даже рыбацкие сети. В родном Мариуполе он занимался ремонтом и отделкой квартир. На жизнь вполне хватало. Но жестокие бои, которые разгорелись там этой весной, заставили покинуть родные края. В его доме ВСУшники устроили огневую точку, и он был практически уничтожен. И вот снова у пепелища.

Пламя тем временем охватило весь склон и подбиралось к верху, где стояли дома. Ветер так же гнал огонь к пляжу. Там царил паника. Отдыхающие стали перемещаться по берегу в противоположную сторону. Кто-то указывал пальцем на пожар, кто-то снимал происходящее на телефон. Всё же среди восторженных зевак нашёлся один здравомыслящий человек, который вызвал МЧС, и десять минут спустя на пляж с сиреной влетела пожарная машина.

Но, не проехав по пляжу и ста метров она забуксовала в песке. До эпицентра пожара оставалось ещё около сотни метров. Пожарные выскочили из машины и в растерянности наблюдали за попытками водителя выбраться из глубокого песка.

Наконец и сам водитель сдался и вылез из кабины. Гарик, несмотря на Андриюхины отговоры, бросился на выручку пожарным. Он почти с разгона запрыгнул под машину и принялся отгребать руками песок от колёс. Пожарные стали

ему помогать и через пару минут водила нехотя поднялся в кабину и предпринял новую попытку выскочить из западни. Но засел ещё глубже и заглушил двигатель.

Гарик вновь залез под машину под недовольные возгласы отважных пожарных. Копать он больше не стал, но зачем-то лежал под колёсами и что-то внимательно там разглядывал. Его за ноги вытащили оттуда и судя по выражению лиц послали в известном направлении. Но Гарик стал кричать, что он в прошлом дальнобойщик и застревал ещё не так и в снегу, и в песках пустыни. Он доказывал, что нужно слить воду, навалиться всем народом и вытолкать машину.

А огонь то затухал, то разгорался с каждым порывом ветра. И неотвратно подбирался к пляжу всё ближе. Вдруг под восторженный гомон толпы среди клубов дыма на краю обрыва появился мужик с огородным шлангом. Он стал бродить взад вперёд и поливать ползущий вверх по траве огонь. Конечно, напора не хватало, но это послужило сигналом к действию.

Пожарные бросились вверх по склону, затапывая и сбивая ползущее пламя ногами. Кто-то из них колошматил по земле веткой от дерева, кто-то лупил курткой. Парни самоотверженно выполняли свой долг. В итоге, благодаря их отработанным и профессиональным действиям, огонь был побеждён. От хижины из камыша и картона не осталось и следа, Лишь ровная площадка и прямоугольное углубление в склоне холма. Трава, выгорев, дотла уже не представляла никакой угрозы.

К этому времени воду пожарные слили и красную машину облепили люди в плавках. Они в раскачку стали пытаться вытолкнуть её из ямы. Но машина зарылась колёсами в песок ещё глубже. Гарик снова шмыгнул сзади под низ, и его снова вытащили за ноги, но на этот раз уже наградили пинками.

Он вернулся к друзьям, обнял Анжелку, и с видом знатока произнёс:

– Вот дебилы! На мосты машину посадили и после этого хотят вытолкать. Анжела как-то странно на него посмотрела и опустила глаза. Разговаривать никому не хотелось. Компания в молчании наблюдали за радостными отдыхающими на пляже, за морем, сверкающим волшебными бриллиантами, за чайками, беззаботно парящими в голубой вышине. Они никак не вписывались в эту счастливую картину мира.

Пожарную машину вытащил приехавший на помощь огромный красный ЗИЛ. И никому не было дела до несчастных погорельцев, сиротливо сидящих на чёрном тракторном скате неподалёку от пляжа. Но впрочем, тот, кто лишается жилья не в первый раз, относится к потере легко и по-философски. И всегда готов начать с чистого листа. Трудности лишь закаляют характер.

– Вон там, – сказал Андрей и показал рукой в противоположную от пожарища сторону, – там есть неплохое местечко. И новое бунгало можно построить и выход в город рядом. Перекантуемся до осени, а там оформимся, получим патент на работу, снимем жильё и займёмся отделкой квартир. Работы всем хватит, я вам гарантирую. Ещё заживём, братва!

– Меня всё это уже достало, – сказал Гарик. Не хочу больше торчать в норе как суслик. Ты как хочешь, а я решил податься к нашим. В доме отдыха хоть крыша не течёт, питание, кровать. Пора сдаваться, братан. Сам видишь, обстоятельства вынуждают.

– Русские не сдаются, – буркнул Андрюха, поднялся и не спеша направился к пепелищу. Его сейчас интересовала лишь один вопрос: насколько сильно пострадала от огня

лопата, которой он собирался выкопать новую землянку.

– Пойдём отсюда! – сказал Гарик Анжелке.

– Куда?

– Помнишь приют при церкви, в который нас та баба на рынке приглашала? Работу обещала, жильё....

Анжела отрицательно покачала головой.

– Ну а что ты хочешь? Может на Украину вернуться? – в его голосе звучала издёвка.

– Нет, не хочу. Она встала и направилась вслед за Андреем.

– Ты куда, снова в картонную коробку? – Крикнул ей в спину Гарик.

– Да пошёл ты! Я здесь остаюсь.

Оптимистка

В закрытом пустом кафе тоскливая тишина. На столике рядом с нашими кофейными чашками лежат маски, напоминающие кем-то забытый черный бюстгальтер. В области в связи с Ковидом введен жесткий локдаун.

Танюша, достав сигарету, щёлкнула зажигалкой и выпустив струйку дыма, откинулась на спинку стула.

– Я тебе не рассказывала про консервный завод?

– Нет, никогда.

– Тогда слушай! Ты же любишь такие истории.

Обожаю за ней наблюдать, слушать ее голос. Вся такая изящная, симпатичная. Находит время посещать фитнес клуб, соблюдает диету. В питании разбирается бесподобно, будучи хозяйкой популярного в городе кафе. Дизайном интерьера в ее заведении занимался я. За этот удачный проект Татьяна мне благодарна вот уже восемь лет.

Еще в начале знакомства, почувствовав схожесть вкусов и родственность душ, наше общение переросло в дружбу. У нас семьи, дети, мало времени и куча забот. Видимся не часто, но при встрече любим поболтать по душам. Сегодня заскочил, чтоб поддержать ее морально.

– Ты меня слушаешь? Короче! – загадочно улыбаясь начала она. – Поступила я после восьмого класса в техникум. В пятнадцать лет. Это был девяносто второй год. Отправляют нас перед учёбой почему-то сразу на практику.

И поехали мы группой трудиться на консервный завод. Он за городом находился в каком-то поселке. Не помню уже, в каком именно.

Поселили нас с девками в общагу, хотя на вид – самый обычный фанерный барак. Не знаю, как мама тогда отпустила ребенка на какой-то завод. Я бы с ума сошла, если б сейчас мой сынок куда-то поехал. Ему как раз пятнадцать. А то – девочка!

Поставили всех на линию, где делали детское питание. Первое впечатление конечно шокировало. Шум, грязь, машины, трактора. В цеху по конвейеру едут грязные страшные яблоки. Дальше они мылись, чистились, и из них делали пюре, соки, джемы.

Мастер распределяла девчонок по рабочим местам. Я была маленькая и до меня очередь дошла в конце. Там по транспортеру ехали чистые помытые банки, и я должна была переворачивать их вниз горлышками.

Неподалеку наливался сок в большую стеклянную банку. Помню, когда мы подошли, эта банка наполнилась из крана, и автоматически стала закручиваться крышка. Но, что-то перекошилось и из за дефекта, банка прямо взорвалась, и нас забрызгало. Мастер сказала, что накрылось содержимое для целых ста маленьких банок . Кто-то подошел с шлангом и смыл все в канаву под конвейером.

Перед сменой провели инструктаж, чтоб оделись в удобную облегчающую одежду, закрыли волосы косынками. Потом выдали прорезиненные фартуки как у доктора Айболита. Они были с рукавами, одевались спереди, а завязывались сзади на несколько шнурков. Работа оказалась не очень тяжелая, но для меня малышки неудобная. Если бы я была повыше, то свободно дотягивалась бы до банок, а так приходилось делать шаг влево, шаг вправо. Одета на мне была узкая джинсовая мини юбка и майка трикотажная.

Сзади по цеху ездил какой то мужик на тракторе. На самом деле это был парень лет двадцати пяти – тридцати. Но для меня тогда казался взрослым мужиком. Он, проезжая мимо, постоянно поглядывал в мою сторону .

В этот момент на столе задрожал и запиликал Танин телефон и на экране загорелась надпись «любимый». Она, вернувшись в реальность, затушила в пепельнице окурков и

провела пальцем по экрану:

– Да, милый, все в порядке. Нет, я не расстроена. Сажу, пью кофе. Хочешь, заезжай, как освободишься. Борис у меня в гостях, поддержать зашел. Не переживай, дверь заперта и табличка висит. Не знаю, посижу еще. А что дома делать, от скуки с ума сходить? Ладно, хорошо. Целую. Пока, пока.

Танюша отхлебнула из кружки остывший кофе, и глядя на меня спросила:

– На чем я остановилась ?

– Парень какой-то на тракторе на тебя поглядывал....

– Ах, да, этот парень подвозил на мойку банки, и я заметила, что он стал ездить все чаще и чаще. Причём не просто смотрел, а пялился, и меня это раздражало. А потом вдруг на повороте врезался в угол своим трактором. Ящики с банками посыпались, прибежал мастер, стал кричать. Я нажала кнопку, выключила транспортер, и стала наблюдать, как они собирают банки.

И тут случайно, отведя руки за спину, я с ужасом обнаружила, что у меня голые ягодицы. Ведь на мне были стринги! Они тогда только появились и входили в моду. Я сразу поняла, что произошло. Оказывается, моя мини юбочка от движений влево-вправо задралась вверх как гармошка, а нижние шнурки на фартуке развязались! И прикинь, неизвестно сколько времени, я светила голой попой незнакомому трактористу.

Как мне тогда стало стыдно! Это не передать... Сейчас, произойди со мной подобное, я бы, наверное, только слегка покраснела. А тогда мне было так обидно, будто девственность потеряла.

Сегодня все утро почему-то вспоминаю этот случай: консервный завод, конвейер, голая задница, тракторист....

В наступившей паузе, она улыбаясь, наблюдала за моим серьёзным и задумчивым лицом.

– Если ты о совке, то он куда не делся. – сказал я. – Цирк снова вернулся, программу только сменили . А клоуны и зрители вообще куда не уезжали. Поэтому мы снова с голым задом.

В ответ Танюха рассмеялась :

– Да ну тебя! Я думала, ты развеселишься, так старалась. Вечно вы мужики во всем какой-то смысл ищите. Что же касается «совка», то я не согласна, дорогой друг. Весь мир сейчас в таком же положении. И Европа, и Штаты... С этим надо смириться и просто жить.

– Да, главное не впадать в уныние, и верить, что все наладится. – согласился я, и прощаясь, направился к выходу.

Новогодний корпоратив

Утром тридцатого декабря Любовь Ивановну разбудил телефонный звонок.

– Здравствуйте! Это председатель литобъединения «Пегас»?

– Да, а кто говорит?

– Директор библиотеки Зайцева. Любовь Ивановна, срочно придите и помойте Есенина!

У председателя от этих слов подкосились колени. Вчера в читальном зале они всем коллективом отмечали Новый год. Выпили шампанского, ну и домашнего вина немного. Посидели, поспрадовали и разошлись. За собой всё убрали.

– А что случилось?

– Спросите об этом у ваших коллег. Вы мою просьбу слышали?

– Да, да. С наступающим вас, Ольга Леонидовна!

– И вас с наступающим. До свиданья.

Директор явно была не в духе. Действовать следовало незамедлительно. Поэтому Любовь Ивановна сразу набрала своего заместителя и помощника Николая Васильевича и с ходу задала ему вопрос:

– Николай, вы не в курсе, что произошло с Есениным?

– Как что? – хрипло ответил Николай, – Покончил с собой в гостинице Англетер. Правда есть версия, что его убили.

Любовь Ивановну бросило в холодный пот. В мыслях творилось чёрт знает что.

– Николай, вы можете подъехать в библиотеку через час? Мне не на кого больше опереться. Позвонила Зайцева и попросила помыть Есенина.

– Помыть Есенина? В каком смысле? – обалдел Николай.

– Я сама не поняла. На всякий случай возьмите како-

е-нибудь моющее средство, а я привезу губку для посуды, салфетки и полотенце.

– Хорошо, буду через час.

Когда страну захлестнула эпидемия новогодних корпоративов, городское литературное объединение «Пегас» решило не отставать от моды.

Бронировать место в кафе было уже поздно, да и дорого. А писатели народ не богатый, разве лишь в духовном плане. Отпраздновать решили там же, где и проводили свои занятия – в читальном зале центральной библиотеки. Заказали пиццу, принесли из дома вкусняшек и свою выпивку.

Сценарий праздничной программы написала прозаик Тимохина – учитель русского и литературы. Она взяла за основу праздник школьной ёлки. При распределении ролей выяснилось, что все женщины хотят быть снегурочкой. Среди кандидаток возник спор. Молоденькой поэтессой Людмилой было предложено провести кастинг. Это давало ей бесспорные шансы заполучить эту роль. Но её хитрые планы отвергли конкурентки и стали тащить жребий. Он выпал на Зою Генриховну, даму не молодую, прозаика, члена Союза писателей. Когда ей объявили об этом, писательница улыбнулась и затрясла головой.

– Нифига себе внучка! – возмутилась Людочка.

– Как вам не стыдно, шикнула на неё председатель. У Зои Генриховны может последний шанс побыть снегурочкой. Это у вас впереди ещё целая вечность.

«Это она уже на пороге вечности», – прошептала Людочка.

Роль Деда Мороза без всяких споров досталась Николаю Васильевичу. Он героически вынес это испытание. Проходил весь вечер в шубе и бороде, обливаясь потом. Однако, по окончании программы, за праздничным столом восставил потерю жидкости.

Сначала члены литобъединения вели себя скованно. Они привыкли к серьёзным занятиям, где обсуждались только художественные произведения. Но мало-помалу раскрепостились. В этом особенно помогли весёлые конкурсы. Например, придумать рифму, прочитать стихотворение о зиме, отгадать загадку. Победитель получал приз: авторучку или блокнот.

Всё прошло для первого раза неплохо. Хромало только веселье. Оно держалось на одном человеке – поэте-пародисте Данилове, точнее на его остроумных комментариях по всякому поводу. Время пролетело незаметно. Перед уходом убрали со столов, расставили по местам стулья и разошлись.

Когда утром Николая Васильевича разбудил этот странный звонок, он умылся, оделся, и отправился по просьбе председателя в библиотеку. Из моющих средств прихватил с собой автомобильный шампунь, предполагая, что испачкали какой-то бюстик.

На самом деле испачканной оказалась картина. Когда вошли в помещение, в тревожной тишине на них строго смотрел со стены портрет великого русского поэта в каких-то потёках.

Николай Васильевич сразу сообразил, кто облил портрет. Скорей всего это студент Мухин. Он пришёл на вечер уже под мухой и когда открывал шампанское, дурачась, сделал фонтан. Часть брызг попала на присутствующих, но больше досталось самому студенту и висящему рядом портрету.

Судя по всему, картина была написана маслом в середине двадцатого века. Художник так искусно изобразил рязанского поэта, что, казалось, вложил в него душу. Он очень тонко передал этот умный, чуть задумчивый взгляд, ушедшего в тридцать лет мастера.

Николаю Васильевичу во время занятий иногда казалось, что Есенин на портрете внимательно вслушивается в то, как литераторы читают свои произведения. Порой с иронией, особенно когда стихи с хромающим ритмом читает Надежда Сорокина. А иногда Есенин хмурился, если кто-то декламировал откровенно сырое произведение или рифмовал любовь и кровь.

Вчера Николай Васильевич обратил внимание, что у Сергея Александровича тоже было праздничное настроение. Казалось, что он принимал участие в мероприятии и с удовольствием наблюдал за происходящим. А когда председатель попросила Николая пересчитать присутствующих, он прибавил и Есенина.

Они аккуратно сняли со стены портрет в золочёной раме и положили на стол. Поэт лежал, глядя голубыми глазами в потолок. Николай достал из пакета автомобильный шампунь, а Любовь Ивановна приготовила губку и кастрюльку с водой.

– А он не облезет от вашего шампуня? – тихо спросила председатель.

– Я тоже думаю, что лучше не рисковать. Давайте просто водичкой, – согласился помощник.

Председатель аккуратно, как реставратор по иконе, провела влажной поролоновой губкой по холсту. Потёки от шампанского легко смывались. От волнения Любовь Ивановна приговаривала:

– Простите, Сергей Александрович, мы нечаянно, мы больше не будем.

От этих слов, Николаю Васильевичу показалось, что Есенин даже улыбнулся.

– А он вас слышит, Любовь Ивановна, – шепнул помощник.

- Ой, не пугайте!
- Нет, я не шучу. Посмотрите, улыбается.
- Правда! Мистика какая то...

Когда портрет водворили на место, Николай Васильевич, глядя на поэта снизу вверх продекламировал:

- «Седые вербы у плетня
Нежнее головы наклонят
И не обмытого меня
Под лай собачий похоронят»...

Он сделал акцент на слове «не обмытого» и многозначительно посмотрел на Любовь Ивановну. А та, как бы принимая эстафету продолжила:

- «А месяц будет плыть и плыть
Роняя вёсла по озёрам
И Русь все так же будет жить
Плясать и плакать под забором».

По уму

– Здорова, внучок, здорова! Похвастать приехал? Ну, что, хорошая машина! В кредит говоришь, взял? Ничего, выплатишь, главное ремесло у тебя есть, да и парень ты у нас серьёзный, не шалопай. Что ж, поздравляю! И охота тебе было в такую даль бензин жечь? И технику жалко, видал, как дорога разбита? Ну, пойдём на лавочку присядем, перекурим.

Да... Жаль бабушка не дожила, порадовалась бы за тебя. Красивая игрушка! Ну, а жениться когда думаешь? Теперь с машиной, да с работой ты завидный жених. Хотя зачем тебе автомобиль в городе не понимаю. Это ж расходы и не малые. Машина хотя бы окупаться должна, про прибыль я молчу... Ну давай, угости деда сигареткой, расскажу тебе одну притчу. Дай огоньку.

После войны, когда я совсем пацаном был, приехала к нам на хутор семья. Муж жена и двое детей. Из города явились, не нашенские. Хат брошенных полно стояло. Поселили их по соседству в развалюхе, приняли на работу в колхоз, и как полагалось, выдали подъёмные. Тогда все в бедности жили, вам не понять. Но государство, как могло заботилось о людях, всё было продуманно. Только живи, трудись честно и будет тебе счастье.

Но наши новые соседи, вместо того, чтоб купить живность: тёлочку там, поросёнка, курочек, или ещё чего нужного в хозяйстве, по магазинам стали ездить. Смотрим, сумки с колбасой из города тащат, дети конфеты шоколадные лопают. Оделись, обулись как пижоны, баба завивку в парикмахерской сделала. Её Катериной, кажись, звали, а мужика Сеней. На вид неглупый, в войну танкистом служил, а у нас механиком устроился. С гонором.

Смотрим, через неделю ездит Сеня уже на новеньком

велосипеде, мало того, и детям купил трёхколёсный велик. Мы до этого таких даже не видели. В общем, просвистели они все подъёмные. У кого зависть вызвали, у кого непонимание. Ну, это дело личное, на что гроши тратить, хозяин – барин.

Чуть обжились и решили Сеня с Катькой тамбурок к хате пристроить. Намесили глины с соломой, наделали самана. Как подсохи кирпичи, Сенька за день стену в рост выгнал. Куда спешил? Утром вышел, глядь, – нет стены. Завалилась под собственным весом.

Потом наступила осень, пошли дожди. Крыша у соседей как решето. Смотрим, возня у них во дворе. Где-то рубероидом разжились, костёр развели, в чане смолу плавят. Латать, значит, крышу собрались. Детвору со двора прогнали, чтоб не мельтешили. Малявки к нам на тын уселись, наблюдают.

Вот Сенька набирает ведро расплавленного битума и по корявой лестнице лезет на крышу. Катька снизу стоит, страшует. Забрался он уже на самый верх, вдруг под ногой трухлявая перекладина хрустнула, вес не выдержала. Он удержался каким то чудом, но из ведра плеснул себе в сапог горячей смолы и сверху Катьку слегка окатил. Попало ей на голову и за шиворот. Прямо как при штурме крепости. Оба орут, матерятся! Родители мои прибежали, давай их спасать. Тихий ужас!

Но ничего, оклемались. Волосы отрасли, шкура зажила, да и крышу поправить хорошие люди помогли. Правда, на этом не закончилось. Стали соседи колодец рыть. Не осенью, как принято, а весной. Он копает, жена поднимает вёдра с землёй. Осилили метров пять, и пришлось бросить. Работы полно и в колхозе и на огороде, некогда в гору глянуть.

Отложили они это дело до глубокой осени. Сверху земли горы навалили, а края, конечно, не укрепили ничем. Они потихоньку осыпаться стали. И когда Сеня снова туда полез и стал долбить, глыба земли отвалилась и погребла его на дне. Войну прошёл, а в мирное время так по-глупому погиб. Мужики конечно откопали, верёвкой вытащили и похоронили. А Катерина, овдовев, с детьми обратно в город подалась.

К чему я это тебе рассказываю? Да к тому, чтоб всегда головой думал, прежде чем что-то затевать. Ну и с людьми советовался, и старших слушал. Потому что всё надо делать по уму! Ну давай деду ещё сигаретку. Потом закурю, как обратно поедешь.

Одержимость

То, что приключилось с Маринкой в последнее время, отказывалась понимать даже лучшая подруга Светка. Сама она называла своё состояние – сладкая мука.

Знакомство произошло прямо дома. И не в соцсети с каким-нибудь виртуальным Виктором или Владимиром, а с реальным человеком – из плоти и крови.

В тот день Маринка вешала бельё на балконе, а на соседнем незнакомый мужчина курил и смотрел в её сторону. Она сразу догадалась, что это новый квартирант бабы Тани. Вдруг незнакомец без всяких прелюдий спросил:

– Девушка, а где у вас можно купить спиртное?

Она сразу поняла, что вопрос являлся лишь поводом её закадрить. Этот парень проживал за стеной уже несколько дней, и, судя по опухшему лицу, где продаётся выпивка, знал наверняка. По сведениям дворовой разведки, он только что вернулся с Украины, прямо с передовой. Снял квартиру, проживает один. Более подробная информация никого не интересовала. Не бандит, и ладно. Хотя бандитами в их городе трудно кого-то удивить.

Всё же, сама внешность нового жильца некоторых насторожила. Мужчина был бурятом. А на юге при всём обилии национальностей, буряты встречаются не часто.

Пока Маринка цепляла на верёвки предметы женского туалета, у них завязался разговор. Оба проявили интерес друг к другу, словно жители разных планет. В итоге обсуждение погоды затянулось настолько, что сосед прикуривал уже третью сигарету. Взгляд его то и дело фокусировался на развешанных трусах и лифчиках. Внезапно Маринка отвлеклась на какой-то звук в комнате, извинилась и быстренько исчезла.

А спустя час послышался негромкий стук в её дверь. У порога стоял новый сосед.

Он представился Баиром и стал нести какую-то пургу насчёт отпуска и своего дня рождения. Что, не с кем, мол, отметить, посидеть за столом, поговорить. Прижимал руку к сердцу, смотрел умоляющим взглядом прямо в глаза, отчего вызывал у Маринки сердцебиение. Выслушав его она сказала:

– Вот что, Баир, я не против составить компанию, но мне надо маму покормить. Я борщ приготовила. Хотите борща?

– Спасибо, не откажусь. Но неудобно как-то. Что ваша мама скажет?

– Мама ничего не скажет, она инвалид, парализованная. Заходите, и не стесняйтесь.

И она потянула его за руку.

Скорее всего, порог квартиры оказался той чертой, за которой началось приятное помешательство. Мир вокруг заиграл красками, словно экран телевизора протёрли от годового слоя пыли.

Последний мужчина, которого с содроганием помнит эта тихая квартира, – её бывший. Полупьяница, полунаркоман, полупридурак Андрей. Самое невероятное то, что он ушёл к другой. Бросил её и тем самым вызвал разочарование в сильной половине человечества.

Андрей крыл её матом, не давал денег, а в последнее время даже не разговаривал. Она прекрасно помнит все те унижения, которые терпела от него. Какая дура смогла с ним сойтись? Наверное, такая же ненормальная.

При всём при этом Маринка так и не смогла его забыть. Продолжала на что-то надеяться и ждать. Возможно, ей было нужно, чтоб в доме имелся мужик. Хоть пьяница, хоть импотент! Как домашнее животное, словно кот или морская свинка.

А чем, по сути, мужчина отличается от домашнего питомца? Только размером. Такой же молчаливый и вечно недовольный как хомяк. Только очень большой. Любит ласку,

на которую сам жмётся. Не чистоплотный, но требующий ухода и уборки. И, наконец, очень прожорливый!

За стол уселись в зале. Маму она подкатила на коляске. Баир вел себя непринуждённо, нахваливал борщ. Рассказывал, что у него на родине готовят нечто подобное. Суп с капустой и бараниной. Блюдо это пришло из Монголии и называется Хуйцаа. От этого слова Маринка чуть не подавилась. Она еле справилась со смехом, а мама впервые за долгое время улыбнулась.

Когда пили чай, Баир стал рассказывать про свою родину. Про озеро Байкал, Саяны, про необычный вкус местной рыбы. Про вяленого омуля с душиком, плотву, хариуса. От его слов Маринки млела. Она сказала: – Обожаю рыбку! Ты так аппетитно рассказываешь, что я прямо представила, как по губам течёт жир!

Баир по-своему понял эти слова, и глаза его заблестели.

После вкусного обеда, как полагается, вышли перекурить на балкон. После первой же затяжки дорогой гость предложил закурившей за компанию Маринке:

– Пошли ко мне?

Она отрицательно покачала головой.

– Пойдём, выпьем, посидим, – стал он уговаривать уже настойчивей.

– Я не готова.

– В каком смысле? В моральном или физическом?

Она промолчала, еле сдерживая улыбку.

– Пойдём. – сказал он снова, беря её за талию.

– Хорошо, дай мне хотя бы полчаса, – сказала Маринка краснея и отстраняя его руку.

– Я уйду только с тобой...

Напрасно Баир боялся, что Маринка обманет. Ей самой хотелось близости. Такой мужчина не мог не нравиться. Он был моложе лет на десять, солдат, может даже герой. Силь-

ный, добрый, жаждущий женской ласки.

Поэтому в тот же вечер состоялось то самое, что Светка любит называть «тили-тили, трали-вали».

Тогда же ночью она узнала, что у Баира есть жена, что ей двадцать пять лет и что она послезавтра приезжает на поезде из Улан-Удэ. Потом супруги отправятся Сочи, а оттуда он снова уедет на фронт, а она домой.

Не смотря на эти обстоятельства, Маринка горевать не стала. Заснули в обнимку, а утром она почапала на работу. Выходные закончились.

Баир проспал до обеда, остаток дня пропьянствовал, а вечером оказался недееспособен. Утром следующего дня он снова постучался в дверь. Марина как раз собиралась выходить. Сказал, что сегодня приезжает жена и спросил где можно купить цветы. Он был выбрит, свеж, и пах туалетной водой.

Маринка втащила его в квартиру, они обнялись и поцеловались. На прощание обменялись номерами телефонов.

После того, как Баир с женой чухнул на юг, Маринка не находила себе места. Всё валилось из рук, включая мобильник. С ним она не расставалась, даже когда шла в туалет. В своих сообщениях давала понять что влюблена, что готова ждать его вечно, а он в своих слегка оправдывался. Писал, что консервативен, что семья для него главное. В случившемся не раскаивается, и клялся, что никогда её не забудет. Обещал, что если будет жив, то обязательно наведается в гости. Перечитывая эти послания, Маринка улыбалась, размазывая слёзы по экрану.

А так как долго держать в себе радость и горе не просто, она решила всем поделиться с лучшей подружкой.

Позвонила и позвала в гости Светку и за бутылкой вина пересказала всё в подробностях. А в конце гордо заявила: «Баир мне вернул веру в то, что есть ещё настоящие мужчины!»

– И что в нём такого джентльменского? – удивилась Светка. – Не мог сутки потерпеть и жёнушку дождаться? Кабели они все. Не надо возводить их на пьедестал!

– Ты не представляешь себе, как я расстроена, что мы провели вместе всего одну ночь, вздохнула Маринка.

– Я тебе удивляюсь. После одного раза и такая любовь? Это выше моего понимания! Он чо, крутой мачо? Фотка есть?

Маринка провела пальцем по экрану и напротив надписи «пупсик» увеличила фото.

– Вот!

– Какой-то бурундук. – пожала плечами Светка. Но заметив, как наполняются влагой глаза подруги, прикусила язык.

После затянувшейся паузы Маринка сказала:

– Светик, ты мне подруга?

– Ну.

– Тогда выручи. Займи двадцать тысяч. Всего дней на десять.

– Да нет проблем. А зачем тебе столько? Что-то случилось?

– Я в Сочи хочу съездить.

– С ума сошла? А мама?

– Я с соседкой тетя Верой договорилась, чтоб недельку присмотрела за ней. Займёшь?

– Куда ж я денусь? Я же подруга.

– Спасибо, родная! Хочешь покурить?

Они вышли на балкон, вдохнув аромат цветущей под окнами липы. Закурили и вдруг услышали откуда – то сбоку:

– Девушки, не подскажите где можно купить спиртное?

Подруги повернули головы.

На соседнем балконе стояли и улыбались два бурята в военной форме.

Злая собака

По дороге в школу Павлика часто посещали забавные идеи. Однажды он отломил от акации длинный и ровный побег и стал размахивать им как саблей, поражая воображаемых врагов. Потом, проходя по переулку, затарахтел этой палкой по выпуклым рёбрам длинного жестяного забора. Звук походил на стрельбу из пулемёта: тра-та-та-та-та, тра-та-та-та-та! А если ускорить шаг или перейти на бег, то кажется, будто мчишься на спортивном байке. Ну, разве, не здорово?

К сожалению, эту выдумку не оценила собака по ту сторону ограды. Он услышал громкий глухой лай и сообразил, что лает не простая дворняга, а по меньшей мере ротвейлер. Но какое ему дело до недовольной псины? Пусть хоть охрипнет! Он же не вор...

Когда забор закончился, Павлик сперва размахнулся, чтоб выбросить своё гениальное изобретение, но передумал, ведь на обратном пути можно будет повторить трюк. Он засунул палку в кустарник и повернул за угол.

После занятий он без труда отыскал своё орудие и принялся снова греметь о рифлёный забор, вызывая у собаки бешенный лай. Павлик несколько раз останавливался и тоже лаял, изображая маленькую собачку. Было очень весело, даже забылась на время огромная красная двойка по математике.

Так изо дня в день по дороге в школу и обратно он повторял игру, вводя собаку в стресс и снимая его у себя. Менялись только палки. Одни ломались, другие терялись.

Однажды, привычно тарахтя по забору, он не услышал никакой ответной реакции.

Странно, подумал Павлик. Что случилось с собакой? Неужели умерла? А может просто заболела? Лежит сейчас

у себя в будке, а из глаз текут слёзы. Он задумался и даже перестал шуметь. А когда забор закончился, Павлик вдруг увидел, что ворота во двор открыты и прямо на входе, высу- нув язык, разлеглась огромная немецкая овчарка!

Он так и замер напротив неё с поднятой в руке палкой. Ему даже показалось, что всё это происходит не с ним, а с каким-то другим мальчиком. И этот мальчик чужим голо- сом пробормотал:

– Хорошая, хорошая собачка...

Овчарка поднялась и медленно направилась к Павлику. «Мне конец!» – подумал он, швырнул дрючок в сторону и закрыл глаза руками. Это были несколько самых кошмар- ных секунд в его жизни.

Вдруг, сквозь громкие удары сердца, Павлик почувство- вал, как что-то мокрое ткнулось ему в руку. Он открыл глаза и увидел, что собака держит в зубах его палку, как бы пред- лагая её забрать. И он осторожно взял.

Псина радостно запрыгала на месте. Павлик швырнул палку снова, уже подальше, вдоль дорожки. Овчарка с про- буксовкой рванулась с места.

Эта игра продолжалась, пока из двора не раздался стро- гий мужской голос: «Фреди, домой! Место!»

Собака в последний раз вернула трофей, лизнула руку, и забежала во двор. Какой-то дяденька, вышел из гаража и стал закрывать ворота.

Живодёрка

Стоя в коридорчике с новеньким мячом под мышкой, маленький Вовка тихо потянул за дверную ручку. Бабушка, выглянув из кухни, топнула ногой, подбежала, схватила с вешалки панамку и с силой натянула ему на голову. Внук притворно захныкал и плаксивым голосом сказал:

– В детсаде панамка, дома тоже панамка, я что, маленький? Все без панамок гуляют: и Серёжка, и Светка.

Бабушка открыла дверь, выпуская его в подъезд, и предупредила:

– Не вздумай снять головной убор, я в окно смотрю.

На лестнице пахло жареной картошкой, рыбой, борщом. Летом соседи всегда открывали двери квартир, спасаясь от духоты. За живыми, как привидения тюлевыми занавесками, шла чужая жизнь.

Зато двор, словно добрый друг, встретил радостным чирканьем воробьёв, шелестом листвы, ароматом клумб и палисадников. Маленький человек с восторгом глядел на этот мир большими удивлёнными глазами, а мир в свою очередь, внимательно изучал его. Резиновый мяч звонко застучал по нагретому солнцем асфальту и сразу же из-за угла выглянула радостная физиономия друга Серёжки.

– А чего это ты в панамке? На море собрался?

Серёжа старше Вовки всего на год, но гораздо опытнее и умнее. В сентябре он пойдёт в первый класс. Его родители каждый день на работе, а бабушка живёт где-то в деревне. Поэтому никто Серёжку так не опекает и не заставляет ходить в панамке. Колени у приятеля постоянно сбиты, смуглая кожа на руках расцарапана ветками. На голове шевелюра серых давно не стриженных волос и хитрые зелёные глаза, как у соседского кота.

– Айда за дом, там после дождя лужа почти как озеро, глубина по колено и полно головастикав!

– Не могу, бабушка будет ругать. Давай лучше на площадке в мячик поиграем.

– Да, не завидую я тебе, – вздыхает Серёжка, – Ну пойдём на твою площадку!

Минут пять, побросав друг другу мяч, они заскучали. И в итоге, совершив хитрый манёвр по двору, всё же оказались за домом. Бабушка ходить внуку туда самому запрещала. Она говорила, что в чужом дворе живут хулиганы – это такие плохие ребята, которые могут его обидеть. Вовка представлял себе этих хулиганов в виде пиратов из мультика, а соседский двор чем-то вроде волшебной сказочной страны.

Между дворами как граница проходила широкая, вся в ямах дорога. Она заканчивалась тупиком, поэтому машины по ней ездили редко. Здесь-то и находилась вечно невысыхающая лужа. Шустрые головастики, радуясь жизни, резвились в огромной неприятно пахнущей зеленоватой воде. Ребята, присев на корточки, стали наблюдать за ними и даже пытались ловить.

Вскоре Серёжке головастики надоели, и он, поболтав руками, смыл грязь и направился к соседнему двору. Пройдя несколько шагов, обернулся, подмигнул Вовке и поманил за собой.

Таинственный двор окружал зелёный кованный забор. Так далеко от своего дома послушный внук самостоятельно ещё не уходил. Его приятель, схватившись за прутья, взобрался на кирпичный парапет, а Вовка с мячиком встал рядом. Ничего удивительного в этом загадочном дворе не происходило, кроме того, что в тени деревьев играли какие-то девочки.

Две из них, держали ногами длинную резинку, а третья

прыгала, придерживая руками платице. Ещё несколько девчат постарше сидели на деревянной крашеной в разные цвета скамейке. Они время от времени кричали, хлопали в ладоши, и громко смеялись. А потом одна из них, заметив Вовку с Серёжкой, предложила:

– Эй, мальчики, давайте в мячик поиграем!

– Неохота,- ответил ей Серёга. Вовка тоже не горел желанием играть с незнакомыми девочками. Ему поскорее хотелось вернуться в свой двор, чтоб не влетело от бабушки.

– Мальчик, дай мячик, – белокурый ангелочек в розовом платице, подбежал с другой стороны забора, и протянул к нему руки.

Вовка уже собирался просунуть мяч между прутьев, но Сережка ответил:

– Отцепись, малявка. Если каждому давать – поломаются кровати!

– Эй, кто там такой остроумный? Сам то хоть понимаешь, что говоришь? – крикнула старшая из девчонок. Она была намного крупнее и выше других.

– Это Танька Живодерка, – шепнул Серёжка. И тут же стал её дразнить – «Танька дура хвост надула и по речке поплыла. Рыбу дохлую поймала и сказала – это я!»

– А ну кыш отсюда, сосунки – прикрикнула Танина подруга – тоже большая девочка.

– Ирка дырка! – обозвал её Серёжка и засмеялся. Вовке тоже стало смешно. Танька покрутила пальцем у виска, а Ирка показала кулак. Серёжку это только раззадорило, и он стал кривляться, строить девочкам смешные рожи и кидать в них мелкие камешки. Сперва Вовка, как учила бабушка, вёл себя воспитанно, но через какое-то время, следуя примеру друга, тоже принялся кривляться, показывать язык и даже дули. Друзья дразнили девок как зверей в зоо-

парке, смелости им предавала кованая ограда.

Но они не знали того, что дом являлся проходным. Одна из девочек, зайдя в подъезд, незаметно выскочила со стороны улицы, и, скрываясь за стриженными кустами, пулей подбежала к ним.

– Тикай! – крикнул Серёжка. Но Вовка, случайно выронил мяч и пока его ловил, был крепко схвачен за шкуру. Девчонка оказалась сильнее и старше, и напрасно он пытался вырваться из её цепких рук. Через пол минуты он уже стоял в окружении разозлённых фурий, а Сергей в это время трусливо выглядывал из за угла своего дома.

Напрасно Вовка дёргался, пытаясь освободиться. Внезапно круг расступился и он увидел перед собой ту самую Таньку Живодёрку. Она наклонилась над ним, схватила за ухо, и вращая его, спросила:

– Ты, чей такой будешь, гадёныш? Где живёшь? К родителям отвести или сразу в милицию? Огромные серые глаза уставились на него в упор. Она сжимала губы и на её лице застыла недобрая гримаса. «Живодёрка, живодёрка» – страшно отзывалось в сознании.

И не в силах выдержать боль и унижение, от страха и отчаянья, Вовка расплакался. Сначала негромко, а потом во весь голос, как совсем маленький. Последний раз он так рыдал, когда мама привела его в детский сад и там оставила с незнакомыми детьми, а сама поехала на работу.

– А он жидкий на расправу, – злорадно улыбаясь, сказала Танька, и отпустила Вовкино ухо. Девочки со смехом расступились и вприпрыжку поскакали в свой двор.

– Ничего, – успокаивал Серёжка. – Когда мы вырастим, Живодёрка будет старой и тогда за всё получит. Вовку это не сильно утешило. Он ещё долго размазывал слёзы и грязь по лицу и продолжал всхлипывать.

Вечером, укладываясь спать, спросил у отца:

– А что значит «жидкий на расправу»?

Тот внимательно посмотрел на сына и сказал:

– Запомни, всегда давай сдачи!

Ночью Вовке приснилась Живодёрка. Она была старая как его бабушка. А он большой и сильный как отец. Но давать сдачи Таньке он почему-то не стал. Пожалел, наверное. А может, потому что сам был виноват?

Алло, Иван!

– Добрый день! Я по объявлению звоню. Скажите, матрас еще не продан?

– Здравствуйте! Нет, не продан.

– А когда его можно купить?

– Да в любое время, приезжайте и забирайте. Вас как зовут?

– Меня Иван. Могу подъехать прямо сейчас.

– Ирина, очень приятно. Хорошо, приезжайте, я до двух свободна. Потом мне обязательно нужно забрать телефон из ремонта. Представляете, заключил ни с того, ни с сего. Я когда в первый раз понесла в мастерскую, сказали «Поменяйте аккумулятор». Ну что – купила, поменяла. Но он все равно тупит, по пол часа грузится. Барахло китайское. А этот, по которому вы звоните, мне племянник на время одолжил.

– Я понял. Сейчас без четверти десять до обеда вполне успеем, говорите адрес.

– Ботаническая, шестьдесят один. Квартира девять.

– А это в каком районе ?

– На Северном. Найти очень просто. Едете от вокзала в сторону промкомбината.

– Так..

– Проезжаете ж/д переезд. Но учтите, там в обед пробки бывают. Мы с сыном один раз так попали! До дома пять минут ходьбы, а ехали минут сорок, вернее стояли. У него «Жигули» десятка .. Жара, кондиционера нет, окна открыты, мы все мокрые...

– У меня «Опель». Дальше как ехать?

– Дальше, за рельсами, по левой стороне будет кафе «Валентина». Серое здание такое. Вывеску увидите. Очень хорошее кафе! Я мужу там поминки справляла. Готовят вкусно и недорого.

- Понял, кафе проеду, куда дальше?
- Проезжаете прямо еще метров сто. Справа будет остановка троллейбуса, и за ней сразу повернёте.
- Направо?
- Да-да, направо во двор. Проезжаете первый дом, я во втором живу. Желтая двухэтажка. За ним небольшая парковка есть. Напротив увидите здание из белого кирпича и вывеску «Охранное агенство», а справа медицинский центр «Доктор плюс». Его почти все знают. У них массажный кабинет лучший в городе и очень хорошие и специалисты.
- Я понял, ждите, сейчас подъеду.
- Отлично, как приедите, на домофоне девятку наберёте. Я спускаться не буду, мне только вчера гипс сняли. А все из-за вашего матраса.
- В каком смысле?
- О, это целая история! Чтоб сфотографировать и выставить его на Авито, я полезла за ним на антресоль. Поставила стол, сверху стул и вскарабкалась на самый верх. А что вы хотите с моим ростом в сто шестьдесят? Ну вот, потянула я матрас из шкафчика, а у стула ножки и поехали. Стол то полированный! Лечу я вниз и думаю, ну все, сейчас либо головой об пол шмякнусь, либо шею сломаю. Хорошо, что в детстве гимнастикой занималась! В последний момент как кошка в воздухе перекрутилась, сгруппировалась, и весь удар пришёлся на правую ногу. В общем, после сальто удачно приземлилась, если не считать, что боль в ноге адская. Набрала по телефону сына и рассказала, что произошло. Он сразу все дела отложил и примчался, мать всё-таки.

Пока сынок вёз в травмпункт, лодыжка вся распухла и посинела. Врач посмотрел и говорит: «Отправляйтесь на рентген. Скорее всего, перелом. О каблуках теперь можете

навсегда забыть!» Что?! Я и без каблучков? В общем, сбежала из больницы.

Едем с сыном прямиком к Борису Евгеньевичу. Это мой знакомый доктор, друг отца. Он давно на пенсии. Много лет вместе с папой прослужил, отец у меня был военным. Борис Евгеньевич только глянул и без всякого рентгена говорит: «У тебя перелом». Он на аэродроме на подобные травмы посмотрелся. Там летчики после приземления с крыла прыгают, один в один, переломы! Сами понимаете, пришлось в больницу возвращаться, гипс накладывать.

Но думаете это все? Как бы не так! Вечером спать легла, под утро просыпаюсь, а меня знобит. Этого ещё не хватало! Я кое как ползком добралась к холодильнику, беру калину, завариваю и выпиваю. Утром градусник под мышку – тридцать семь и два. В больнице, оказывается, вирус подхватила. Но я его травмами без всяких таблеток поборола. Я ведь только народными средствами лечусь.

Да, и тут, представляете, только пошла на поправку, сестрица родная звонит: «Забери пианино, а то выброшу». Мы с ней ещё в детстве на нём учились играть. Пианино хорошее, «Ростов-Дон». Я говорю: «И куда я его поставлю? В коридор?» Кстати, вам пианино не нужно? Бесплатно. Отдам вместе со стулом. Сейчас такой стул на Авито за три тысячи продаётся. Представляете? Стул дороже пианино! Если не вам, то может вашим знакомым нужно? Заберёте?... Алло! Алло, Иван, вы меня слышите? Алло, алло.... Отключился что ли? Всё-таки несерьёзные эти мужики! Болтуны.

В тот же миг в прихожей раздался хриплый звонок домофона. «Странно, кого там нелёгкая принесла?»

– Кто там? Говорите!

– Ирина, это Иван. Откройте, я за матрасом.

Говорящая лошадь

Эта история не про лошадь, а про моего напарника Саню. Однако лошадь в ней тоже присутствует. Александр – мой сменщик, нормальный мужик, работяга. Тридцать лет крутит руль КАМАЗа. Возит песок и щебень по стройкам, глину на кирпичный завод. Перед работой не пьёт – упаси боже! Стакан и самосвал – понятия несовместимые. А вот после работы это святое.

На выходные расслабляется по полной. График у нас два через два. После смены, насколько я знаю, Санёк с жадностью заливает в себя водку, как горючее в бензобак. На второй день утоляет жажду уже более спокойно, как лекарство, три раза в день во время еды. Но только до вечера последнего выходного, так, чтоб к утру алкоголь максимально выветрился.

За собой следит, опрятно одевается, вовремя стрижётся. В любом состоянии ведёт себя культурно, никогда не повышает голос. Под мухой из дома старается не выходить, только покурить на балкон. В случае крайней необходимости может, конечно, выскочить за пивом в ближайший магазин. Проживает в трешке с женой и взрослой незамужней дочерью. Таких Александров по стране наберётся не одна сотня, а может и тысяча. Отличаются они друг от друга разве что внешностью и фамилиями.

Самое тяжёлое время для него – отпуск. Отдыхать он никуда не ездит, потому что весь год и так на колёсах. По молодости, когда дочь была маленькой, на море выезжали всей семьёй. Но отпуск редко выпадал на летние месяцы. А если выпадал, и жена тащила на море, то там он дегустировал местные крепкие напитки, держась подальше от воды, где-нибудь в тени под навесом.

Выросший вдали от водоёмов, плавать Саня почти не

умел и испытывал тревогу, заходя в море даже по колено. Когда же дочь выросла, а отец с возрастом совсем обленился, вопрос в поездках на юга отпал сам собой. Если жена заводила разговор о море, то Саня предлагал ей налить в тазик тосолу, насыпать соли и опустить туда ноги. Тосол, который для охлаждения заливают в двигатель, по цвету очень похож на голубую черноморскую водицу.

К его невинному пристрастию к алкоголю я бы добавил ещё одно – сутками смотреть телевизор. Это в основном новости по всем телеканалам и вечерние ток шоу с политиками. И, хотя эти новости и шоу, ничем кроме названий друг от друга не отличаются, он слушает их непрерывно, словно ждёт чего-то важного. Будто вот-вот начнется война, и он, пропустив сообщение о воздушной тревоге, не успеет укрыться в убежище.

Так пролетали дни и даже годы. И вот однажды, на Новый год, мой напарник несколько дней провел дома, в дружеской компании водки и телевизора. Все это время Саня опустошал бутылку за бутылкой, и каждое утро, не успев открыть глаза, нащупывал на стуле пульт и врубал новости. Праздники пролетели незаметно, и до выхода на работу оставался один день.

Утром он встал и отправился умываться. Завтракать не хотелось, похмеляться тоже. Завтра за руль, а ДПСники на дорогах озверели и ловили с малейшими признаками остаточных явлений. И он решил воздержаться от продолжения. Не учёл только одного, что Бахус хоть и весёлый, но жестокий бог. Добр лишь к верным своим адептам, но жесток и безжалостен к отступникам. Насыляет всякие неприятности, в том числе злых духов в виде зелёных чертей и всяких зверушек.

К обеду Саня почувствовал себя неважно. «Траванулся, что ли?» – подумал он. Бросало в пот, появилась дрожь в

пальцах, бешено стучало сердце, и даже поднялась температура. А главное какая-то непонятная тревога. Через силу пожевав бутерброд, он снова прилёг на диван, приглушил громкость, и решил немного подремать. Это лучшее лекарство от всех болезней. Но сон, почему то не приходил. Благо, новостные ленты летели сплошным потоком, и это как-то отвлекало от плохого самочувствия.

С организмом на самом деле творилось что-то непонятное. Несколько раз он выходил курить на балкон. Смотрел через стёкла на пустынный заснеженный двор, на голые ветки тополей и каркающих ворон. Неизвестно сколько прошло времени, по крайней мере, жена и дочь с работы ещё не вернулись, как вдруг послышалась громкая трель дверного звонка.

Александр не спеша поднялся с дивана, сунул ноги в стоптанные тапочки и пошёл открывать. Клацнув замком, он распахнул дверь и увидел перед собой лошадь. Она стояла на лестничной клетке перед его квартирой и трясла гривой.

– Чего тебе здесь надо? – удивлённо спросил Саня, и не узнал своего голоса, вторящего эхом в подъезде.

– Мне бы попить. – ответила лошадь женским голосом.

– Да без проблем, сейчас принесу! – и прикрыл дверь, чтоб эта скотина случайно не вошла в квартиру. Нагадит ещё! Жена с дочкой прибьют.

Он зашёл в кухню, достал из шкафа самую большую эмалированную кастрюлю (лошадь всё-таки), поставил под мойку и открыл кран. Набрав её до краёв, без промедления отправился в подъезд поить лошадь. Прикрытую дверь отворил ногой и переступил порог квартиры, держа кастрюлю в руках.

На площадке было пусто. Он подошёл к двери лифта, прислушался, будто лошадь могла притаиться в кабинке. Тишина... Наверное, по лестнице спустилась? И подойдя к

пролёту, к своей радости, услышал шаги. Лошадь не спеша поднималась по лестнице, громко дыша.

Но его ждало разочарование. Снизу вместо лошадиной головы, показалась не менее характерная голова соседки по этажу Татьяны. Причём пальто на ней было такой же гнедой масти, как и у предшествующей лошади. Она шла по ступенькам, тяжело дыша, глядя себе под ноги, а, когда подняв глаза, увидела Александра с кастрюлей, то очень удивилась. Саня появлению Татьяны удивлён был не меньше. Ведь он ожидал увидеть лошадь!

– Привет, сосед, что это ты с кастрюлей? – улыбнулась Татьяна. Но от Саниного ответа улыбка на её лице сменилась удивлением и тревогой.

– Да вот, лошадь вышел попить, а она ушла. Ты внизу её не видела?

Лицо у Татьяны вытянулось почти как у лошади, и она, боком пройдя мимо соседа, быстро открыла свою квартиру и шмыгнула вовнутрь.

Саня ещё некоторое время, выжидая, простоял в подъезде. Даже негромко посвистел, как подзывают собак. Но кобыла исчезла, будто её и не было совсем.

Расстроенный, он вернулся в квартиру, воду выливать не стал, а поставил кастрюлю на кухонный стол. Вдруг лошадь вернётся и снова попросит пить. Потом какое-то время посидел у телевизора и отправился курить на балкон. «Куда же она могла деться?» – думал он, выпуская дым в полуоткрытое окно. И тут его осенило: ведь лошадь могла подняться на верхний этаж!

Его раздумья прервал звук сирены. Внизу он увидел карету скорой помощи, с включёнными мигалками, захавшую во двор. Скорая остановилась у его подъезда и из неё вышли в халатах двое мужчин и женщина. «Кому-то плохо», подумал Саня. «А может с лошадью беда?» В дверь снова позвонили.

Верный пёс

(сказка)

В одном небольшом городе жил-был мальчик по имени Славик. Его родители постоянно работали, и за Славиком присматривала бабушка. Но он её почти не слушался, часто убегал и прятался куда попало: то на чердак, то в сарай, то даже в собачью конуру.

В этой конуре жил пёс по кличке Цезарь. Очень спокойный и умный, не в пример Славик. Мальчик и пёс дружили и общались на особом языке, понятном только детям и животным.

Однажды утром Славик пожаловался Цезарю, что не хочет идти в школу. Мол, всё готов отдать тому, кто сходил бы за него на занятия.

Цезарь тотчас унюхал бутерброд приготовленный бабушкой и сильно разволновался. Прямо запрыгал на месте и едва не вцепился зубами в ранец. Ради такого лакомства пёс готов был на всё, даже на посещение скучных уроков.

И мальчишке пришла идея отправить в школу вместо себя пса. А что? Ходить на задних лапах Цезарь умеет. Научился, благодаря чипсам и карамелькам. Роста они примерно одного, расцветка у обоих рыжая. Если пёс не будет шуметь и привлекать к себе внимание, никто подмены не заметит. Не заметила же её Красная Шапочка, когда волк прикинулся бабушкой!

Рассудив так, Славик помог Цезарю переодеться в свою школьную форму, заправил хвост в брюки, туго зашнуровал кроссовки. Напоследок, рассказал где находится пятый «А» класс, и проводил за калитку. Сам достал смартфон и удобно расположился в будке.

В обед бабушка вынесла из дома кастрюлю с похлёбкой

и налила в собачью миску. Вместо пса из будки выглянул внук, но подслеповатая старушка приняла его за Цезаря и поковыляла в дом.

Полдня пролетело как один час. Юный бездельник наигрался до тошноты, а усталый пёс прибежал из школы и жадно накинулся на еду. Трюк с подменной сработал!

Поначалу всё шло отлично. Пёс учился, мальчик сторожил дом. Цезарь приносил из школы хорошие оценки, особенно по физкультуре и пению. За это мама хвалила сына, а папа давал карманные деньги.

Первая четверть подходила к концу. Пёс очень старался. На уроках вёл себя смирно, как того требовали учителя, и на переменах не носился по школе будто ненормальный. Он чаще стоял в коридоре у окна и тосковал по родной конуре. Зато Славик ни капельки не скучал о школе.

Но через пару дней случилось неприятное происшествие. В дневнике родители обнаружили запись красной ручкой: «Укусил мальчика! Порвал зубами брюки!»

Мама, вначале, пошумела, но когда узнала, что укушенный мальчик – хулиган и двоечник Васька Котов, наказывать сына не стала. От этого второгодника постоянно кому-то из детей доставалось. В том числе и Славе. А папа даже похвалил: «Молодец, сынок, всегда нужно уметь за себя постоять!»

Не успел забыться этот случай, как появилась новая запись: «На перемене лизнул языком учительницу! «А дальше ещё необычной: «Родители, ваш сын на уроках чешется ногой! Примите меры!»

Надо сказать, что мама с папой и сами заметили, что сын стал постоянно чесаться. «Блох что ли нахватался?» – пошутил отец и устроил ему в бане настоящую головомойку.

Однажды Славик выглядывал из будки на дорогу, ожи-

дая пса из школы. И вдруг он увидел, как Цезарь идёт по переулку с Ленкой Артамоновой. При этом держит в зубах её ранец и выплясывает не то лезгинку, не то хип-хоп.

От приступа ревности Славе захотелось завывать. Ленка была самой красивой девочкой в классе. Он всегда мечтал проводить её домой, но пёс подло опередил. «Тоже мне друг человека!» – вырвалось у парнишки.

В будке у них состоялся неприятный мужской разговор. Выслушав упрёк, пёс нагло улыбнулся и, как бы невзначай, оскалил пасть с огромными клыками. У Славика сразу пропало желание обвинять его в предательстве. Не хотелось оказаться на месте Васьки Котова. Он с тревогой почувствовал, что теряет контроль над собакой.

Ведь в школе Цезарь многому научился, в том числе, курить и сквернословить. Возомнив себя полноценным человеком, он стал относиться к Славiku свысока. Начал огрызаться, отказывался надевать ошейник, презрительно косился на цепь. А после того как на уроке истории узнал, кто такой настоящий Цезарь, совсем обнаглел. Постоянно требовал колбасу и деньги, и всё время порывался зайти в дом.

Как-то раз он всё же перешёл Рубикон! Шмыгнул через порог и даже уселся ужинать с родителями. Папа во время еды смотрел спортивный канал, а мама уткнулась в телефон. И о, ужас! Они не обратили внимания, что вместо Славика за столом сидит Цезарь и даже похвалили его за хороший аппетит.

Потом пес вместо домашнего задания сел играть в стрелялки, а перед сном нехотя отправился чистить зубы и слопал пол тюбика пасты. Этой ночью он собирался уснуть в кровати Славика.

Бедный мальчик украдкой наблюдал за происходящим в окно, а потом вернулся в будку и от обиды заплакал. Как раз

в это время папа вышел покурить на крыльцо. Решив, что скулит Цезарь, он грозно прикрикнул, и Славик испуганно замолчал.

Вскоре на улице стало совсем холодно, и тогда мальчуган снова заплакал, прямо завыл от отчаянья. На этот раз верный пёс его услышал и примчался, виляя хвостом. Возможно, в нём заговорила собачья преданность, а может даже человеческая совесть. Цезарь по-товарищески сменил друга на посту.

Замёрзнув и натерпевшись страху, сорванец поклялся, что больше никому не уступит своё место ни в доме, ни за партой. Поэтому на следующий день он решил сам пойти в школу. Пёс провожал его грустными глазами.

В родном классе всё выглядело по-прежнему, лишь на парте появилась новая корявая надпись: Ц+А=ГАВ!

После уроков Славик подождал у школы Артамонову и взял её портфель.

Когда они подошли к его дому, Ленка вдруг сказала:

– Хороший у вас пёсик. Не пойму только, кого он мне напоминает?

В ответ провожатый лишь, молча, пожал плечами и предательски покраснел.

Тарелки

Помнится, в хмурый летний выходной, в гараже соседа мы вдвоем резались от безделья в нарды.

– Давай, ходи, что задумался? – Вячеслав Федорович смотрел на меня поверх очков. Я метнул зарики и радостно прокомментировал:

– Ого, подряд два куша!

– Два куша, два куша и четыре алкаша – пошутил он.

В этот самый момент в гараж почти влетел дядя Миша – закадычный приятель Федоровича. Шмякнувшись на стул, он извлек из пакета бутылку с мутной жидкостью, сверток с закуской, плеснул в пластиковый стаканчик грамм пятьдесят и с жадностью выпил.

– Вам не предлагаю. Федорович на таблетках, а ты, пацан, вечно за рулем. Может, хоть сегодня составишь компанию?

– Нет, дядя Миша, мне вечером ехать жену с дежурства забирать.

– Семья дело святое. Жаль, повод хороший есть, – произнес он загадочно – потом достал сигарету и стал разминать ее рукой, похожей по форме и цвету на клешню.

– А вы все в шеш-беш рубитесь?

– А что еще делать? Выходной, – зевнул я.

– Ну да, ну да, что с вас взять? В то время, когда одни у нас космические корабли строят, другие от безделья с ума сходят.

– Это ты о ком сейчас? – сосредоточенно двигая фишки, полюбопытствовал дядя Слава.

– Да так, есть у нас выдающиеся личности, не вам чета. Не перевелись ещё таланты на Руси.

– Да что ты все загадками говоришь? Давай без прелюдий. Какие еще корабли?

– В виде дисков! Я лично их видел, – улыбаясь щербатым

ртом, – произнес дядя Миша, стуча себя в грудь.

– Что? – в один голос спросили мы и переглянулись. Такого поворота никто не ожидал.

– Тарелки, ребята, летающие тарелки!

– А, – махнул рукой Федорович. – Еще один контактер. Пить надо меньше.

– Я трезвый был, на работе не пью. Я их видел и даже трогал! Две штуки, они там в ангаре стоят!

– Случайно не в ангаре восемнадцать? – прыснул я и подморгнул Вячеславу Федоровичу.

Дядя Миша снова налил себе еще, но на этот раз полнее, развернул пакетик с салом, двумя солеными огурчиками и хлебом. И подняв стаканчик, торжественно произнес тост:

– Ну, за великий прорыв в космосе!

– Вам что на завод какие то аппараты привезли? – уже без иронии спросил Федорович. Он хорошо знал своего приятеля. Вранья и склонности к сплетням за ним не наблюдалось.

– Нет, их у нас производить начали. – тихо ответил дядя Миша.

– Да ну нафиг! Какие там тарелки... Разве только для еды? У меня однокашник на вашем заводе прозябает. Каждые пол года сокращения. Из двадцати тысяч работников за двадцать лет осталось от силы две! Самолеты уже лет пятнадцать не строят. Ремонтируют только и то некачественно.

Дядя Миша, пережевывая сало, смотрел на меня с улыбкой, какой смотрят на неразумных детей.

– Миша, а в каком цеху ты их видел? Вячеслав Федорович хорошо знал завод, проработав там сменным мастером до самой пенсии.

– Слава, я и так вам тут много наговорил. Это секретный объект. Меня привлечь могут.

– Ха ! Да у вас на заводе иностранцев не меряно! Шастают, как у себя дома. Какая секретность, если завод по телевизору постоянно показывают. Вернее то, что от него осталось ! – не унимался я.

В ответ дядя Миша закивал, прикрывая глаза:

– Да, да! Я тоже не верил, пока не проспорил литру водки.

– Кому? – снова в один голос спросили мы.

– Сереге – охраннику на прошлой смене. Мы как то выпивали недели две назад у него в гараже. Когда поднабрались, на политику потянуло. Тут он и проговорился. Скоро говорит, надерем америкосам задницы по полной программе. Я возразил, сказал, что нам уже надрали. С голыми ходим . Он по плечу меня похлопал и палец к губам. Не болтай! И за тарелки эти рассказал. Я естественно не поверил. Как и вы сейчас. Поспорили. Забили на два пузыря. А когда я на сутки заступил, и начальство вечером домой разошлось, Серега меня вызвал по телефону к себе и в этот ангар впустил. И я видел эти тарелки, ребята, как вас сейчас вижу, и даже трогал их!!!

– Дядь Миша, я конечно вас уважаю как старшего, и как хорошего человека, но верить в эту байду с тарелками отказываюсь. Может вам радары показали. Клепали у нас такие самолеты системы Авакс в советское время. Возможно это склад с круглыми овальными фигнями – корпуса или кожухи для радаров, не знаю, как их там правильно называют. Развел вас, скорее всего Серега.

– Ты, пацан, еще не родился, когда я эти аваксы собирал в цеху. Я член от пальца отличать умею. Сказано тебе тарелки! С иллюминаторами, фарами, трапами! Только без двигателей...

– А почему без двигателей? В конце будут устанавливать?
– окончательно поверив приятелю, поинтересовался Федо-

рович. Он уже забыл про нарды и слушал, открыв рот. Дядя Миша в третий раз наполнил посуду:

– Ну, за наших Кулибиных! – выпил и аппетитно захрустел огурчиком. Я, обидевшись за «пацана», ведь в этом году мне уже исполнилось сорок два года, решил немного его потролить:

– Аппарат без двигателя – груды металлолома, – сказал я и махнул рукой. Бутафория. Возможно, эти тарелки склепали для каких-нибудь парков развлечений. Получили заказ от крутой фирмы, которая парками и аттракционами занимается. Или для киносъемок сделали, фантастику чтобы снимать. Нет двигателя – нет тарелки! – и я скривившись, снова махнул рукой. Дядя Миша побагровел, но сдержался.

– Слава, дай бумажку и карандаш, попросил он.

Я протянул ему тетрадь и ручку, в которой когда-то давно расписывали пулю, играя в преферанс.

– Смотри сюда, сынок! – и он стал рисовать на чистом листке какие то эллипсы и стрелки. – Вот корабль в виде диска, тарелка по-простонародному. А поскольку тарелка является космическим аппаратом, то имеет не один, а целый набор двигателей. Во-первых, стартовый. Он, судя по моим данным, антигравитационный! Разгонные или маршевые движки, разумеется, с управляемым вектором тяги. Их несколько, но вся фишка не в них. Топливо! Ты о красной ртути что-нибудь слышал, парень? Это последняя советская секретная разработка для боевых лазеров, термоядерных бомб и мощных реакторов. Вещество свободно расщепляется, а значит радиоактивно. Оно не боится ни высоких температур, ни сильного холода. То, что надо в космосе, не правда ли? К тому же обладает высокой плотностью. Бак с таким веществом находится вот здесь, по всей окружности и поделен перегородками. Вы, наверное, в курсе, что та-

релки могут зависать в воздухе, а так же мгновенно менять направление полета? В нужный момент подается команда на эти перегородки и в определенном месте убираются по типу шторок. Под воздействием магнитного поля ртуть мгновенно перетекает, к примеру, влево, и там собирается. Дополнительно включаются рулевые движки. И все! За счет инерции и тяги молниеносно меняется траектория полета. Ну а для работы реактора используется амальгама из красной ртути. Точнее – металлы, растворенные в ней. Принцип работы засекречен, известно одно – в реакторе образуется гремучая смесь, которая и является топливом. Все элементарно! – и дядя Миша, с важным видом бросил ручку на измалеванный листок, снова достал сигарету и начал ее разминать своей красно-коричневой клешней.

– Миша, ты же слесарь-сборщик по образованию, – испуганно произнес Виктор Сергеевич. – Откуда ты про тарелки столько знаешь?

Дядя Миша важно ухмыльнулся:

– Да так, журналы на досуге почитывал. Научные... Он не стал посвящать слушателей в то, что все эти секреты ему разболтал в гараже под мухой Сергей. А Сергею, по-приятельски выдал сам главный инженер, когда в сауне отмечали новогодний корпоратив.

Что это был за проект, для нас так и осталось загадкой. Но мужики на заводе поговаривали, что на эту хитрую удочку с тарелками поймали очень крупную рыбу. То ли шпиона, толь крота. Еще болтали, что когда в Пентагоне узнали про «блюдца» случилась паника покруче, чем у Федоровича в гараже!

Подвох

Вернувшись с работы домой, Павел сразу заподозрил что то неладное. Дочь с женой фальшиво пытались изображать спокойствие. Женщины по своей природе существа скрытные. В процессе эволюции они ловко научились маскировать свои эмоции. Но мужчины, в свою очередь неплохо овладели способностью выводить их на чистую воду. Сейчас грустное лицо дочери и расстроенный взгляд жены явно сигнализировали о каких то неприятностях. Павел насто-рожился, но виду не подал.

На вопрос «как дела?» Наталья ответила – «нормально» и даже попыталась улыбнуться, но глаза выдавали обман. При этом дочь, кошкой шмыгнула в свою комнату, будто за ней гнались собаки. Павел разделся в прихожей, умылся, переоделся в домашние треники и отправился на кухню. После ужина, как водится, занял своё законное место на диване перед телевизором и защёлкал пультом. Затем неожиданно, как опытный следователь, прямо в лоб спросил у гладившей бельё супруги:

– Так что здесь всё-таки стряслось ?

Наталья шмыгнула носом и вдруг у неё по щекам потекли слёзы, она поставила утюг на доску и села рядом на диван. Павел выключил звук в телевизоре и удивлённо уставился на жену. Та громко позвала дочь ;

– Ириша, иди сюда, папа зовёт! Дочь с взглядом нашкoдившего кота переступила порог зала и остановилась, глядя на родителей.

– Из института вылетела ? – спросил как можно спокойнее отец. Дочь выкатила глаза и замотала головой.

– Покажи! – приказала ей Наталья.

У Павла холод пробежал по спине. Воображение стало рисовать страшные картинки : колото-резаную рану, поло-

жительный тест на беременность, фото жениха бандита с письмом из колонии.

– Да что тут у вас происходит?! – прикрикнул он на обеих.

– Показывай, показывай, всё равно не спрячешь. – уже спокойнее попросила мать.

Ириша правой рукой задрала рукав халата и на левом предплечье глазам предков открылась синяя розочка, мастерски наколотая в тату салоне.

Павел от неожиданности выронил пульт от телевизора. Они с Натальей оба резко за ним нагнулись и стукнулись лбами. Потирая ушибленную голову, отец, молча, протянул руку и дочь, нехотя сделав два шага вперёд, подала ему свою.

Секунд пять он разглядывал татуировку, затем откинулся на спинку дивана и спокойно произнёс :

– Точно такая розочка у моего соседа дяди Славы была. Только у него розу обвивала колючая проволока. Он всю жизнь в тюрьме просидел. Я тоже в восемнадцать лет такую наколку сделать мечтал, чтобы крутым выглядеть. Даже рисовал фломастером.

Дочь отвернула голову, пряча улыбку.

– Очень весело! – хлопнула себя рукой по колену Наталья.

– Тише, тише, жена. Дело уже сделано, здесь истериками не поможешь. Остаётся только привыкнуть или свести. Иришка, конечно, мы будем любить тебя в любом виде, такой, какая ты есть – с картинками или без них. Но у меня к тебе всего один вопрос – нахрена ?

– Красиво....

– Красиво, доченька, это когда просто белая кожа. Когда чистое тело. Я понимаю сейчас это модно. Каждая вторая дура себя расписывает под хохлону. Не думают, о том, что в зрелом возрасте это будет вызывать смех у окружающих.

Поверь, если бы у твоей мамы, когда мы познакомились,

я бы обнаружил хоть одну татуировку, то вряд ли рискнул строить с ней серьёзные отношения . И ты бы, доча, на свет не появилась. Отец сделал паузу и тут же заговорила мать, загибая на руке пальцы:

– Когда волосы в синий цвет покрасила под Мальвину, я смолчала. Дранные джинсы, хоть с трудом, но проглотила. Когда кольцо в нос вставила как корова, я тоже стерпела...

– Пирсинг – это называется, неужели трудно запомнить? – быстро проговорила Ириша.

– Не умничай! Даже когда с сигаретой электронной во дворе увидела, я это тоже как-то пережила. Но наколкой этой ты меня окончательно доконала! Как я твоим бабушкам и дедушкам это объясню? Зечку воспитала? Они ведь не поймут вашей дебильной моды! По их понятиям татуировки делают только проститутки.

– Ну спасибо, мама! Уже в проститутки меня записала? Иришка резко развернулась и выскочила из зала. Забежав в свою комнату, что то там схватила и бросив на предков суровый взгляд, закрылась в ванной комнате.

Родители посмотрели друг на друга глазами грустных псов. Павел обнял жену и нежно погладил её рукой по плечу. Она положила ему на грудь голову и заговорила о том, что «маленькие детки – маленькие бедки», а большие – настоящий, конкретный головняк.

Пока под мерное тиканье часов родаки обречённо вздыхали на диване, из ванной не доносилось никаких звуков. Это дало повод насторожиться. Наталья выскользнула из объятий мужа и подошла к двери.

– Дочуня, выходи, мы уже не злимся. Хватит уже дуться. Слышишь меня ?

В ответ ни звука. Она постучала, но дочь не отзывалась. Павел пальцем поманил жену в зал.

– Не трогай её, – сказал он, – сама выйдет. В первый раз что ли?

– А вдруг глупостей наделает?

– Каких ещё глупостей? Сделала уже глупость.

– Ты что не понимаешь? Вдруг плохое что удумает.

– Сбрендила совсем? – удивлённо уставился он на жену.

– Ириша, доча, выходи, хватит уже на нас дуться! – не отрывая зад от дивана громко позвал отец.

Ещё какое-то время в квартире висела тишина, затем громко клацнула щеколда и дочь, с взглядом Горгоны вошла в зал и задрала рукав халата. Вместо татуировки на коже краснело пятно с незначительными крапинками тёмно синей краски.

Наталья стала креститься, и благодарить богородицу, а Павел засмеялся и шутливо шлёпнул дочь по уже не детской попке. Он с первого взгляда понял о подвохе с татушкой, но виду не подал. На лице дочки тоже появилась улыбка. Но отец для профилактики погрозил ей пальцем, встал, уступая место рядом с матерью, и пошёл на кухню пить чай.

Шахматист

– Лошадью ходи, век воли не видать! – сострил Серый. Но никто даже не улыбнулся заскорузлой шутке. Очкарик в шляпе недовольно метнул в него презрительный взгляд, а я, стоя рядом, несильно хлопнул товарища сзади кулаком по почкам. Очкарик проигрывал нашему третьему другу – Мишане. Проигрывал в шахматы уже третью партию. Ставки росли. Начинали с полтинника, а сейчас на кону стояло уже две сотки.

На тот исторический период это были деньги. Я предупредил Мишку перед началом игры, чтобы дал фору этому деду. Ну, там: фигуру проиграл или пару пешек. По моим сведениям, этот пожилой очкарик перворядник. Мишка лишь усмехнулся в ответ.

За спиной очкарика тоже стояли его дружки шахматисты из клуба. Самый важный из них высокий полный мужик лет шестидесяти, держась пальцами за подбородок, с удивлением поглядывал то на нас, то на шахматную доску, где его приятелю уже корячился мат.

– Шах, – тихо произнес Миха, походив конем. Дед дрожащими пальцами сдвинул черного короля на соседнюю клетку. Следующим ходом Мишка съел ферзя.

– Вилка! – обрадовался Серый. – Я же говорил лошадью ходи!

Я снова стукнул его по почкам, на этот раз посильнее, а болевщик очкарика скрестил руки на груди и зло уставился на Серегу. Я, виновато улыбаясь, обняв друга за плечо, отвел его на несколько шагов в сторону и шепотом предупредил:

– Серый, прикуси язык или свали куда-нибудь. Что ты, как придурок, комментируешь? Веди себя культурно, на кону наши последние деньги!

– Ладно, ладно, Димон, я покурю. – и Серега уселся на корточки под каштаном, доставая из ветровки помятую пачку Примы. Тогда народ еще курил подобное.

В каком конкретно году произошла эта история, не припомню. Знаю точно – конец девяностых. До того как в городском центральном парке построили новый шахматный клуб, старый располагался налево от фонтана. Если пройти в глубь по каштановой аллее, то напрямик упираешься в накрытую козырьком площадку с лавочками и столами. Это летняя веранда, зимой же играли в старом закрытом павильоне, расположенном рядом. Еще с незапамятных советских времен здесь собирались любители подвигать фигуры. В хорошую погоду даже в будние дни тут можно было встретить сторбленных над досками пенсионеров.

А за выходные нечего и говорить. Иногда доходило до двадцати пар игроков. Даже столов не хватало. Шахматы не домино – стучать не нужно, разговоры тоже не практикуются, все страсти бушуют в голове. Любой посторонний шум вызывает раздражение и быстро пресекается.

Неподалеку метрах в пятидесяти за забором тогда еще функционировало замечательное кафе, где продавали на розлив пиво и прочие напитки. Именно со стороны этого кафе до игроков иногда доносился гомон, особенно под вечер. Бывало, даже слышались крики, и тогда в шахматном клубе головы в шляпах и фуражках поднимались, отвлекаясь от досок и, дружно поворачивались в сторону кафе.

Интересы шахматистов и выпивох никогда не пересекались. Каждое заведение жило своей жизнью. Между ними проходила незримая граница, а может даже пропасть. Лезть на соседнюю территорию, тем более вмешиваться в жизнь его обитателей никому не приходило в голову. Граница никогда не нарушалась, разве только попыткой стрелкнуть сигаретку.

Кто бы мог подумать, что именно мне выпадет жребий не просто перейти Рубикон, как Цезарю, а вторгнуться в этот чуждый мир, покорить его и унижить...

Очкарик в шляпе в итоге положил на доску короля, встал, пожал Мишке руку и вынул из кошелька две сотни.

– Позвольте ? – спросил здоровяк в очках, присаживаясь за стол.

– Дайте перекурить человеку, уважаемый! – вмешался я, – Три партии все-таки. Не хухры-мухры !

– Я на минутку, извините. – вставая, сказал Мишка здоровяку. Отойдя от стола, он поднял руки в верх, потянулся, немного попрыгал, покрутил тазом, разминая затекшее от сидения тело. Ему после пива хотелось в туалет, и я проводил его до уборной.

В наш город Мишка приехал из Таджикистана, когда там в девяностом началась заварушка. Против русских тогда ополчились нацики-таджики. Начались погромы, гонения и убийства. Он потерял все: работу, квартиру, нажитое имущество. Родители по приезду в Россию вскоре умерли, а жена ушла, как только он стал регулярно прикладываться к стакану.

Там в далекой бывшей братской республике Мишка родился в семье инженеров и с первого класса посещал в Душанбе шахматный кружок. Еще в институте защитил мастера, а после, работая в НИИ, принимал участие в международных турнирах. Но разыгравшийся ураган начала девяностых и пагубное пристрастие к алкоголю коренным образом повлияли на его судьбу. Как и миллионы сограждан он, утратив под ногами твердую почву, оказался выброшен на обочину . При этом наплевал на прошлое, начхал на будущее и жил только настоящим. Такой образ жизни его вполне устраивал.

– Ну ты как в форме ? – спросил я у Мишки, когда мы возвращались из сортира к шахматному клубу.

– Нормально. – ответил он.

– Не жалко бывших коллег?

– В каком смысле?

– Не стыдно деньги у них выигрывать? У тебя же гораздо выше уровень. – прощупывал я Мишку.

– Дима, совесть и стыд остались в прошлом. В той великой стране. А сегодня мы живем в диких джунглях. Homo homini lupus est! Так что смело крути этого амбала на пятихатку, я не подведу, а ты в доле...

Здоровяк на такую высокую ставку согласился, но с условием, если проиграет, то ему дадут шанс отыграться. Договоривался с ним я, как Мишкин промоутер. Соперники пожали друг другу руки, ваыбрали цвет фигур и игра началась. Я заметил, что остальные присутствующие, а их было еще пять пар, все чаще стали смотреть в нашу сторону и что-то тихо обсуждать.

Встревоженный такой реакцией, я подошел к одному из столиков и поинтересовался у игроков, сильно ли играет Мишкин соперник. Худощавый мужик произнес только три буквы – КМС. Нервы у меня были на пределе. Такую дозу адреналина давно не доводилось получать. Во рту пересохло, било дрожью колена, я позвал Серегу и дал ему мелочи, чтоб он купил минералку. Шла серьезная игра. На кону стояло пятьсот рублей.

Идея немного пощипать шахматистов пришла мне в голову спонтанно. Подружившись с Мишкой и узнав его историю, я не придал шахматам вообще никакого значения. Лишь однажды, когда пошел отлить за забор и бросил взгляд на озабоченных старикашек за досками, на меня вдруг снизошло озарение. Я слышал от кого-то, что шах-

матисты играют не под интерес, а на деньги. С деньгами у нас как раз и были проблемы. Стройка, где мы с Мишкой и Серым дружно трудились, вдруг резко остановилась. В те времена, успевшие наворовать граждане, на окраинах города строили себе трехэтажные виллы.

Наш хозяин подался то ли в бега, то ли на моря с любовницей. Его жена приехала на машине на объект злая, разогнала всех с помощью своего братца бандита. Повесила кругом замки. Мы целыми днями пропадали в кафе, пропивая последние кровью и потом заработанные рубли, и мечтали или вырыть клад, или грабануть какой-нибудь магазин. Но дело дальше фантазий не двигалось, так как от криминального мира мы все же были далеки. А здесь обнаружился такой вполне легальный заработок. Мишкины мозги, наша поддержка. И, черт возьми, это сработало!

Соперники сражались почти на равных. В выигранных фигурах наблюдался паритет, по пешкам Мишка на одну проигрывал. Время партии подходило к концу и собравшиеся зрители уже чаще смотрели на часы, чем на доску. То ли Михаил решил поддаться, то ли соперник напряг все извилины, но в эндшпиле он начал шаховать и гонять Мишиного короля по всей доске.

Неизвестно чем бы кончилось дело, если б флажок на часах у здоровяка не рухнул вниз. Надо отдать должное его нервам, он, молча, достал пятьсот рублей и передал Михе. А потом стал заново расставлять фигуры, предлагая реванш. При этом подозвал одного из своих товарищей и попросил стакан воды. Когда подали воду, достал из кармана брюк пузырек с таблетками, одну проглотил и запил.

– Опачки! Допинг-контроль! – пошутил Серега. Я наступил ему со всей силы на ногу, и он взвизгнул от боли.

Вторая партия была похожа на избиение младенца.

Мишка играл с КМСником как с подростком. Со стороны я наблюдал за своим другом и не узнавал его. Он весь как-то преобразился. Впервые на его лице я увидел взгляд хищника. Мишка стал весь какой-то холодный, суровый, безжалостный. Как удав. Это был не тот хлюпик со стройки, которого я иногда жалел, видя, как он таскает кирпичи. Не тот хилак, которого я старался не нагружать работой, трезво оценивая его физические возможности. «Так вот, что такое шахматное сражение. Вот почему шахматы называют спортом!» – стало до меня доходить.

А Мишка, в подтверждение моим мыслям, крушил защиту соперника. Уничтожал фигуры, стальным катком проходил по флангам, бил так, как бьют боксеры. Только удары эти наносились не руками, а силой мысли. А потом вдруг неожиданно послал соперника в нокаут. То есть поставил мат!

Пока я следил за игрой, в голове словно звучала какая-то симфония. Я не силен в музыке, но готов поклясться, что слышал скрипки, трубы, барабаны и контрабасы. И концовка оглушила: Шах! Шах ! Мат!!! На миг повисла гробовая тишина. А потом взрыв оваций. Между тем здоровяк, войдя в азарт, предложил третью партию.

– Вам еще не надоело проигрывать, уважаемый? – хихикнул Серега. Но мой взгляд, как выстрел из дробовика, отбросил его на метр назад.

– Уберите только этого кретина! – негромко попросил меня мужик. Я снова отвел Серегу под дерево и уже не скрывая злобы, сказал ему в глаза:

– Серый, или ты в деле, или вали отсюда! За такие бабки как на кону нам втроем надо целый день на стройке месить раствор. Ты что, не врубаешься? Здесь тебе не шалман, не та публика. Если не можешь заткнуться, иди на ...карусели прокатись!

Сергея, изобразив обиженку, направился к дырке в заборе, которая вела в кафе. А я вернулся к столу, где уже разыграли дебют третьей партии. К игрокам непросто было пробиться. Их окружили кольцом зрители – те самые шахматисты, бросившие свои партии и решившие поглазеть на игру двух мастеров. Естественно, многие из них болели за своего, и жаждали его победы. А я в душе тихо гордился собой, сумев заварить такую кашу.

Наблюдая за третьей игрой, и войдя в транс от созерцания черно белых клеток, на меня снова снизошло озарение. Пока Мишка со скоростью суперкомпьютера просчитывал в голове всевозможные комбинации, я в своей строил планы на будущее, и тоже на много ходов вперед.

Ведь взяв на себя роль организатора, я должен был иметь какой-то план. Железно уверенный в том, что теперь в родном городе стабильный доход нам обеспечен, я строил планы на будущее. Сначала, думал я, можно гастролировать по области. Приезжать в подобные клубы и честно грабить их обитателей.

Сперва, конечно, придется на общественном транспорте, а позже можно обзавестись подержанным автомобилем. Затем по планам «великого комбинатора» должен был пасть весь южный федеральный округ, ну, а впоследствии, и вся необъятная Родина. Наша троица в моих фантазиях уже путешествовала от Калининграда до Сахалина на аэробусах в каютах бизнес класса. На этапе зарубежных поездок я решил пока попридержаться фантазию. Нужно, сперва, разузнать остались ли подобные клубы в бывших республиках и нужны ли будут визы.

А пока, стоя на одеревенелых ногах, я наблюдал за игрой, Сергей пошел в кафе и пустил слушок, что Мишка всю натягивает шахматистов. Что даже самого главного – масте-

ра спорта под орех разделал! Удивленные завсегдагаи кафе, особенно те, кто знал Михаила, наскоро допив пиво повалили болеть за своего.

На глазах этой возбужденной толпы здоровяк, естественно, продул и в третий раз... Он пожал сопернику руку и с удивлением спросил:

– Простите за любопытство, а вы кто?

– Как кто? Человек. – ответил Мишаня.

– Ну, я тоже человек – немного раздражаясь заметил здоровяк. – Зовут меня Владимир Афанасьевич. По должности являюсь председателем шахматного клуба, имею звание КМС. А Вы кто по разряду, по профессии? Чем занимаетесь?

Мишка покосился на меня, а я, прикрыв глаза, отрицательно чуть мотнул головой.

– В данный момент на стройке тружусь. Зовут Михаил. Каменщик второго разряда. – скромно ответил Мишка, убирая в карман пятихатку.

После игры все поздравляли нашего чемпиона. Каждый старался пожать ему руку. Некоторые самые подпитые и отчаянные начали предлагать сразиться в шахматы. И никто кроме нас с Михой не обратил внимания, как расстроенные шахматисты во главе с председателем направились с горя в кафе заливать поражение.

– Ну что, пойдём, ребят пивом угостим? – предложил я Мишке. Он улыбнулся и хлопнул меня по плечу:

– Конечно, шахматисты не люди, что ли ?

Юркино царство

Шестиклассник Юрка живёт в старом двухэтажном доме. В его подъезде на втором этаже есть железная лестница и деревянный люк на чердак. В последнее время он залазил туда тайком и оборудовал среди стропил и старых печных дымоходов целое царство. Затащил сюда каким-то образом сидение и спинку от небольшого кресла и устроил трон. На чердаке имеются два окна с гнилыми рамами и остатками стёкол. Через них можно вылезать на крышу. И поскольку дом окружён высокими тополями, огромные ветви густой листвой надёжно скрывают от посторонних глаз новоявленного Карлсона.

В нише между стеной и кровлей спрятан лук и стрелы с наконечниками из гвоздей. Всё по-серьёзному. Рядом в тайнике лежат спички и пачка сигарет, а в жестяной коробочке из под конфет хранятся гильзы и пули с войны, выменянные у пацанов. В двенадцати квартирном доме из всех детей Юрка единственный большой мальчишка. Остальные совсем малявки, или вовсе девчонки разных возрастов. Поэтому царство по праву принадлежит ему одному.

Как-то на каникулах, желая поделиться своей тайной, он пригласил в гости Павлика – друга и одноклассника из соседнего двора. Они тихонько по лестнице просочились на чердак. Первым полез Юрка. Он открыл головою люк, привычно шмыгнул на верх, затем помог забраться Павлику и закрыл за ним крышку.

У Павлика от увиденного перехватило дыхание. Юрка на радостях провёл для друга целую экскурсию. Показывал скелеты птиц, воробьиные гнёзда с птенцами под карнизом, свой тайник, и конечно трон.

Они обошли изнутри весь чердак. Потом стреляли из рогатки и из лука, вонзая острые стрелы в толстые брёвна

стропил. Затем выкурили одну сигарету не в затяжку, смачно сплёвывая и чувствуя себя настоящими мужиками.

– Везёт тебе! – классное царство! – с завистью сказал Павлик, перед тем, как собрались уходить.

Юрка открыл крышку люка и на своём примере показал Павлику, как нужно спускаться.

И тут вдруг выяснилось, что Павлик боится. Он никак не мог нащупать ногой перекладину лестницы. Тогда Юрка стал пытаться помочь товарищу встать на спасительную ступеньку. Брал его за кроссовок, тянул вниз и направлял на перекладину. Но Павлик весь трясся, испуганно ойкал и не желал опускать ногу чуть ниже. Бесполезные попытки уговорить Павлика не бояться продолжались минут пять. Закончились они тем, что Юркин друг дал волю эмоциям и расплакался. Плакал он довольно долго и громко. Всклипы и завывания эхом разносились по подъезду, и Юрке пришлось подняться на чердак, закрыть люк и дать ему выплакаться.

– Это всё из-за тебя! Зачем я дурак только согласился! – сказал Павлик, когда немного успокоился.

– Знал бы я что ты хуже бабы, никогда бы сюда не позвал. Но спускаться всё равно придётся. Не собираешься же ты здесь жить! – зло выговаривал Юрка.

Павлик снова скривился, готовый опять разрыдаться, и тут вдруг попросил:

– Позови сюда моего отца !

Юрке от этих слов стало сначала смешно, но когда он представил последствия визита сюда дяди Феди – отца Павлика, желание смеяться и шутить у него пропало. Павлику, конечно, влетит и крепко, но и ему перепадёт. Юрка знал, что отец регулярно угощает друга ремнем за двойки и за плохое поведение. А особенно за то, что он постоянно врёт. И на этот раз Павлик скорей всего прикинется жертвой

обстоятельств и всю вину свалит на Юрку. Чтоб избежать порки, станет доказывать, что его чуть ли не хитростью заманили на чердак.

Бесполезные уговоры набраться смелости и ещё раз попробовать слезть продолжались ещё минут десять. Обоим мальчикам это показалось вечностью. В итоге Юрка спустился сам и вышел во двор, уже собираясь идти за отцом Павлика. Не своего же батю звать на подмогу!

Но тут он увидел в гараже соседа дядю Колю. Дядя Коля жил в доме уже лет пять. Он женился на тётке Гале и у них родился маленький Вовка. У дяди Коли был мотоцикл, и он даже разрешал Юрке на нём сидеть, когда возился в гараже. Ещё он играл на гитаре и в футбол, вобщем, его все уважали и взрослые, и дети.

Юрке мгновенно пришла в голову идея – попросить дядю Колю вызволить друга из беды. И он подошел к соседу, не зная как начать. Вначале, присел на корточки и сделал грустное лицо. Потом хотел соврать что-нибудь, вроде того, что на крышу они случайно забили мячик или запустили самолётик, но обман легко может быть разоблачён и тогда о дружбе с таким замечательным человеком можно забыть навсегда.

– Как дела, дружище? – подмигнул дядя Коля.

– Не очень ...

– Эх, мне б твои заботы! – вздохнул дядя Коля.

Вчера после работы он крепко выпил с друзьями, а утром от жены получил взбучку.

– Мы пропали – тихо сказал Юрка, – нам конец!....

Через пять минут дядя Коля, держа перепуганного Павлика в охапку, спускался по чердачной лестнице. Тот вцепился в него как клещ, обхватив крепко за шею и зажмурил глаза.

– Держи своего кореша, – сказал дядя Коля, ставя Павлика на землю. Когда его друг почувал под ногами твердую поверхность, рванул с места так, что даже забыл поблагодарить своего спасителя. Так, наверное, убегает вызволенный из капкана зверь.

Юрка по сей день благодарен дяде Коле за то, что им тогда удалось избежать порки. А вскоре на крышку чердачного люка управдом дядя Петя повесил замок.

Учительница французского

С тех пор, как я уселся за руль собственного автомобиля, ездить на трамвае не доводилось. И вот после серьёзной поломки моего авто такая возможность представилась. Пожадничав вызывать такси, я запрыгнул на остановке в вагон, следующий в нужном направлении.

Вошёл, и двигаясь по проходу, в поисках свободного места, поймал себя на мысли, что, словно очутился в прошлом.

Вдруг, среди пассажиров я узнал свою школьную учительницу Надежду Кузьминичну. Она вела у нас с пятого по десятый класс французский язык. Кузьминична сидела, повернув голову, и задумчиво глядела в окно. Но, как мне показалось, взгляд её был направлен совсем не на городской пейзаж. Так смотрят, видя перед собой какие-то другие картины.

За много лет учительница, конечно, изменилась. Постарела, чуть сгорбилась, руки и лицо покрыли глубокие морщины. Но её узкие раскосые глаза, небольшой приплюснутый нос и крупные азиатские скулы, не давали ни малейшего повода обознаться. Она родилась и жила до приезда в наш город, где-то на востоке страны. Её национальность меня в школе как-то меньше всего интересовала. То ли бурятка, толь якутка.

Место рядом с ней оказалось свободным, и меня что-то дёрнуло примостился рядом. Учительница не повела и бровью, трамвай плавно тронулся. А я, вместо того, чтоб молча ехать до своей остановки, вдруг взял да и негромко брякнул:

– Bonjour (Здравствуйте), Надежда Кузьминична!

Она удивлённо повернула голову, секунды две сканировала меня взглядом, наверняка перебирая в памяти тысячи лиц, и вдруг спокойно ответила:

– Bonjour, Тимченко ! А дальше как на уроке :

- Comment ca va? (Как дела)
- Bien, merci. (Хорошо, спасибо)
- Ou vas-tu? (Куда едешь)
- A la maison. (Домой)

Сидящие спереди бабульки одновременно повернули головы, услышав иностранную речь.

– Parlez en russe (Говорите по-русски). -шепнул я учительнице.

– Bien! (Хорошо) – кивнула она.

– А вы, оказывается, меня не забыли, Надежда Кузьминична? Ну у вас и память!

– У вас тоже ничего. Помните уроки. Я всегда говорила, что вы не просто способный ученик, а талант. Причём талант разносторонний...

До меня сразу дошёл этот ироничный намёк. Скорее всего, она имела в виду ту кнопку, которую мне хватило ума подложить ей на стул. Я вытащил её из стенгазеты на перемене. Большая, крупная кнопка. Такое не пришло бы в голову даже отпетому хулигану Славке Чернову. Хотя все тогда подумали на него. А Славка, чтоб отвести от себя гнев француженки, сдал меня с потрохами.

Да у него и мотивов то не было мстить учительнице. Кузьминична до восьмого класса ставила ему в журнал незаслуженные тройки. Он за это не хамил на уроках и хлопал испуганно глазами, когда ему задавали вопрос на французском. А мне приходилось отдуваться за таких, как Славка. Кнопка была моей глупой мстью. Но и после, в девятом и десятом классе, когда школу покинули слабаки, Надежда Кузьминична ещё больше стала от меня требовать. Просто терроризировала.

Я парлекал неплохо. И домашнее задание у меня списывала половина класса. Это происходило после того как те-

традь попадала к Свете Добриковой – самой красивой девчонке в классе. Светка, как и я училась слабенко. Но не потому что тупая, а потому, что занималась серьёзно балетом и на уроках просто отдыхала. Даже засыпала иногда.

Я тоже бездельничал на физике и химии, и, особенно, на математике. Зато гуманитарные предметы давались мне легко. Любимым была литература. Читал я и помимо школьной программы. Больше всего обожал исторические романы. В тетрадках на уроках рисовал замки, рыцарей, парусники и пиратов с ковбоями. Ещё изобретал конструкции арбалетов и катапульта. А дома вместо того, чтоб делать домашнее задание, шел к отцу в мастерскую и там воплощал замыслы в дереве и металле. За это во дворе среди сверстников получил прозвище Кулибин.

Надежда Кузьминична это всё прекрасно понимала, но ничего не могла со мной поделать. Возможно, мучая своим французским и заставляя выступать в школьной самодеятельности, она пыталась как-то изменить мои интересы. Привить желание учиться, вытащить из фантазий. Её урок я знал на четыре с плюсом. С произношением и грамматикой справлялся даже лучше отличников. Стихи на французском, как и на русском запоминал накрепко, с первого раза.

– Ну, как живёшь, чем занимаешься? – перейдя на ты по дружески спросила учительница.

– Да всё так же: фантазирую и занимаюсь ерундой. – ответил я честно.

– А что разве сейчас такое возможно?

– Это всегда возможно, если есть такая возможность. – вырвался у меня каламбур.

– Да, люди не меняются. Неправильно меня в институте учили. – вздохнула Кузьминична. Человека перекроить невозможно. А так хотелось, чтоб из вас всех вышли достой-

ные люди. Чтобы обществу пользу приносили. Я честно старалась, но некоторые вели себя как упрямые ослики. – и она скосила на меня глаза.

– Догадываюсь, кого вы имеете в виду. Только я всегда ценил свободу выбора. И ставил её превыше всего.

– Ну и чего добился в жизни, если не секрет? Пошёл работать на завод, как на экзамене мне пообещал? – с насмешкой спросила учительница.

– Вы и это помните? – удивился я.

А как же? Когда ты билет вытащил с вопросом, кем я мечтаю стать, то без подготовки ответил мне одной единственной фразой – «Je vais aller travailler dans une usine!» (Я пойду работать на завод) И я тебе со злости тройку вlepила и сказала – В добрый путь! – Помнишь?

– Что-то припоминаю... Но как вы не забыли? Ведь таких учеников у вас были сотни, если не тысячи.

– Такое, Тимченко, не забывается. Ты ведь меня тогда второй раз сильно обидел. Я будто опять на кнопку села. Тем ответом на экзамене ты мне дал понять, что все мои труды гроша ломаного не стоят. Что мой долг педагога бесполезный и глупый как и твой выбор.

– Простите, дурака, Надежда Кузьминична. Но я свой долг обществу отдал сполна. Двадцать лет мастером в ПТУ отработал, пока его не закрыли. Так что мы с вами почти коллеги.

Её узкие-узкие глаза вдруг сделались круглыми от удивления.

– Вот как? А я слышала вы куда то переехали.

– Правильно, поработал слесарем на заводе, дошло через руки, что учиться и вправду нужно. Заочно окончил институт. А в начале девяностых за город переехал, дом построил, женился.

– Дети есть?

– Да, двое. Сын программистом работает, а дочка в школе трудится.

– Что преподаёт?

– Французский.

На этот раз глаза у Кузьминичны чуть не выпали из орбит.

– Ты, как всегда шутишь?

– Нет, Надежда Кузьминична, истинная правда.

– Ты меня удивил и очень обрадовал. Представляю, как тебе было нелегко, работая педагогом, поднять двух детей и дать им достойное образование. А помнишь как я тебя на уроках иногда называла?

– Да, да, что-то в голове вертится, но слово вспомнить не могу!

– Не мучайся, Полишинель!

– Точно! Ну у вас и память!

– Ничего особенного. Просто за всё время работы в школе я никого так больше не дразнила, – засмеялась учительница.

– Ну спасибо, Надежда Кузьминична! Польщён.

– Не стоит благодарности, Тимченко. Но раз уж на то пошло, то и ты меня прости.

– За что?

– Ну, за ту тройку на экзамене и за то, что разочаровалась в тебе тогда. И все эти годы думала, что не вышло из тебя ничего хорошего.

Тем временем трамвай подъезжал к конечной остановке. Отсюда мне до дома оставалось минут десять езды на маршрутке.

– Вы тоже на конечной выходите? – спросил я учительницу, вставая с места.

– Нет, Тимченко, я свою остановку проехала.

– Так, это я вас заговорил? Простите!

– Не извиняйся, ничего страшного. Я очень была рада с тобой пообщаться. Сейчас трамвай развернётся по кругу и поедет обратно. Я сойду, где нужно.

– Au revoir (До свидания), Надежда Кузьминична. – сказал я, направляясь к выходу.

– Au revoir, Тимченко.

Я спрыгнул как в молодости с подножки, закурил, перешёл через дорогу и стал ждать маршрутное такси.

Солнце уже спряталось за новостройками на городской окраине. В воздухе разливались долгожданная прохлада. Подступали сумерки. В голове негромким эхом ещё звучали слова учительницы. Трамвай развернулся за сквером и мягко проскользил по рельсам в обратную сторону. В его салоне уже горел свет, но вагон почему-то оказался пуст. Я проводил его удивлённым взглядом. Куда могла деться учительница? И была ли она вообще?

Раздумья прервал скрип тормозов.

В следующий момент я увидел перед собой уже открытую дверь подъехавшей маршрутки и зашёл вовнутрь.

Кругосветка

С утра у заброшенного морвокзала собирается любопытный народ. Из мощного репродуктора, некогда объявлявшего отбытие и прибытие теплоходов, в майское небо льется музыка. «Прощай любимый город...» – басит колокольчик, взирая с высоты на собравшуюся толпу.

А посмотреть есть на что. Прибыл даже небольшой духовой оркестр. А вот из огромной черной машины важно появляется мэр. Его радостно обступает свита из нарядных дам. Корреспондент и оператор областного телевидения через вокзальную площадь спешат к градоначальнику.

Весь этот переполох вызван поистине историческим событием. Впервые от причала провинциального города человек отправляется в кругосветное плаванье! По такому случаю даже губернатор обещал приехать. И, говорят, уже в пути.

Последний раз рейсовые и прогулочные теплоходы курсировали здесь четверть века тому назад. Суда давно порезали на металлолом, здание обветшало, превратилось в памятник.

Готовясь к столь серьезному мероприятию, на полузаброшенной территории побелили бордюры, на голые клумбы уложили искусственные газоны, вымыли бранспойтом раскрошившуюся тротуарную плитку. А главное, отбуксировали в порт последний облезлый теплоход, путивший корни на причале. Вчера полиция разогнала всех рыбаков с удочками и предупредила, чтоб ни одной живой души на пирсе не было! И вот сегодня, любопытные горожане наблюдают, волнуются, ждут.

Со стороны яхт-клуба появляются молодые спортсмены с разноцветными морскими флагами. Во главе их два тренера и директор Михаил Львович. Он озабоченно по-

глядывает то в море, то на провожающих, то не свои часы. Мэр лично просил все сделать красиво, достойно, привлечь для проводов лучшие кадры.

Вот, отделяясь от толпы, к директору яхт-клуба с улыбкой подходит старый приятель – капитан крейсерской яхты «Надежда» Колюжный Виктор Сергеевич. Видный спортсмен, чемпион различных регат. Он прибыл по приглашению, как заслуженный ветеран парусного спорта. Друзья пожимают друг другу руки, обнимаются и капитан, шаря глазами по заливу, наконец задает директору вопрос: – А где лодка ?

Директор указывает в сторону моря, откуда из под причала выглядывает небольшая мачта .

– Где, не вижу?

– Да вот же, у стенки.....

Капитан подходит к пристани и устремляет взгляд на воду. Спортивный молодёжный швертбот класса 470 с привязанными по бокам бочками танцует на волнах. Грязное как божье море отпускает оплеухи небольшой посудине и презрительно плюется пенными брызгами.

– Это что шутка, Львович ?

– Да нет, Виктор, все серьезно. Ты даже не представляешь насколько! Кругосветчику только из городской казны двадцать тысяч бакинских рублей выдали. За него большие люди поручились. По телевиденью, вон, две недели трубят. Кому и зачем это нужно, – выводы делай сам.

Бывалый капитан Виктор Сергеевич на минуту онемел. Так бывает, когда от чьей то наглости или хамства приличный человек впадает в ступор.

– Миша, ты видел океан? Вы что меня за дурака держите? Это какой-то авантюризм!

– Успокойся, Виктор, я тебя отлично понимаю. Но ты

учти, что мир тоже открывали авантюристы, вроде Колумба.

– У Колумба хотя бы каравелла была. А это что? Детская семидесятка с какими то бочками по бокам !

– Это не просто бочки, а баки для воды и провизии...

– А, так они еще и плавучести не имеют?

– Плавучесть по мере движения будет увеличиваться. Ты что, забыл, капитан, как мы сами в молодые годы на байдарках покоряли моря? Теперь, правда, по-другому, в кругосветку ходят...

– И как же? Просвети.

– Да очень просто! Посудину грузят на пароход, идущий в нужном направлении, а по прибытии в порт выгружают. И так на протяжении всего маршрута.

– Кто тебе такое сказал, Миша?

– Я беседовал с путешественником, от него и узнал.

– И что за птица?

– Да нормальный мужик. Вырос на Балтике, работал инженером. Сейчас в вузе преподает. Знает действительно много. Просто энциклопедия ходячая.

– А фамилия не Конюхов, случайно?

– Нет, фамилия Марченко.

– А ты, Львович, часом не выпивал с ним?

– А как же! У меня в кабинете за знакомство «аиста» приговорили.

– Ну ладно. И где же твой кругосветчик?

Директор пошарил взглядом по площади, по толпе народа, пожал плечами.

– В гостинице, наверное, вещи собирает.

Капитан посмотрел на часы:

– До начала тридцать минут...

Михаил Львович окликнул какого то мужика, облокотившегося на кнехт:

– Николай ! Ты кругосветчика не видел?

Пожилой вахтенный из яхт-клуба указал рукой на море.

– Вон на землечерпалке. С вечера там.- И он незаметно приставил палец к горлу.

– Ах, Коля, Коля! Почему сразу не предупредил? Бегом в катер, заводи мотор ! Виктор, айда с нами ! – и директор быстро зашагал к калитке между морвокзалом и яхт-клубом. Капитан с вахтенным поспешили за ним.

К черпалке, стоящей в полумиле от берега, подошли за пару минут. Пришвартовались и поднялись на борт. Судно казалось вымершим. Стучали, кричали, и, разделившись, принялись обшаривать довольно немаленькую посудину.

Повезло вахтенному Николаю. Место, где поклонялись Бахусу, он вычислил, казалось, по нюху .

– И тут белый аист! – Виктор Сергеевич войдя в каюту, мгновенно оценил обстановку.

Путешественник и вахтенный черпалки храпели на шконках. Из-под стола выглядывала батарея пустых бутылок. По количеству окурков и объедков напрашивался вывод о масштабах попойки. Директор яхт-клуба стоял в дверях и держался за сердце.

Калюжный спокойно взял пустой стакан, подошел к раковине и всполоснул его. Затем налил пятьдесят грамм и протянул бедному Львовичу со словами: – «Пей!» А вахтенному кивнул на спящих – «Буди архаровцев!»

Николай послушно подошел к шконкам и стал трясти собутыльников. Бил по щекам, даже тер уши. Те были, что называется, мертвецки пьяны. Они что-то бессвязно мычали, отбрыкивались, и матерились.

– Так, отставить, не вижу в этом смысла! – махнул рукой капитан. – Многовато на грудь приняли. Слабаки!

Он вышел из каюты и поманил за собой товарищей.

– Мне конец! – трагично произнес директор.– Мэра с губернатором подставил, весь город подвёл! Недоглядел...

– Не переживай, Михал Львович, из худших передрыг выбирались!

– Но ни из таких, Витя! Я сам сейчас готов в кругосветку отправиться. И остаться где-нибудь в ревущих сороковых.

– Не раскисай раньше времени, сейчас всё устроим!

Виктор Сергеевич уже принял решение. Море учит быстро соображать. А ещё отвечать на добро – добром, на хитрость – хитростью, а на авантюру сверх – авантюрой. Капитан достал телефон, нашел нужный контакт и позвонил.

– Привет, братик! Помощь твоя нужна, выручай! Хороших людей надо спасать. Потом все объясню. Ты подгребай сейчас к яхт-клубу. Да, да, это очень срочно! Давай, через пять минут жду.

Он выключил телефон и обратился к спутникам :

– Что ж вы, черти, приуныли ? Я же сказал, все будет нормально. Пошли на катер. Коля, курс на яхт-клуб.

– А кому ты звонил, Виктор? – на ходу удивленно спросил директор.

– Да так, другу одному.

– А он кто? Хоть не бандит?

– Нет, предприниматель. Сапожник.

– А зачем нам сапожник?

– Да, не переживай ты так! Я Сэму звонил. Он из наших, тоже морская душа.

– Что-то не слышал о таком.

– Ты и не мог ничего слышать, он подпольно работает. Очень способный мальчик. Туфли для покойников шьёт, неплохо на них поднялся. Все, Львович, считай, что кругосветчика я тебе нашел, а ты тельняшку достань. У тебя в баталерке, надеюсь, хоть одна завалялась?

– Зачем ее искать? – Вахтенный на ходу начал быстро расстегивать рубашку, под которой зеброй заиграл вылинявший тельник.

Легко стукнувшись бортом о краец плавучего пирса, катер причалил во дворе яхт-клуба. Пока три пары ног стучали по доскам, еще одна пара с загорелыми икрами в модных кроссовках, мягко переступала порог данного заведения.

После дружеских объятий и короткого знакомства, капитан протянул Сэму тельняшку со словами :

– Братик, одень вот это. Сейчас мы с горожанами, мэром и губернатором проводим тебя в кругосветное плаванье.

Сэм даже ухом не повел. Спокойно гоняя во рту жвачку, снял кепку, очки, и передал подержать их вахтенному. Затем одним движением натянул поношенный тельник поверх модной майки-безрукавки.

Навскидку ему было лет сорок пять. Стройный брюнет среднего роста с мужественным лицом.

– Эх, тебе бы еще бороду как у Конюхова. – ехидно заметил Виктор Сергеевич, оглядывая со всех сторон своего друга.

– Лучше как у Хоттабыча. – мгновенно парировал Сэм.

– В общем, так, братуха, шутки в сторону, твой выход! Если что, ты кругосветчик Марченко. Сейчас идем на морвокзал. Там губернатор двинет речь, ты сядешь в лодку, она под стенкой, и Николай с Львовичем отбуксируют тебя с глаз долой. Не забудь помахать на прощание горожанам. А, вы, тащите его катером к судоходному пути, чтобы все правдоподобно выглядело. Затем берите курс на косу. Ходу туда минут тридцать – сорок. Когда зайдете за мыс, корыто путешественника бросьте у рыбаков. Хотя, если честно, я бы его притопил вместе с белым аистом и с Одиссеем этим

Марченко. А тебя, братик, я отсюда через час на машине заберу. Что там у нас по времени, Миша?

– Пора!

– Ну, с Богом!

Они гуськом направились к забору, где находился выход на морвокзал. Сэм на ходу выплюнул жвачку, а директор перекрестился. Минуту спустя из старого колокольчика торжественно зазвучала речь губернатора.

Гильотина

В первый день наступившего года, когда организм и сознание ещё не пришли в норму, раздался звонок от старого друга сослуживца.

– С прошедшим тебя, Пашок!... Я обратил внимание, что голос дружка звучит не радостно. На мой вопрос: «Как сам?», он стал увиливать и напрашиваться в гости, чтоб не по телефону, а вживую обо всём поболтать. «Конечно приезжай!» – обрадовался я. Впереди маячили безразмерные выходные, от которых мы с женой рисковали растолстеть и утомить друг друга своим постоянным присутствием.

Вася для нашей семьи являлся счастливым талисманом. После службы в армии, я скоропостижно женился, и он был на нашей свадьбе дружком. Сам Василий на любовном фронте не блистал. Судьба распорядилась так, что он родился самым старшим ребёнком в многодетной деревенской семье. С детства ему вменялось немало обязанностей, в том числе ответственность за воспитание младших. «Пока не переженю всех братьев и не выдам замуж сестер», – говорил он, «никому не позволю себя охмурить».

Но время шло, братья обзавелись семьями, две сестры успели развестись и снова выскочить замуж, а Василёк всё ходил в холостяках. Работу чередовал с домашним хозяйством, продолжая жить в родительском доме и помогать огромной родне. Я не встречал в своей жизни более неутомимого и честного труженика. Моя Ольга сильно за него переживала, иногда заводила с ним разговоры о браке. Она считала, что родственники сели ему на шею, а он как порядочный человек продолжает заботиться о них, совершенно забыв о себе.

Василий любил у нас гостить. Живя на Дону, он один раз в год обязательно находил время, чтоб навестить нас. Вы-

краивал время из своего сумасшедшего графика, и, словно измученный штормами корабль, ненадолго находил покой в нашей тихой бухте. Приезжал на три дня. Первый день мы были ему безумно рады. Садились за стол, праздновали, вспоминали старых товарищей и наши приключения. На второй день, наговорившись, больше молчали, и каждый думал о чём-то своём. А на третий день уже начинали уставать друг от друга. Спорили и даже раздражались. Утром он прощался с моей женой и детьми, я отвозил его на вокзал и мы с тоской расставались.

К сорока пяти годам на его женитьбе мы с женой почти поставили жирнющий крест.

И тут как гром среди ясного неба, без предупреждения летом нарисовался Васятка и не один, а с женщиной. Кроме того, в нагрузку к этой даме, которую он называл Геля, прилагалась девочка Светлана четырнадцати лет, дочь от первого брака этой самой Ангелины. Спутница друга неплохо гармонировала с ним. Статная брюнетка, с явно выраженными казачьими корнями, модно одетая, с ухоженными ногтями и стильной причёской.

Нам не верилось в происходящее. Всё казалось сном. И Вася выглядел совсем по-другому: словно помолодевший, внимательный, заботливый. Было видно, что он не на показ, ухаживает за своими дамами.

Мы с женой от радости, как могли, развлекали гостей. Показывали им наш город, угощали шашлыками, вывозили на природу и на пляж, смешили и всячески старались понравиться. Мы словно сами почувствовали себя молодожёнами.

Традиционные три дня промелькнули как сплошной праздник, и когда Вася с семейством отчалил, мы ещё какое-то время находились в приятной эйфории. Взгляд жены

выражал восторг. Я в свою очередь сплёвывал и крестился, дабы не сглазить счастье друга.

Прошло полгода, и вот после этого странного новогоднего звонка Василий снова посетил нас. Вошёл в дверь припорошенный снегом как Дед Мороз, но почему то без Снегурочки. На вопрос жены, «Почему один?», Вася отмахнулся и по его лицу стало всё понятно без слов. Жена благоразумно не стала проявлять излишний интерес, и, накрыв на стол, выпила с нами за встречу и удалилась.

Я слушал боевого товарища, сжимая от злости кулаки. Вася начал с того, что с Гелей они прожили восемь месяцев. Она как быка в стойло привела его к себе в квартиру. Сама жила в Новочеркасске с матерью и дочкой, работала продавцом. После праздников обещала переехать жить к Васе в хутор. Говорила, что мечтает вырваться из города на природу, где выросла под присмотром бабушки. А дальше с его слов выходила следующая картина:

Два дня назад, за пару часов до Нового Года, Вася располжился на диване, щелкая пультом от телевизора. Женщины хлопотали на кухне. Ничто не предвещало беды. Но тут дочка устроила истерику по поводу того, что мать не отпускает её встречать праздник в компании друзей. Металась по комнате, надув губы и швыряя вещи.

Вася прикрикнул на неё, но та огрызнулась, мол, «не лезьте, не в своё дело!». И тогда Вася с наигранной строгостью слегка шлёпнул падчерицу по мягкому месту. Даже не шлёпнул, а так, дотронулся. Отработанный воспитательный приём на сёстрах. Он никак не предполагал, что Светка поднимет рёв.

На её плачь в зал вбежали Геля с тещей и Вася в свой адрес услышал много неприятных выражений. Старуха кричала, что за внучку зарубит его топором, Геля визжала, что он не

отец её дочери, а какой-то хрен с бугра, и не имеет права кричать на ребёнка, тем более распускать свои грабли.

Вся злость трёх взбесившихся женщин обрушилась на Васину голову. Выслушав оскорбления, мой друг, молча, встал с дивана, оделся и, выходя из квартиры, спокойно, как президент по телевизору, произнёс:

– С Новым годом, вас! А через час он уже сидел за столом у сестры Варвары, и гладил по головкам племянников...

– Да плюнь ты, дружище, перемелется! – успокаивал я его. Помиритесь. Отойдёт твоя казачка. Позвони ей и скажи, что погорячился.

– Звонил уже, Паша. И знаешь, что она сказала?

– Что?

– Чтоб я катился куда подальше! Призналась, что вообще не собиралась ко мне переезжать. Так и сказала: «Я не дура переться на твой сраный хутор».

Ты знаешь, Паша, не обидно, что я кредиты на себя повесил за холодильник и стиралку, что ремонт в квартире сделал и машину её починил. Понимаешь, дружище, я ведь поверил, что у меня своя семья появилась, что нужен кому-то стал. Привык, полюбил их как родных, а оно вон как вышло. Распедалила меня Ангелина, как пацана.

Утром Вася засобирился домой. Мы с Ольгой отвезли его на вокзал, посадили в автобус. Вася в окно улыбнулся на прощание и помахал рукой. Жена с грустью смотрела на него.

Я поймал её взгляд полный сочувствия и подумал: «Как хорошо, что у меня Оля, а не какая-то Геля! Гильотина»...

Выбор Молочного

У прозаика Михаила Молочного утро начиналось с вантуса. Пока жена готовила завтрак, раковина на кухне забивалась, и ему приходилось, едва продрав глаза, пробивать засор. Эта процедура заменяла ему физзарядку. Михаил смирился с ней, как с опостылевшей гречневой кашей, как с брюзжанием вечно недовольной супруги.

С этой женщиной Молочный словно отбывал пожизненный срок в стенах обшарпанной двушки. И за три десятка лет не заметил, как супруга из сокамерницы превратилась в надзирателя. Он знал, о чем она думает и что скажет в следующий момент. Михаил читал её мысли, словно нудный роман Франца Кафки.

Зато его воображение, не ведая преград, бороздило моря, спускалось в подземелья и взмывало в звёздное небо. Ах, если бы не его фантазия, он давно бы сошёл с ума, особенно в зимние месяцы, когда серость зимнего утра, подобно радиации, проникает в город, в квартиру, в сердце и мозг человека.

В такие дни Татьяна закатывала небольшие истерики. Поводом к ним могла послужить щеколда в ванной, что уже год болтается на одном шурупе или форточка в зале, которая открывается с помощью отвёртки. В этот раз её вывел из себя дешёвый китайский смеситель на мойке. Он стал подкапывать, не поработав и месяца.

– Миша, ты меня слышишь? Я что, со стенкой разговариваю? – как всегда начала заводиться супруга. – Сутками строчишь за компьютером, а час уделить не можешь, чтобы устранить этот бардак! Что ты за мужик?

Молочный, молча, поднялся, взял кружку с чаем, и, скрепя старыми половицами, отправился в свой кабинет. Эта комнатка освободилась после переезда дочери к мужу. Он включил комп, собираясь перечитать и подправить законченную

вчера новеллу, и, вдруг, увидел в личных сообщениях письмо.

От удивления и радости Михаил едва не вскрикнул. В этом письме его поздравляли с победой в литературном конкурсе и предлагали получить денежный приз в размере тридцати тысяч рублей. Это явилось полной неожиданностью!

Он и раньше принимал участие в различных турнирах, но так, ради спортивного интереса. Его даже публиковали в медиа изданиях. Бесплатно, конечно. А здесь одержана победа и реальные деньги – мечта любого прозаика! Но, главное, в этом произведении он нащупал новую тенденцию, тренд. Что и оценили!

Им была написана классическая новелла в её понимании. С неотпускающим, растущим как снежный ком, сюжетом и непредсказуемым финалом – в лучших традициях: Мериме, Мопассана, О. Генри. Молочный, благодаря своему чутью, пришёл к открытию, что в современном рассказе нужно делать акцент не на психологизм, а на увлекательный сюжет. Современников цепляют не столько переживания героев и самого автора, сколько захватывающие истории с неожиданной концовкой.

Михаил полез в шифоньер, зачем то достал и надел единственную нарядную рубашку, подаренную на день рождения дочкой. Полюбовался на себя в зеркало, затем подошёл к окну. На улице шёл снег, а ему казалось, что с неба сыпется конфетти.

Вид открывался на проспект, забитый в час пик машинами. «Странное дело», – думал он: «Все жалуются, что зима, работы нет, туго с деньгами, а на дорогах сплошные пробки из дорогих иномарок. Абсурд!

Вот он, Молочный, никому не жалуется, всем доволен, не имея и десятой доли того, чем обладают рядовые граждане. Живёт по их меркам в нищете, но при этом пытается их че-

му-то учить. Но сегодня, сейчас, он вправе считать себя и богачом и мудрецом!»

Через пару дней оказалось, что мало победить в литературном конкурсе и выиграть премию, деньги надо ещё получить. Вариант с поездкой в столицу, где будет проходить награждение, отпадал сразу. Половина суммы как раз бы ушла на билеты. Поэтому последовали проволочки с перепиской и перечислением денег на карту.

Всё это время Молочный мучился вопросом: на что потратить заветные тысячи? Не издать ли сборник, осуществив свою мечту? Пишущие люди в его возрасте имеют уже не одну книжку. Благо, с этим сейчас нет проблем. Выигранной премии вполне бы хватило на сотню экземпляров. Он так явно представил себе стопки новеньких книжек, что даже почувствовал запах типографской краски.

А может, наконец, заменить вечно забитые трубы на новые? Или гнилые деревянные рамы на пластиковые? Для капитального ремонта этих денег всё равно не хватит. Но хотя бы самое необходимое поправить можно: канализацию и окна. Эти постоянные засоры выматывают, отнимают много времени, нервов.

Ещё он помнил, что приближается годовщина их с женой свадьбы. Тридцать лет!

Они поженились в начале девяностых и в те непростые годы выживали, как могли. Ещё и с маленьким ребёнком. Хотя честным людям в любые времена приходится нелегко. Зато трудности закаляют. Сколько пришлось освоить новых специальностей! Сколько удалось получить знаний о жизни и людях! Теперь в своих произведениях он может поделиться этим опытом со всеми желающими. Жаль, читающих с каждым годом становится всё меньше.

У большинства людей другие интересы. Например, съездить на отдых в Турцию, поменять машину на более новую

или крутую. Это Молочный привык довольствоваться малым. Растратив здоровье в молодости, последние десять лет он работал охранником за смешную зарплату. Лишь литературным трудам отдавался с фанатичностью. И как показала жизнь – не зря!

Свою радость по поводу премии, а так же сомнения, Михаил всё это время держал в тайне от всех. Хотел сам, по-мужски, принять правильное решение.

И вот очередным хмурым утром, по обыкновению пробив раковину, он умылся и сел завтракать. Когда жена заговорила о заедающем дверном замке, он вдруг достал из кармана красную бархатную коробочку и протянул ей.

– Это тебе, Таня! – сказал Молочный. – Подарок к годовщине нашей свадьбы. За всё, что ты для меня сделала. За твоё терпение и заботу!

Супруга приняла подарок, открыла и застыла в изумлении. Из коробки сверкнули крошечными бриллиантами золотые серёжки. Татьяна перевела удивлённый взгляд на мужа.

– Я деньги за новеллу получил. – гордо сказал Молочный. – Прости, что раньше ничем не мог тебя порадовать.

– Спасибо!.. Брюликов мне ещё не дарили!.. – наконец вымолвила Татьяна. – Это же дорого стоит, Миша, зачем? Ведь можно было и поскромнее что-нибудь купить. Тогда бы и на трубы в кухне хватило.

– Слив немного подождёт, – успокоил он жену.

– Сколько подождёт? – улыбнулась Татьяна, – Ещё не сколько лет?

– Или недель. Я послал на конкурсы ещё несколько вещей...

И в первый раз за много лет в этой скучной квартире зазвучал счастливый смех. Потом послышался скрип старых половиц, а после удивлённый стон допотопного советского дивана.

Убеждения

Мой приятель презабавный тип. Много лет работает в паспортном столе. Ему сорок шесть, разведен. В свободное время сидит дома у компьютера, пропадая в каких-то группах и форумах.

Поскольку живёт один, любит сам готовить и вечером выпить хорошего вина. В общем, с виду солидный порядочный мужик, но со своими странностями. Если о чем-то спросишь, то рассказывает очень долго. На конкретный вопрос может отвечать час. Затронет попутно несколько тем, и пока дойдет до конца, забывает, о чем спросили. Иногда, желая получить у него консультацию, я несколько раз подумую прежде задать вопрос. А когда у меня мало времени, то думаю: да ну его нафиг! И лезу в Гугл.

Вы спросите: – Так что же в нём такого забавного? Дело в том, что он частенько совершает поступки, которые ставят меня в тупик.

На днях рассказывает: «Зашел я после работы в «Красное-Белое», а на входе стоят двое ребят с опухшими лицами и просят занять двадцать рублей. Другой бы прошёл мимо, а я спросил: «А не мало ли, парни?» Они переглянулись, не ожидая такого вопроса, и растерялись. Тогда я улыбнулся, достал кошелек и выдал им две сотни. Радость их просто захлестнула. Один улыбался опухшими глазами, а другой с бланшем даже прослезился. Более искренней благодарности мне в жизни слышать не доводилось. Столько здоровья мне никто никогда не желал.

- А зачем денег дал, ведь тупо пропьют? – удивляюсь я.
- Доброе дело сделал. – подняв палец важно возражает он.
- Какое? Алкашей напоил? Лучше бы собаку из приюта взял или бабушке на хлеб дал.
- Алкашей жалко, - вздыхает он, – а старух нет!

– Странно. Большинству наоборот... – удивляюсь я.

– Ты учти, что алкоголизм – это болезнь. Пьющие несчастные люди и заслуживают сострадания. А старость – процесс естественный и жалости вызывать не должен.

– Ну хорошо, а мать?

– При чем здесь мать? Мать – родной человек. А бабки чужие. К тому же они меня просто бесят!

– Интересно чем?

– Да всем! – хмыкнув, продолжает он. – Тем что двадцать лет не за тех голосуют, тем, что везде суют свои любопытные носы. Вечно лезут в твою личную жизнь. Сплетничают, хитрят, мозг выносят в доме. На благоустройство двора и подъезда постоянно требуют деньги. А сами шиш что дают, мотивируя это маленькими пенсиями. А недавно на почте поцапался из-за одной бабки.

Заходит в отделение такая краля лет под восемьдесят. Накрасила губы, приделась, пришла с подружкой коммуналку оплачивать. Заняла за мной. Очередь общая в два окна. И что ты думаешь? Влезла без очереди! Сама уже еле ходит, а к окошку подбежала быстрее лани. Я наехал:

– Женщина, говорю, где вас таким манерам учили? Но эта Шапокляк на меня даже не взглянула. Сунула в окно свои квитанции и на подружку косится. А та балдеет от счастья: Мол, ловко ты Петровна перед этим раззявой вскочила! Тут за нее какой-то армянин заступился, пристыдил меня: «Ай-я-яй, нэхорошо! Пусть бабушка платит.»

Я стал культурно объяснять ему, что здесь иной раз по двадцать бабушек собирается. Так что, всех пропускать? Они на пенсии прохлаждаются, а я на работе как вол пашу. На перерыв вышел, и вместо обеда вынужден старух бездельниц без очереди пропускать.

И пока возмущался, старая получила чеки и этот армя-

нин мгновенно сунул свои квитанции. То есть тоже влез без очереди! Он, видите ли, за бабушкой занимал. Когда старуха направилась к выходу, её подруга, погрозила мне пальцем и злорадно так говорит: «Так тебе и надо!» ... Ведьма старая .

Я молча достал телефон и сфотографировал влезшего без очереди мужика. Он даже позировал и улыбался. И пока девчонка оператор считала его платёжки, мы с ним обменялись любезностями. Я предупредил, что когда он придет в паспортный стол, то будет месяц жить у меня под дверью. Очередь молчала как на похоронах, демонстрируя полное безразличие. Хотя каждый в душе ликовал и злорадствовал. Это же приятно, когда кто-то скандалит. Бесплатное шоу.

Армянин тоже встал в позу и пригрозил, что если я приду к нему в магазин, то он мне вообще ничего не продаст. Я ответил, что магазинов по городу полно, и я пойду в другой, а вот паспортный стол один. Но он стал спорить, и доказывать, что в паспортный стол человек обращается раз в сто лет, а в магазины ходит каждый день. Это смотря какой магазин – сказал я . Эпоха малого и среднего бизнеса закончилась, а значит скоро наступит кирдык всем небольшим магазинам . Туда только алкаши ходят и нищоброды. А основная масса людей предпочитает сетевые гипермаркеты. Удобно, подъехал на машине, набрал тележку и выгрузил в багажник.

Тут ещё одна старая кикимора подала голос: «Чего, говорит, дуешься как пузырь? Смотри не лопни!» А я ведь её не трогал. Откуда столько желчи в этих старухах? А ты говоришь на хлеб им давать Нет, я лучше алкашам помогу или бездомных собак покормлю.

– Ясно, не любишь ты пожилых женщин.

– Скорее не уважаю. – поправляет он.

– Ну а к молодым то хоть нормально относишься?

– Это, смотря где. Если в постели, то да, а если на дороге, то не очень. Видишь ли, водители все равны. И я никогда не пропускаю дамочек за рулём, когда они поворачивают или выезжают на главную дорогу. А это у многих вошло в норму – проявлять внимание и снисхождение к женщине за рулём. Поморгают фарами, мол, «проезжай!» Но я так не делаю. Может это и не по-джентельменски, но по правилам! Если им положено уступать дорогу мне, то почему я должен нарушать или менять правила из-за какой-то курицы? Положено пропускать – пусть стоит и ждёт!

Дальше я не видел смысла в нашей дискуссии. Любой человек в праве поступать, как считает нужным. У каждого своя жизнь и свои убеждения.

Там чудеса

Прихрамывая на обе ноги, бомж Валера задумчиво ковылял по тихому безлюдному парку. Этот обширный зелёный массив, расположенный на городской окраине, многие называли лесом. На плече у Валеры болтался вылинявший рюкзак, в руке сучковатая палка, похожая на посох. Всем своим видом он напоминал заблудившегося в мае Деда Мороза. Седая борода, грязная спортивная шапка, куртка непонятного цвета. Скорее финский Йоулупукки, что переводится как рождественский козёл.

Сегодняшняя вылазка в город оказалась удачной. Он сдал пивные банки, которые как грибы собирал всю неделю. Купил хлеба, доширака, три пузырька боярышника. На обратном пути заглянул в заброшку к приятелю, отдал долг двадцать рублей, и преспокойно направился в свой бивуак.

Когда тропинка привела в самую гущу парка, вдруг сверху раздался оглушительный свист. Валера присел от неожиданности и поднял голову. На дереве среди ветвей сидел малый в нелепом наряде и красных сапожках с загнутыми носками.

– Ты кто такой? – удивлённо спросил у него Валера.

– Я Соловей разбойник. – невозмутимо ответил свистун.

– Нет, ты больной на голову! Разве можно так людей пугать? Я чуть не обделался.

– Ну не сердчай, брат навий. Я тебя с купцом Садко перепутал.

Ненормальный какой-то, – подумал Валера. И тоже на бездомного смахивает, но помоложе. Может из психлечебницы сбежал? Есть такая за городом. Валера покрутил у виска пальцем и поспешил по тропинке к своему лежбищу.

Но не успел он пройти и ста метров, как на небольшую поляну из густых зарослей выбежали в доспехах три бога-

тыря и без предупреждения стали его избивать. До этого Валера попадал в стычки только с себе подобными. Но даже они действовали не так агрессивно. А тут какие-то богатыри. Точно, в дурдоме каникулы!

Когда его укололи копьём в живот и плашмя огрели мечом по голове, он опешил. Но после не растерялся и стал защищаться от нападавших. Одному даже приложился своей палкой по железному шлему, но второй ловко подставил щит а третий сзади сделал подсечку. Затем все трое навалились сверху и ткнули носом в землю. Запыхавшись, он не мог даже выругаться.

Зато богатыри спокойно переговаривались над ним:

– Вяжи его кушаком Алёшка! И ноги, ноги спеленай, чтоб не удумал сбечь, пёс поганый!

– Я бы ему и кляп в уста вогнал, дабы подмогу не покликал.

– Дело глаголишь!

Закончив с Валерой, они присели на землю и повели странный разговор.

– Браты, а матёрого мы лешака изловили!

– Да, Ильюша! Князь Киевский добрую цену за погань лесную даёт. Еже ли по гривне за главу, то на брата по дюжине кун выйдет!

– Погоним его в град, да по пути попытаем, авось молвит, где другая нечисть схоронилась.

– Верно. До Киева още далёко, сто верст почитай . Пять дён как из Муромы вышли.

Богатыри чуть помолчали и, прислушиваясь к звукам леса, перешли на шёпот:

– А дюже добре, браты, этот охальник меня клюкой по шелому хватил.

– Нежить.... А ты, Алёшка, молодец, что на посвист побёг.

Как раз в этот момент неподалёку раздался уже знако-

мый Валере оглушительный свист. – Не поминай лихо, пока оно тихо ! – вскрикнул кто-то из богатырей. Они вскочили, хватая оружие. И вовремя, потому как через минуту из за деревьев выбежали: Кащей Бессмертный, Баба Яга верхом на метле и Змей Горыныч о трёх головах. А вслед за ними, треща сучьями, ещё целая орава каких-то кикимор, чертей и вурдалаков.

К богатырям тоже подоспела подмога. С другой стороны поляны гремя доспехами, появились рыцари, лучники и даже несколько крестьян с вилами и косами. Валера, перекатился по земле и стал из за дерева наблюдать за необычной схваткой.

При этом он соображал: «Скорее всего, дело в боярышнике. Побочка. Или продукт контрофактный! Пару лет назад целая колония бездомных скончалась в БСМП в страшных муках. Вот тебе и дешёвая аптека! А может не стоит паниковать? Вдруг это обычная белочка?»

Но такое привидеться не могло даже в бреду. Шло натуральное побоище. Соловей истошно свистел, Баба Яга орудовала метлой как мечом-кладенцом, Змей изрыгал пламя, а Кощей пускал молнии жезлом и раскатисто хохотал. Богатыри со своим отрядом геройски отбивались от лесной нечисти. Рубили, кололи, толкали ногами смертельно раненых ворогов. Валера в эти минуты даже припомнил строчки из Бородино:

«... Звучал булат, картечь визжала
Рука бойцов колоть устала...»

Когда вопли и удары затихли, и вся нечисть была повержена, на поляне раздались радостные крики ура. Потом его развязали и позвали на пир. Он стал отнекиваться, ссылаясь на сильную занятость, но богатыри и слушать ничего не желали. Его стали убеждать, что он просто обязан отпразд-

новать победу над силами зла, поесть шашлыка и испить хмельной браги.

Валера, услышав такое, сразу перестал противиться. После перенесённого стресса кусок мяса и глоток спиртного не помешают, решил он. Пусть даже разделять трапезу придётся с душевнобольными. И он отправился вслед за толпой.

До него уже дошло, что всё происходящее – это какая-то игра, вроде Зарницы. Маскарад, в общем. А когда вышли на окраину парка, где стояли автомобили с палатками, и дразняще дымились мангалы, он в этом окончательно убедился.

Около получаса довольный Валера прохаживался с пластиковым стаканчиком от стола к столу. Его, щедро угощали, наливали коньяк и водку, а главное, принимали за своего. Больше всего нахваливали выразительную бороду и отпадный наряд.

Ролевики, как они себя называли, тоже демонстрировали свои костюмы и оружие. Богатыри – резиновые мечи и топоры, Кощей – электро-шокер на палке, Змей – пламя из баллончика, а Соловей хвастался новеньким свистком для отпугивания медведей.

Валера, наевшись на неделю вперёд, и полностью компенсировав полученную душевную травму, испарился по-английски. Зашёл за кусты по малой нужде и исчез. Его пропажу заметил только Илья Муромец. Он, прикрывая ладню глаза от солнца, и оглядывая лагерь, произнёс басом:

– Друже, а лешак то наш полонённый как сквозь землю провалился!

- Клянусь Перуном, – заметил Добрыня, снимающий на телефон какую-то молоденькую фею, – я сразу смекнул, что он не из наших. Слишком натуральный.

– Да уж, смердило от него зело мерзко. – согласился Алёша. И с досадой сплюнул в траву.

Подарок снегурочки

И угораздило же меня под Новый год влюбиться в самую Снегурочку! Ведь были и поскромнее персонажи: Красная Шапочка, Золушка, Василиса Премудрая...

В то время я посещал театральную студию при городском дворце культуры. Там каждый год в декабре ставили для детей праздничное представление. Со Снегурочкой Наташей мы учились в одной школе, правда она уже в десятом классе, а я на год младше – в девятом. Под её чары я попал на репетиции. Мой приятель Андрей, который играл роль Серого Волка, вдруг сказал, глядя на Наталью:

– Сась, а Снегурочка классная девчонка! Жаль что ей семнадцать лет. Для нас уже старуха...

Я посмотрел тогда на неё и подумал – «И вправду классная. Странно, что это раньше не замечал.» Наташа как раз репетировала с Дедом Морозом свою роль. Под музыку они изображали хоровод у ёлки. Будущая Снегурочка шла, держа за руки воображаемых детей и пела песню про ёлочку. Её стройная фигурка, красивое лицо, магнитом притягивали мой взгляд.

В новогоднем спектакле я играл Кощея Бессмертного. С Бабой-ягой и Серым Волком мы строили козни Деду Морозу. По сценарию похищали Снегурочку и срывали детям праздник. В итоге на радость малышам в мешке вместо дедовой внучки оказывалась Баба-яга. Будь я настоящим Кощеем Бессмертным, я бы точно умыкнул Наташу, но не для того, чтоб кому то напакостить, а с целью жениться на ней. Искренне веря, что желания под Новый год сбываются, сказал себе : «А что? Попытка – не пытка. Дерзай, Кощей!»

Вечером после занятий, когда расходились по домам, я за чем-то пристроился к группе ребят во главе со Снегурочкой. Соврал, что иду к бабушке и мне по пути.

Всю дорогу смотрел на неё и не мог наглядеться. В свете уличных фонарей метелица осыпала нас сверкающими блёстками. Наташа шла, о чём-то весело болтая с подружками. Щёки её разрумянились, глаза блестели, и в эти минуты она была потрясающе красивой.

Когда распрощались и я направился к себе, показалось, что за спиной выросли крылья. В кровати долго не мог сомкнуть глаз. А ночью приснилась Наташа.

Около месяца длилась моя влюблённость. Мы часто общались в перерывах между выходами. Я вошёл в круг её лучших друзей. Не раз в гримёрке, в столовой и за кулисами мы оставались с ней наедине. В костюме Снегурочки Наташа выглядела обворожительно, не то, что я в черном трико с намалёванными белыми костями. Общаясь со мной, как, впрочем, и с остальными, она была мила и дружелюбна. За это к Снегурке тянулись все ребята нашей труппы. Младшие относились к ней как к старшей сестре, а ровесники признавали её авторитет. «У Наты золотой характер» – восхищался Серый Волк Андрей.

В январе, перед последним представлением я признался ей в любви. В перерыве, набравшись смелости, подошёл в костюме Коцея и сказал, что не могу без неё жить. Предложил встречаться. Со стороны это выглядело комично, но я был серьёзен и очень взволнован.

Она с улыбкой сказала в ответ:

– Саш, зачем я тебе такая старая? Давай просто дружить, как и раньше. – И успокоила: – Не расстраивайся, ты хороший парень, найдёшь себе другую Наташу, помоложе и красивей меня. Это я тебе как Снегурочка обещаю...

Конечно, я расстроился, что новогоднего чуда не произошло. На Наташу не обиделся, но после неудачной любви, посещать студию пропало всякое желание. В итоге с актёрской карьерой было покончено. Зато сдружился с хоккеистами.

Почти каждый день мы гоняли шайбу. Благо для этого выдались погожие деньки. Рядом с полем, где проходили наши баталии, располагался каток. На него со всего района стекались любители коньков.

Как-то стоя на воротах, я засмотрелся на незнакомую молоденькую фигуристку, которая то и дело падала на лёд, и позорно пропустил гол. Ребята стали смеяться и подшучивать. Кто-то из них спросил:

– Что, Санёк, влюбился?

– При чём, здесь влюбился? – вспыхнул я. – Случайно засмотрелся!

– Да, он только пялиться и может. А познакомится ему слабо. – усмехнулся Вовка – капитан команды.

– Кому слабо? – И, передав вратарскую клюшку какому-то парнишке, я поехал к этой крале. В отличие от «отчаянных парней», для меня артиста завести знакомство было плёвым делом.

Под изумлённые взгляды ребят через пару минут мы уже катались, взявшись за руки, весело хохоча над её неловкими движениями. Выглядела она как самая обычная девчонка. Младше на пару лет, доверчивая, хрупкая, писклявая. Красное пальтишко, вязаная шапочка с бубоном, светлая чёлка и весёлые голубые огоньки с любопытством изучающие меня.

«Удивительное дело» – подумалось тогда – «Катаемся всего несколько минут, а такое чувство, что уже давно знакомы». Кто она, откуда взялась? Прямо как с неба свалилась.

– Как тебя зовут? – спросил я, когда хоккеисты, закончили играть и стали собираться домой. Они наверняка спросят её имя.

– Наташа, – улыбаясь, ответила незадачливая фигуристка.

Меня как током ударило. Помню, как удивился тогда и подумал: «А чудеса всё-таки бывают!» И произнёс про себя: «Спасибо за подарок, Снегурочка!»

Родноверы

- Слава Роду Всевышнему, добрались! – Сказала Екатерина и нажала на калитке кнопку звонка. Её спутница Маргарита Васильевна с любопытством озиралась по сторонам. Незнакомый переулок пестрел цветами и утопал в зелени. В этом районе, расположенном на городской окраине, она оказалась впервые.

От резкого щелчка электрического замка Маргарита Васильевна вздрогнула. За высоким забором послышался грозный собачий лай.

– Не бойся, проходи- успокоила её Екатерина, и пропустила вперёд.

– Ой, мамочка! – вскрикнула Маргарита Васильевна. Навстречу им по двору бежал пёс величиной с медведя, огромный лохматый кавказец, ещё, по всей вероятности, молодой. Он обнюхал и облизал их по очереди.

– Баюн, Баюн, отстань, свои! – приказала Екатерина и повела подругу к дому.

Во дворе на лужайке мужчина лет пятидесяти в странном наряде, похожем на пижаму, колот дрова. Он приветливо улыбнулся и кивнул им.

– Это братец Мирослав, – шепнула Екатерина. Я тебе про него сказывала.

В доме работал кондиционер, пахло ароматическими свечами. На стене в огромной прихожей висел необычный календарь круглой формы. Коляды дар лето 7530 прочитала Маргарита Васильевна.

На лавках и стульях сидели знакомые люди, человек десять и слушали игру гусяра. Как только музыка затихла, подруга представила присутствующим Маргариту Васильевну.

Мужчина лет шестидесяти, с седой бородой, которого

она назвала волхвом Велимиром, внимательно посмотрел на неё, и неожиданно спросил:

– Как думаете, дождь сегодня будет?

– Нет, на сегодня по прогнозу не ожидается, – ответила Маргарита Васильевна.

– Значит прогнозам верите? А если я скажу, что дождю быть, поверите?

– Нет, правда, дождь стоит только на среду, я сегодня утром гисметео смотрела.

– Всё происходит по воле богов, а не какого-то гисметео... Ладно, поскольку все в сборе, приступим братья и сёстры, – сказал Велимир и поднялся из за стола. Остальные наоборот, удобно расселись вокруг и стали его внимательно слушать.

– Я вещающий в семь тысяч пятьсот тридцатое лето от сотворения мира в звёздном храме, – заговорил Велимир, и Маргарита Васильевна затаила дыхание, с любопытством вслушиваясь в каждое слово.

Речь Волхва напомнила ей проповедь отца Сергия во время отпевания её мужа. Волхв Велимир внешне тоже ничем не отличался от святого отца, разве только одеждой. Вместо черной рясы он носил светлую вышитую у ворота рубашку.

Вспомнив отца Сергия, она подумала, что тот не одобрил бы её визит к родноверам инглигам. Церковь таких называет язычниками.

«Креста на тебе нет» – услышала она внутренний голос. Но нащупав через тонкую ткань платья свой серебряный крестик, успокоилась.

Велимир, как показалось, запнулся, строго на неё посмотрел, но продолжил читать проповедь :

– Все мы помним слова Пушкина:

«Волхвы не боятся могучих владык,

А княжеский дар им не нужен;
Правдив и свободен их вещей язык
И с волей небесною дружен.»

Что имел в виду поэт? Да то, что волхвов на Руси почитали больше чем знать. И сами князья обращались к ним за советами. Волхвы при желании, могли даже отстранить князя от власти. И подкупить их было невозможно. Это и сыграло роковую роль. Ведь Владимир проклятый, крестивший Русь, возжелал стать единым правителем. А новая религия гарантировала ему безграничную власть и,вдобавок, идеологические кандалы для челяди!

И вот наступил чёрный для Руси день! Под угрозой оружия княжеская дружина загоняла народ в реки. Были преданы топору и огню капища, обезглавлены и замучены волхвы. Варварски уничтожены древние знания великой цивилизации Русов – потомков ариев...

Велимир сделал небольшую паузу и отпил воды из пластикового стаканчика.

Маргарита Васильевна, у которой от волнения тоже пересохло во рту, вспомнила, как вчера у неё дома закончилась питьевая вода, и она попросила дочь после работы завезти баклажку. Дочь по дороге купила в Магните пятилитровку. На крышке был приклеен оранжевый ценник с цифрой 150 руб. Ей до сих пор неудобно от того что дочка отказалась принять деньги за воду. Лучше бы сама сходила и набрала в аппарате на сэкономленную мелочь.

Маргарита Васильевна задумалась и стала подсчитывать в уме сколько денег в месяц она тратит на питьевую воду. Для бывшего бухгалтера не составила труда вычислить, что вода от её скромной пенсии отнимает приличную сумму. Прибавив к ней питание и коммуналку, и отняв полученный результат от двенадцати тысяч, оставалась негусто. Значит,

на памятник мужу придётся откладывать не один год.

А может и правда поможет «денежная свеча», которую при знакомстве продала ей Екатерина? Она убедила, что надо помочь своей денежной энергии. Её, энергию, необходимо почистить, а чистое пространство наполнить тем, что приведёт к выравниванию, гармонизации и наполнению денежного потока. Именно для этого и была создана волшебная свеча.

Почему бы не попробовать, подумала тогда Маргарита. И когда её новая подруга пригласила в гости к родноверам, она тоже подумала: «А почему бы не сходить?» Не все ли равно от чего быстрее сойдёшь с ума: от безделья дома или от общения со странными людьми?

Подруга рассказывала, как здорово они отмечают славянские праздники: Коляду, Масленицу, Купалу и многие другие. Все эти праздники Маргарита Васильевна знала и любила с детства. Ещё Екатерина обещала, что она обретёт единение с природой, обязательно восстановит связь со своим родом и услышит голос предков.

И будто прочитав её мысли, Велимир закончил свою речь словами:

– А что же мы? Мы обязаны чтить родных богов и возрождать все то, чем жили наши Пращуры. Мы обязаны сберечь для потомков не только память, но и корни свои – в том есть наша жизнь и наша Вера.

Затем волхв попросил присутствующих прочитать молитву преданности. Все встали, и подняв правую руку молвили:

«Роде Всевышний! Великий Боже наш! Ты – единый и многопроявный, Ты – наш Свет и Справедливость, Ты криница Жизни Вечной, источник Любви безграничной, той, что исцеляет Душу и Тело. Славим Тебя, Боже Прави, Яви и Нави...

Маргарита Васильевна слов, конечно, не знала, но за компанию тоже стояла и шевелила губами. Из всех молитв она помнила лишь Отче наш, и то до половины.

После молитвы Велимир объявил, что сегодня четвёртого кресеня (июня) большой праздник – Ярило мокрый-Троянов день. Что на смену младому Яриле-Весеню приходит Трисветлый Даждьбог. Святодень, посвящённый победе Бога Трояна над Чёрным Змеем. В этот день родноверы прославляют Сварожий Триглав – Сварога–Перуна–Велеса. Братьям и сёстрам было предложено выйти во двор и принести требу богам.

– А тебе сестрица Маргарита, сказал он, я хочу дать вот эту книгу. Начни с неё! Он протянул ей чёрную книжку в мягком переплёте, на которой было написано: Саньгии Веды Перуна. Екатерина, тут же пояснила, что Перун – глава пантеона славянских богов Руси.

– Спасибо, отец Левемир! – сказала Маргарита. Она случайно перепутала его имя с названием таблеток от сахарного диабета, которые принимала.

– Велимир, – поправил волхв. – И не спаси-бог, а благо-дарю. И какой я вам отец? Отцы в церкви. А меня, сестрица, вы можете называть учителем.

– Ой, извините, учитель! – испугалась Маргарита.

Капище располагалось прямо во дворе на лужайке, где потворник Мирослав уже сложил по-пионерски шалашиком нарубленные дрова. Рядом под резным навесом стояло несколько деревянных кумиров в рост человека. Пса Баюна, чтоб не мешал, пристегнули на цепь, скользящую по проволоке вдоль забора.

Велимир хлопнул несколько раз в ладоши, собравшиеся подошли и образовали вокруг него круг – коло. Мирослав, облил жидкостью для розжига дрова и поднёс спичку. В

этот момент не к месту в голове Маргариты зазвучала песня: «Взвейтесь кострами синие ночи...»

А потом ей померещилось сквозь дрожание горячего воздуха над костром, что вместо родноверов выстроились в круг пионеры. Красная вышивка у воротов белых рубаш превратилась в галстуки, а сам Велимир трансформировался в вожакого.

Дрова быстро занялись и изредка выстреливали весёлыми искрами. Велимир славил богов, все вторили его речёвкам и салютовали, вскидывая руки к солнцу. Перевалило за полдень, и голод начинал качать права в пустом желудке. А тут как назло Мирослав достал из корзины краюху хлеба и передал Велимиру.

Волхв стал крошить хлеб в огонь, и читать молитву:

Боже Ярило, Солнце наше ясное, ты по небу на коне белом скачешь, весну на землю рода Православного приносишь. Нет просветления ни в небе, ни в душе моей без жизньдающего луча твоего. Яви лик свой в Небе Синем, а дух твой пусть в душе моей затрепещет...

Но там, на верху всё шло по своему сценарию. Гиганская туча, похожая на кашалота вдруг подплыла и подло проглотила Ярило-солнце.

Едва это случилось, как, пес Баюн буквально захлебнулся лаем. А потом вдруг завизжал по человечески, рухнул на землю и задёргал огромными лапами. Послышался непонятный шум, и через забор стали прыгать какие-то люди в масках. Они мгновенно заполнили двор. Маргарите Васильевне на плечо опустилась чья то тяжёлая рука в перчатке и она упала на траву, выронив книгу, которую ей вручил Велимир.

Спецназовцы молниеносно провели захват, потом разделили людей на группы и стали чего-то ждать. Минут через

пятнадцать в калитку вошли несколько человек в белых рубашках с папками в руках. Предъявили какие-то чудовищные обвинения, в нацизме, экстремизме и чуть ли не в попытке свержения государственного строя.

Это были следователи. Они принялись писать протоколы, по очереди подзывая каждого. В это время бойцы с автоматами равнодушно наблюдали за всем происходящим. «Так вот как выглядит дружина князя Владимира» – думала Маргарита Васильевна.

Велимир поначалу пытался словом воздействовать на следователей, но ему корректно объяснили, что выполняют приказ, попросили не мешать и пообещали, что лично с ним будут разговаривать в другом месте.

Маргарита Васильевна никакого преступления за собой не чувствовала, поэтому особо не переживала. Ей только хотелось, чтобы всё побыстрее закончилось.

Вдруг неожиданно налетел ветер, совсем потемнело, блеснула молния, и саданул, как из пушки гром. Капли крупными плевками полетели на спецназовцев, на родноверов, на убитого пса и догорающие головешки костра. Стражи порядка засуетились, двое схватили под руки волхва и повели в припаркованную у двора полицейскую машину.

На ходу Велимир обернулся и с улыбкой посмотрел на Маргариту Васильевну. А ей казалось, что не дождь колотит по крыше, а невидимый барабанщик отбивает дробь у эшафота. Потом она вышла из оцепенения, подбежала и подняла с травы уже успевшую намокнуть книгу. В тот же миг, исхлёстанная жгучими плетьюми ливня, прижала её к груди и гордо пошагала под навес.

Катюшка

В обед пылающее июльское солнце безжалостно выжигает и без того чахлую степь. В адскую жару хорошо развалиться на диване под сплит-системой. Но это в городе, где есть цивилизация, а в Козловке единственный кондиционер шипит и булькает только в магазине. В этих глухих местах держит свою продуктовую лавку, как и в глубокой древности, самый обыкновенный грек. Над входом красуется вылинявшая вывеска ЛИДИЯ.

Вот из облезлых дверей важно выходят двое мужчин лет пятидесяти с пластиковой литровой бутылкой портвейна. С пятого века до новой эры в этих краях почти ничего не изменилось. Ну, электричество появилось. Автомобили. Ещё вместо глиняных амфор стали использовать пластиковую тару. И для спаивания аборигенов взяли моду наполнять её не натуральным виноградным нектаром, а синтетическим суррогатом.

По гордым походкам и осанкам этих двоих можно принять за уважаемых людей. Ну, вылитые царские скифы! Правда пойло и сигареты в очередной раз взяты у грека в долг, а на закуске снова пришлось сэкономить.

Деревенская улица в такую жару пуста, словно после ядерной атаки. И лишь эти двое бредут, незаметно сворачивая в какой-то проулок. Тропинка среди высокой травы ведёт их туда, где заканчиваются огороды, и начинается поле с золотой пшеницей. Под старым абрикосовым деревом у самой межи располагается заветное капище, где поклоняются Бахусу.

Прибыв к месту, тот, что выглядит постарше, с повёрнутым набок носом, устало лёг на землю, подперев голову рукой. Другой, интеллигентного вида в очках с треснувшим стеклом присел на лежащий ствол дерева, согнав с него букашек.

Утомлённые дорогой и солнцем, оба молча, словно медитируя, усталились на бутылку, как на ракету перед запуском. Полный пузырь, в отличие от пустого, всегда интересен. Им можно любоваться бесконечно, словно красивой женщиной.

– Витёк, а ты клещей не боишься? Так смело на траву ложишься. Энцефалит штука серьёзная, – нарушил тишину очкарик.

После этих слов его приятель из положения лёжа нехотя перешёл в позу лотос. Затем, молча, протянул руку к стоящему на старте портвейну, откупорил привычным движением крышку и по гагарински произнёс:

– Поехали!

Очкарик по команде разделил как ступени два пластиковых стаканчика и поднёс к горлышку.

– Валентин, ты что, неграмотный? Поставь на землю. Кто на весу наливает? Ты же не в космосе, – поворчал Витёк

– Надо было хотя бы пирожок у грека попросить. Загрызть нечем, – глядя в наполненный стакан, вздохнул Валентин.

– Как это нечем? Смотри сколько абрикосов, – удивился Витёк.

– Я бы от мяса не отказался...

Витёк вдруг резко хлопнул ладонью по земле и накрыл кузнечика.

– У меня мясо уже есть!

– Ты что, кузнечиком закусывать собрался?

– Валёк, а ты что в детстве не ел кузнечиков?

– Я же не лягушка, и не китаец. В Азии их любят, деликатес...

– Китайцы не дураки.... Ну, будем!

Виктор жадно опорожнил стаканчик, отпустил на волю кузнечика, поднял с земли переспелый абрикос, сдул муравьёв и отправил в рот.

– Хорошо! – проделав то же самое, произнёс Валентин и закурил сигарету.

– А может, потом на речку сходим? – тоже закуривая, предложил Витёк. – Окунёмся. Раков половим.

– Не, я пас. Сейчас выпьем и отдыхать пойду. Мне замок сторожить всю ночь. – Валёк кивнул на виднеющуюся крышу трёхэтажной дачи городского начальника .

– Везёт тебе, нормальная работа. Давишь на массу, а деньги капают. – вздохнул Витёк

– А кто тебе не даёт так устроиться? Шёл бы, к Серёге фермеру, у него вечно работников не хватает.

– Да он меня уже два раза выгонял. – махнул рукой Витёк.

– За что?

– Да вот за это! – он глазами указал на бутылку. Ты что, не слышал, как я в позапрошлом году убирал озимую?

– Ааа, это когда комбайн на трассу выехал? – хлопнул себя по лбу Валентин.

– Да, навёл тогда я шороху на М4 Дон! – усмехнулся Витёк. – Отрубился в кабине...

– Скоро опять уборка начнётся. Валентин кивнул на поле. – В этом году всё что можно и что нельзя засеяли. Даже поймы речушек распахали. При царе и советах за это бы расстреляли.

– Спрос и цена на хлеб есть, вот и сажают. – вздохнул Виктор и потянулся к бутылке.

– Да, в прошлом году мы собрали сто тридцать миллионов тонн! А в этом все сто пятьдесят планируем! – радостно сказал Валёк.

– Кто это мы? Ты какое отношение к этому хлебу имеешь?

– Косвенное, конечно, – задумчиво поправил очки Валентин.

– С этого и надо начинать, что никакого. Это не твой хлеб

и тебе с этого рекордного урожая ничего не перепадёт. У тебя даже на пирожок денег нет....

Они снова выпили, потом закурили, и опять заговорили о глобальных проблемах. О войне, о подлome Западе, о том, как хорошо жилось в СССР, как всем всего хватало, и дисциплина какая-никакая была.

– А меня и сейчас всё устраивает, – подумав, сказал Валентин и покосился на Витька.

– Ну, ты младше, в девяностые рос и многое не застал. А я и до, и после армии при союзе успел поработать. И скажу тебе так – это был коммунизм! И Витёк поднял палец.

– Да кому он был нужен, когда свободы не было? Самое натуральное крепостное право!

– Дурак ты Валентин, хоть и техникум закончил. Вот ты скажи, какая сейчас свобода, если нет ни работы, ни денег? Хотя работу, конечно, найти можно, но за гроши. Вот это и есть крепостное право. Поэтому за копейки горбить на дядю я не пойду. Лучше в тенёчке полежу...

– Так иди на себя работай...

– И на себя не пойду. Не смогу. Во первых, здоровья уже нет, во вторых денег, чтоб раскрутиться. И совесть не позволит других эксплуатировать.

– Да прав ты, Витёчек, прав, дружище! Это я так, возражаю, чтоб разговор поддержать. Было бы нам сейчас по двадцать пять лет, да жёны молодые, и маленькие дети, мы бы тоже землю копытом рыли. Пусть другие теперь корячатся. Пропади всё пропадом!

– Это точно! У нас запросы скромные. Это бабам постоянно что-то надо. Моя в городе работает и пол зарплаты прокатывает. А я и дома найду как заработать. Особенно подсобником – подай, принеси, иди на х...й !

– Наливай, Витя, – кивнул Валентин. Давай выпьем за

наших жён. И за детей. Дай бог им здоровья!

На узкую грядку между пшеничным полем и огородами откуда то вышла пушистая серая кошка. Увидев мужиков, она остановилась метрах в пяти и присела на задние лапки, приняв излюбленную кошачью позу.

– Катюшка пришла! – улыбнулся Витёк.

– Твоя кошка?

– Нет, соседская, у меня Кристинка. Они сёстры от одного помёта. Умные обе! Катюшка часто ко мне во двор прибегает. Бывает, я говорю: «А ну марш по домам!» И Катюшка уходит к себе. Или моя Кристинка увяжется за мной до магазина, я её пристыжу, она разворачивается, назад бежит и ждёт меня у ворот. Умная...

– А что она здесь делает ? Зачем пришла?

– Кто, Катюшка?

– Ну да. Хотя я уже запутался : Катюшка, Кристинка... – заплетаясь, сказал Валёк.

– А кто её знает... Любит здесь сидеть. Замечал много раз, когда на огороде вожусь, смотрю – нарисуеться и сядет на дорогу. Будто кого встречает.

– А у меня Бегемот. Здоровый такой котяра, как пантера, – похвастал Валёк.

– А почему Бегемот?

– Чёрный потому что. Ты что, Мастера и Маргариту не читал?

– Фильм смотрел. Там ещё тёлка голая летала, – блеснул познаниями Витёк.

– Да, Анна Ковальчук. Красивая женщина.

В этот момент, сидящая на дороге Катюшка внезапно прыгнула, что-то схватила передними лапами, и по инерции перелетела через голову. Но мгновенно встала и неторопливо пошла по дороге мимо мужиков, держа в зубах пойманную мышь полёвку.

– Ай да Катюшка, ай да молодец! – похлопал в ладоши Витёк.

– Вот оказывается зачем она сюда приходит. – догадался Валентин. – Охотиться! Мыши с поля через дорогу бегают, а она сидит, караулит.

– Ну, давай! За Катюшку. За удачную охоту! – Витёк поднял стакан, глядя в след уходящей кошке.

– Да...Труженица! – поддержал Валентин. – Все бы так мышей ловили...

В морду

Вожатая девятого отряда Ольга подошла и протянула мне жёлтую пачку сигарет с изображением верблюда.

– Спасибо, я не курю.

– Я тоже, – сказала она. – Может, угостите кого-нибудь, а то выбрасывать жалко, они же денег стоят.

– Зачем тогда покупали? – удивился я. Она улыбнулась:

– Да, что вы, я у ребёнка отобрала, рано ему здоровье гробить.

– Ну, спасибо, водителю нашему отдам.

– Павленко, а ну прекрати! – закричала Ольга и, развернувшись ко мне спиной, направилась успокаивать подопечного.

От созерцания её форм, я невольно перевёл взгляд на море. Пора пойти освежиться! И неспешно ступая по разноцветной гальке, зашёл в прозрачный бодрящий рассол.

Над морем в необъятной синеве сладкой ватой висели облака. Пляж переполняли брызги, смех и крики воспитанников детского оздоровительного лагеря.

– Тиш-ше... Тиш-ше... – недовольно шипели у берега волны, но никто их не слушал.

Шла вторая неделя лагерной смены, и я ни разу не пожалел, что на практике после третьего курса приехал на Чёрное море поработать сменным вожатым. Работа с детьми не напрягала, скорее наоборот, увлекала, как будущего педагога. К тому же вдохновлял факт, что отдыхая практически даром, буду получать ещё и какие-то деньги.

Трёхместный номер я делил с плавруком Геннадием Олеговичем, а чуть позже к нам подселили шофёра Сергея. Плаврук был старше меня в два раза. Дома он преподавал ОБЖ и физкультуру в какой-то сельской школе. В первые дни знакомства совсем не обрадовала перспектива делить

жильё с взрослым дядькой. Я ожидал нравоучений и брюзжанья, но Олегович оказался весёлым и лёгким в общении человеком.

Сергей же, водитель, наоборот, был моим ровесником. Но повыше и гораздо пошире в плечах и талии. Считался почти местным, родом из какого то кубанского посёлка. Прямой, чуть насмешливый взгляд, короткие черные волосы, помидорный цвет лица. Он поначалу строил из себя рубаху парня, но через какое-то время стал недовольно коситься в мою сторону. Через несколько дней нашего совместного проживания в номере я почувствовал какую-то неприязнь с его стороны. Когда мы с плавруком по утрам делали зарядку на площадке перед корпусом, Сергей, покуривая на балкончике, с ухмылкой поглядывал на нас.

Свободного времени было мало, но я умудрялся во время тихого часа и перед сном читать. Ещё с Олеговичем иногда играли в шахматы. Водитель, отдыхая от работы, предпочитал копаться в телефоне, попивая пиво. Ему было скучно с нами, так как шахматы он не любил. Несколько раз Сергей предлагал сыграть в домино. Мы отнекивались. Наконец нам стало его жаль, и мы согласились постучать костяшками. Но для игры нужны были четыре человека. Тогда водитель сходил и договорился с охранником.

Дело было поздним вечером. Сергей где-то раздобыл домино, и мы уселись за стол прямо на вахте. Я сразу признался, что забивать в козла не доводилось, но Олегович успокоил – «прорвёмся!» Когда помешали «камни», и я набрал полные руки, все уставились на меня.

- Ходи, – сказал Сергей, – не тяни kota за гениталии!
- А почему я должен ходить?
- Да по кочану! Азик у тебя.
- Что такое азик? – спросил я.

– Один-один, – подсказал плаврук.

– Да, он у меня, а откуда вы узнали?

– Ну, ты тормоз! А у кого же ещё? – стал он смеяться. – У меня нет, у Володи тоже, и у Олеговича нет, иначе бы он давно уже походил. Значит аз у тебя! Ставь!

Я поставил один-один и игра началась. Когда я «рубил конец» моего напарника или стучал по столу, пропуская ход, Сергей злорадно хихикал. Партию мы конечно проиграли, но в перерыве, после того как Олегович вкратце объяснил мне принцип игры в козла, вторую партию Сергей и охранник продули нам почти в сухую. Они стали ругаться друг с другом, и Володя, махнув рукой, сказал, что ему надоело, и мы вернулись в номер.

– Вован как и ты играть не умеет. – сказал Сергей, чтоб как-то себя утешить.

– А, я и не говорил, что умею. И вообще, где-то слышал, что «домино по интеллекту на втором месте после перетягивания каната.»

– Конечно, вы там, в университетах умные все, куда уж нам! – парировал Сергей.

После этой игры отношение между нами ещё больше разладились.

Как-то после отбоя, когда Олегович мирно похрапывал, я по обыкновению, лёжа в койке, писал хокку. Возбуждённый Сергей после посиделок на хоздворе вернулся в номер, и, проходя мимо моей кровати, нагло заглянул в телефон.

– Ты что стихи строчишь? – тихо спросил он с насмешкой в голосе.

– Готовлюсь к новому семестру, – соврал я.

– Ага, пионерам своим расскажешь, Пушкин хренов.

Он подошёл к постели, разделся, грузно улёгся, скрипнув пружинами, и после некоторой паузы попросил:

– Ну давай, почитай что-нибудь на сон грядущий.

В его интонации я услышал ехидство, и щёлкнув выключателем, как можно спокойней произнёс:

– Спокойной ночи!

– Ну-ну,- многозначительно ответил он.

Лагерная смена, насыщенная мероприятиями и праздниками, незаметно подошла к концу. На закрытие устроили костёр и дискотеку. Танцевали не только воспитанники, но и вожатые с воспитателями. Неподалёку в тени у каштана я заметил и водителя Сергея. Он стоял, что-то попивая из банки. Мне показалось, что ему тоже хочется повеселиться и потанцевать, но он не решался это сделать. Может, мешала скромность, может высокомерие, – выплясывать с детьми.

Когда объявили белый танец, ко мне с улыбкой подошла Ольга, и взяв за руку повела в круг. За время пребывания в лагере мы успели подружиться, но наши отношения вряд ли бы могли перерасти во что-то большее. Во-первых, мы были ровесники, и мои шансы покорить её сердце были малы. Ей нужен был взрослый, надёжный парень, а не студент-романтик, похожий на братишку. Незаметно, показав глазами на водителя Сергея, который на этот раз приблизился к танцполу и стоял, скрестив на груди руки, Ольга шепнула:

– Прикинь, этот придурок пытался ко мне несколько раз за смену подкатывать. А сегодня вообще подкараулил у туалета и нёс какую-то чушь. У него, что, с головой проблемы?

– Не знаю. – уклонился я от ответа.

– Ну вы же целую смену в одном номере прожили...

– Мы разные с ним, – ответил я. – И вы тоже.

– Слушай, хватит выкать. Мы же не при детях. – сказала она и дальше грустно молчала пока не стихла музыка.

Но вот прозвучала последняя песня, и старшая воспитательница объявила о конце мероприятия и пожелала всем

спокойной ночи. Трогательная грусть переполняла лагерь. Она читалась в глазах детей, особенно девочек. Мы с плавруком и водителем одновременно вернулись в номер. Готовясь ко сну, изрядно выпивший Сергей сказал, не глядя в мою сторону:

– А ты с Олечкой танцевал...

– Да, белый танец. – равнодушно ответил я, ликуя в душе.

– Классная тёлка! Глупая, конечно, но бюст у неё знатный.

Я ничего ему не ответил. Не было ни малейшего желания обсуждать с человеком девушку, из всех достоинств которой он видел только бюст. Сергей, словно прочел мои мысли, и когда лёг в кровать вдруг сказал:

– Дать бы тебе в морду!

– За что? – удивился я, решив, что речь идёт об Ольге и о танце.

– Да за всё! За то, что ты всем «выкаешь», за то, что говоришь «доброе утро» и «спокойной ночи», за то, что даже пиво не пьёшь. А ещё бесит, что постоянно читаешь, играешь в шахматы и сочиняешь стихи. Ты случайно не гей?

Я не стал ничего отвечать. Обоюдной ненависти к нему я не ощущал. Наоборот, чувствовал какое-то сострадание, похожее на жалость к бездомному псу. Я тупо промолчал, будучи уверен в том, что завтра наши пути разойдутся навсегда. И, надеюсь, никогда больше не пересекутся ни с ним, ни с ему подобными.

Бал

В просторных залах дворца негромко звучала музыка. На старинных диванах и резных креслах отдыхали барышни и кавалеры в роскошных нарядах. Одни господа в чёрных фраках и накрахмаленных рубашках с цилиндрами на головах, другие в красно-синих гусарских мундирах с золотыми позументами.

Чуть поодаль скромно расположились дамы в пышных дорогих платьях и шляпках самых необычных форм. Замерев в утомлённых позах, они напоминали восковые фигуры из музея мадам Тюссо.

Но это были всё же не куклы, а живые, хоть и смертельно уставшие юные артисты из группы бальных танцев. Целый год эти дети разучивали: кадрили, польку, мазурку. Сегодня они должны изображать бал в дворянской усадьбе в стиле девятнадцатого века. Выступление внеплановое, но очень ответственное. Вот уже несколько часов ребята ждут его начала, но оно пока откладывается на неопределённый срок. А всё дело в том, что зрители, среди которых очень большой московский чиновник где-то задерживаются. По всем залам бродят напряженные: директор, завхоз и смотрительницы. Для утомлённых ожиданием детей они даже сделали исключение, разрешив отдохнуть на огороженной верёвками антикварной мебели. Обычным посетителям музея к ней прикасаться строго запрещено.

В городе, пожалуй, это единственное красивое и большое здание. В последние годы его почему-то принято называть дворцом. До революции этот дом принадлежал богатому градоначальнику. Стены и потолки залов украшены лепниной, расписаны причудливым орнаментом. Подоконники, ступени и перила из мрамора.

Изначально его строили и оформляли искусные столич-

ные скульпторы и художники. А за последние годы здание не единожды реставрировали, стараясь воссоздать интерьер того времени. Средств вложили столько, что этих денег хватило бы с лихвой, чтобы построить два новых.

С советского времени здесь располагается краеведческий музей. В бальном зале на первом этаже, где сейчас проводятся мероприятия, раньше стоял огромный бюст Ленина, макеты броневика и крейсера Авроры. На стенах висели гигантские картины советских художников в стиле соцреализма. Весь большой зал переполняли экспонаты, демонстрирующие достижения народного хозяйства.

Здесь можно было увидеть различную технику, которую выпускали городские заводы – от мотоциклов до макетов самолётов. Советские предметы убрали, а может просто утилизировали, как, впрочем, и заводы. Полотна по периметру с изображением комбайнёров, сталеваров и прочих ударников труда заменили на портреты царей и придворных. В общем семьдесят лет из истории страны аккуратно вычеркнули за ненадобностью. Зато освободилось место для танцев.

К приезду гостя такого ранга на главной улице города навели лоск и оцепили полицией. С утра движение транспорта в центре полностью перекрыли. На окраинах моментально возникли пробки, приводя водителей в ярость. А поскольку половина горожан и есть те самые водители, на уши встал весь город. Кто-то опоздал на работу, кто-то в больницу, а некоторые даже не успели на поезд.

К тому же, цель приезда высокого чиновника осталась не совсем ясна. Одни болтали, что он прилетел на открытие завода по утилизации мусора, другие, что с проверкой после громкого дела о коррупции в областном МВД. Но в план его посещений зачем то добавили и наш тихий город.

Тем временем участники выступления, не пообедав в положенное время, успели порядком проголодаться и расстроиться. О родителях, и говорить нечего. Им тоже до чёртиков надоело изображать из себя отдыхающих в сквере.

Когда взволнованные и злые мамы готовы были броситься в атаку на ограду дворца как матросы на штурм зимнего, большой начальник к концу дня, всё же заехал в музей. Войдя со свитой через центральный вход, он поднялся на второй этаж и вышел на балкон с мэром, губернатором и его заместителями. Там, улыбаясь, остановился, слушая то ли анекдот, то ли какую-то байку от градоначальника. Потом оба весело рассмеялись. До уха телохранителя долетел их диалог, правда, секьюрити ничего не понял. Мэр сказал, указывая вниз:

– А это наша школа балльных танцев.

– Соломона Пляра? – пошутил большой гость.

Фотографы, скучающие вдоль стен, тут же встрепенулись и защёлкали затворами аппаратов, освещая вспышками старинный зал. Многие папарацци, стараясь запечатлеть исторический момент вытягивались на носочки, поскольку над каменными перилами видны были только узкие плечи и большая голова чиновника .

И вот, на прощанье, он бросил взгляд на парящих по паркету юных танцоров. Помахал рукой, показал большой палец в знак одобрения и покинул балкон. Какое-то время ещё звучала музыка, в её ритме двигались пары, а лица всех присутствующих озарили счастливые довольные улыбки. В вестибюле ещё какое-то время пахло дорогим парфюмом.

Лизина свадьба

Душно. В комнате невесты за прикрытой дверью идут последние приготовления к свадьбе. Жаль, что в наше время такие слова как: свадьба, молодожёны, фата постепенно превращаются в анахронизмы. Им пока ещё не нашли замену на английские. Поэтому в последнее время принято говорить просто и понятно – расписались.

Младшая сестра невесты Наташа суетится вокруг красавицы Лизы и вся светится от счастья. Невеста сидит, немного ссутулившись перед зеркалом, и о чём-то думает.

– Что, пригорюнилась, сестрёнка? Такой день, а ты мрачная! Я из Питера летела не для того, чтобы увидеть твоё унылое лицо. Ты замуж выходишь, понимаешь?

Лиза через силу улыбается, и вдруг из её больших серых глаз катятся слёзы. Наталья застывает посреди комнаты как электронная игрушка, у которой закончился заряд. Через два часа должен подъехать на машине жених с дружкой. А здесь потоп в два ручья и испорченный макияж. Понятное дело – нервы. После промокания салфетками до полного осушения солёных озёр следует повторное нанесение кремов и румян под тихий задушевный разговор.

– Понимаешь, сестричка, – вздыхает Лиза, – Вадим хороший, очень мне нравится. Но наши взгляды не всегда совпадают. Еле удалось уговорить его на торжественную регистрацию и кафе. Он это назвал балаганом. И вообще, иногда...

– Что иногда? Начала, так договаривай!

– Иногда ведёт себя странно. Как наша бабушка, помнишь? Экономит на всём. Будто тоже в детстве пережил блокаду и голод.

– Что ты имеешь в виду? – не понимает Наталья.

– Ну, к примеру, когда кофе сварит и разольёт по круж-

кам, из кофеварки остатки не выбрасывает. Он заливает туда воду из чайника и убирает в шкафчик. Я, сперва, не поняла зачем. Подумала так он, наверное, турку моет, чтоб вначале откисала. Ну, чтобы покрытие там не портить. Потом неожиданно зашла в кухню и увидела, как он достал эту турку и на огонь поставил.

– Вторяки варит?

– Ну да. И чайные пакетики мне не разрешает выбрасывать. Заставляет складывать на блюдечко, потом себе в термос бросает.

– Да пусть пьёт на здоровье, тебе жалко, что ли?

– А ещё в магазин ходит со своим пакетом. Это такой одноразовый магнитовский пакет, на котором надпись уже стёрлась. Говорит, что за экологию переживет, но по глазам видно, что лукавит. Для мусора тоже пакеты не покупает, а использует старые.

– Ну и что, я тоже так делаю.

– Ты не дослушала. Однажды он пошёл выбрасывать мусор, а домой вернулся с пакетом, в котором его выносил. Вытрусил, понимаешь? Я в прихожую вышла встречать и увидела. Но сделала вид, что не заметила, дурой прикинулась. Это какое-то патологическое скупердяйство!

На транспорте старается по городу не ездить. Говорит ходить полезно. Потасил как-то меня из центра домой пешком. Мы в парке набродились, я на каблуках, ноги гудят, в туалет хочу. Говорю: «Давай на маршрутке подъедем». А он: «Ты что? На маршрутке тридцать рублей за проезд с человека! Здесь идти двадцать минут! Пока шли пешком, он рассказывал, как ездил студентом на учёбу и никогда не платил за проезд. У него такая билетница была кожаная, ещё советская. Там в разных отделениях лежали пробитые компостером билеты для всех троллейбусов этого маршрута. На

карманчиках номера подписаны. И если входил контролёр, он доставал нужный билетик и показывал.

– Ну и что здесь такого? Домовитый мужчина. Экономный.

– Да нет, это, по-моему, не домовитость – это клиника! Когда в июле на море поехали, пользовался моей зубной пастой. Я взяла с собой пол тюбика, а он свою дома забыл. Хотя каждый день ходили на пляж мимо магазина. Я, чтобы не показаться мелочной, не стала ему напоминать, чтоб купил. К концу отдыха у него трафик на телефоне закончился, так три дня моим пользовался. Хотя положить на интернет минутное дело. Ещё вещи мои постоянно трогал руками. Майки, шорты, трусы. Подойдёт, положит на них сверху руку и стоит. Иногда поглаживает. А когда я ем, он постоянно смотрит!

– Любуется тобой...

– Нет, как собака смотрит, понимаешь? Внимательно так, не отрываясь. Сам в кафе возьмёт только первое, быстро съест, потом сидит напротив и в рот заглядывает. А потом спрашивает: «Как в такую жару в тебя столько влезает?» – Ну, я же купаюсь, говорю, плаваю. У меня с детства на природе хороший аппетит.

– Так радоваться надо, сестра! Муж выгодный попался. Насколько я знаю, они все пожрать любят, ну и ещё сама знаешь что.

– У него дома, когда в ванной гель для душа закончился, я полезла в шкафчик. И знаёшь, что там обнаружила?

– Что? – испуганно спрашивает Наталья.

– Прикинь, там стоял пакет с обмылками!

– Фу, как ты меня напугала. Ну, обмылки – это не самое страшное. Я уж подумала непонятно что.

– Не страшное? Да их там огромный пакет. И все эти об-

мылки разноцветные, понимаешь? Человек столько за всю жизнь не использует. Значит, они откуда-то принесены.

– Со свалки?

– Ну, причём здесь свалка? С работы, например, с туалетов, не знаю...

Его мамаша проработала всю жизнь бухгалтером. Его в банк пристроила. Вроде приятная женщина. Но однажды она при мне открыла шкаф, а оттуда всё лезет. Прямо ползёт. Потом проговорила, что у неё умерла сестра, и она продала её квартиру. Видимо весь хлам оттуда перетащила.

– Так лучше бы сына туда переселила.

– Да что ты! У них тема коммуналки самая больная. Вадим как-то сказал, что ни дай бог с матушкой что случится, тогда ему одному за все услуги ЖКХ придётся платить. Будто не человека родного боится потерять, а источник дохода.

Мамашка вообще чудит без баяна. Захожу на кухню, а она сидит и старые пакетики со специями нюхает. Потом скрепками закрывает. И мне под нос суёт: «А ну понюхай, а то я после ковида плохо запахи различаю.» Я смотрю а там срок годности ещё пять лет назад вышел. И не пахнет уже ничем. Точнее плесенью какой-то. Всё уже истлело. Говорю: «Надо выбросить». А она глаза на меня как-то испуганно таращит, будто я глупость сказала или обидела её. Потом, смотрю, сидит носки зашивает. Я удивилась. Спрашиваю: «Вы что ещё носки штопаете?» Она опять вылупила глаза и говорит: «А как же? Сэкономил рубль – значит, заработал.» Как-то расщедрилась и подарила мне цепочку с глазком стеклянным. Сказала, что очень редкая вещь и сильный оберег.

– Золотая?

– Да куда там! Обычный какой-то сплав с покрытием. Я на радостях на работу надела. А напарница увидела и спрашивает: «Ты что, в Турции отдыхала?» Оказалось это дешё-

вая бижутерия. Сувенир для детей. Мне так стыдно стало, а напарница ржёт. Она такие в Анталии видела. На каждом углу там продаются и стоят копейки. Глаз Фатимы называется. Так и сказала – «Это турецкое г.»

– Ну ладно, цепочка, а кольца то жених, надеюсь, хоть золотые купил?

– Золотые. Но не купил. Опять же решил сэкономить. Неделю назад будущая свекровь достала коробочку с побрякушками, нашла там колечко обручальное и протягивает: «Примерь.» Я посмотрела, какое-то странное колечко. Снаружи всё в непонятных пятнах, халтура на первый взгляд. Проба есть, но цифры не читаются. И в придачу не мой размер, маленькое. У меня семнадцатый, а это только на пол пальца налезло. Вадим обрадовался, говорит: «Это хорошо, что меньше. Увеличить у любого ювелира можно за пять минут. А вот если бы большего диаметра оказалось, то тогда пришлось бы разрезать и спаивать. А это намного дороже.»

– Ну что, увеличили?

– Надеюсь, да.

– Что значит надеюсь? Ты ходила к ювелиру?

– Нет, Вадим сказал, что сам сходит. У него знакомый мастер есть.

– Так позвони и спроси, что с кольцом.

– Нет, неудобно как-то. Он же пообещал, значит сделает.

– Ты что ещё веришь в мужские обещания?

– А как же. Если мужчина даёт слово, то обязан его сдерживать. Иначе это не мужчина.

– Слушай, сеструха, а ты маме рассказывала обо всём этом?

– Рассказывала, но не всё конечно. Она как ты реагирует. Говорит, что я мнительная слишком. Может и так. Но я

сталкиваюсь в этой семье с необычными для меня вещами. Вчера вообще убил вопросом: «А скажи мне, сколько вы женщины используете прокладок в день?» Нормально? Тебе это зачем знать?

– Успокойся, Лизка, это всё нервы. Я тебя понимаю. Такой серьёзный шаг. Ничего, перевоспитаешь мужика. Слушай, а может нам выпить чего-нибудь для настроения?

– Ни в коем случае! Вадим не переносит спиртное. Его мать из-за этого с отцом развелась, когда ему было десять лет.

Сёстры ещё о чем-то тихо перешёптывались, да так и не заметили, как за разговорами пролетело время. Вот уже счастливый жених с дружкой подъехали и припарковались у дома. Идут по двору, машут рукой невесте.

Дальше как во сне: букет цветов, загс, зал для торжественных церемоний. Мендельсон. Затем волнительная речь ведущей под счастливые слёзы родителей. Это они в силу своих взглядов не одобрили упрощённую процедуру бракосочетания. Настояли на торжественной регистрации, оплатили её и заказали столик в кафе. Дети возражать не стали, особенно невеста.

После вступительной речи, дама регистратор, опросив молодых и услышав обоюдное согласие, пригласила их к столу, скрепить узы брака подписями.

«А теперь, молодожёны, – сказала она, – примите обручальные кольца, как символ единства, любви и верности. И пусть они всегда напоминают вам, что нет у любви начала и нет конца. И что ваша любовь совершенна и бесконечна!» И она протянула блюдечко с кольцами.

Вадим взял Лизино колечко, и стал одевать ей на безымянный палец. Лиза смотрела любимому в глаза с такой естественной и счастливой улыбкой, которой позавидовала

бы любая кинозвезда. И вдруг эта улыбка мгновенно слетела с лица, изобразив на нём удивление. Кольцо дошло только до половины пальчика и упёрлось в сустав. Вадим весело ей подмигнул и прошептал:

– Ничего страшного, не переживай, потом растянем.

– Ты же обещал, – шепнула она в ответ, удивлённо глядя в глаза.

– Ой, только не делай трагедии, Лизунчик.

В один миг Лиза из кошечки превратилась в пантеру. Пустиив глазами молнию и парализовав ею всех присутствующих, она сорвала кольцо с пальца и швырнула на пол. Затем решительно шагнув к столу, схватила ручку и зачеркнула запись в журнале. У тётенки регистраторши для подобной ситуации не было припасено никаких фраз. Да и во всём словарном запасе не нашлось подходящих выражений. Она лишь что-то протяжно промычала как корова.

Но Лизе было уже на всё плевать. Её каблуки застучали по паркету к выходу. Следом бросилась сестра, а за ней за чем-то поплёлся, словно облитый помоями, жених.

Поговаривают, что этот брак вошёл в историю как самый короткий в городе.

Страна оленья

– Ну где ты еще такую выгоду найдешь? – убеждал меня охранник Толя по телефону, когда мы с женой собирались на море. – Во-первых, проживание бесплатное! Как приедете – сразу вселяетесь в номер. Питание тоже бесплатное; правда, на одного человека. Супруга твоя может питаться там же, в столовой пансионата, но за деньги. Хотя можете по очереди с ней кушать.

– Это как?

– Ну как-как? Придумаете. Можете хоть из одной тарелки хлебать! Магазинов полно, с голоду не умрете. А самое главное – ты еще и зарплату получать будешь.

– И сколько?

– Две тысячи в сутки! Дорогу отобьете полностью. Ты ж не на заработки собираешься, а на море. Купаешься и загораешь сколько влезет, хоть целыми днями! И главное, делать ничего не надо. Следишь за порядком – и все!

– А поподробней можно?

– Пляж бесплатный, народу тьма, люди купаются и загорают. А ты сидишь в тенечке, отдыхаешь. Дежуришь сутки. Днем можно немного поспать, а ночью нужно сторожить пляж. Слава, давай, приезжай, на месте поговорим. Не пожалеешь.

– Но я долго на море не выдержу.

– И не надо. Отдохнете пару недель, пока охранник поправится. Давай, я шефу уже сказал, что друг согласился.

Сам не пойму, как я повелся на Толины уговоры. Он работал на пляже спасателем. Уезжал на море на все лето. В свои тридцать три года не был женат: слишком вольнолюбивая натура. Весельчак и юморист. Познакомились мы с ним в спортзале. Потом вместе ходили в бассейн; там он сгонял лишние килограммы и поддерживал форму. Он, как

и я, нанимался охранником в разные фирмы нашего города и добросовестно работал, пока добросовестно платили. На юг ездил много лет, в отличие от нас с женой. В принципе, не доверять ему я не имел никаких оснований. Ведь если человек гарантирует вам успех, значит, уверен в этом на сто процентов.

Сборы оказались недолгими. Мы с Ириной отвезли дочку к бабушке и отправились на море. Сначала сами разведем, как и что, а потом можно и ее везти покупаться и позагорать. К тому же она еще маленькая – три годика. А на следующий год, если все срастется, обязательно поедем всей семьей.

Дорога немного утомила. Ехали на своей машине, у нас «Калина». Тысячу двести километров отмахали за восемнадцать часов. Толик проинструктировал, когда лучше выезжать, где делать остановки. По дороге слушали авторадие. Запомнилась песня из советского прошлого про лесного оленя. Ира даже пыталась подпевать:

«Где сосны рвутся в небо,
Где быть живет и небыль,
Умчи меня туда, лесной олень!»

На место прибыли в обед. Поселок нашли без труда. Пляж и особенно море впечатлили. Казалось, полстраны сюда съехалось за солнцем, водой и здоровьем. Толя нам обрадовался, помог разместиться в номере, не шикарном, конечно, но все же с телевизором и кондиционером. Показал столовую, магазины, пляж – один из самых больших на берегу. Начальника, правда, так и не увидели, зато спокойно пообщались по телефону.

С оформлением не произошло никакой волокиты. Просто в медпункте сестре Любе я оставил свои паспортные данные и получил талоны на питание на два дня. К рабо-

те, сказали, нужно приступать с утра. Один из охранников умудрился где-то подцепить вирус, а второй вот уже неделю работал за двоих, без выходных.

За полдня на новом месте удалось быстро освоиться. Погода стояла великолепная. Днем, конечно, сильно припекало, но этим летом и у нас в Тамбове в июле температура днем доходила до тридцати семи градусов. Дома всего пару раз выезжали покататься на речку за город. Но разве можно сравнить речку и море?

Вечер выдался роскошный. Рядом с пляжем горели всеми красками огни, кругом играла музыка, народ развлекался как мог. На берегу почти никого не осталось, лишь одинокие парочки романтично сидели или прогуливались вдоль кромки воды. Но мы с женой, устав от дороги, решили пойти пораньше спать. Тем более что завтра в восемь мне заступать на дежурство.

Добравшись до коек, рухнули и мгновенно отключились, несмотря на смену обстановки. Море встретило нас утром миллионами бриллиантов. Взгляд тонул в бескрайнем просторе. Волшебное и величественное зрелище! А у берега волны, как живые существа, прыгали с разбега на песок и с шипением растворялись. Люди еще не проснулись и не портили красоту природы присутствием своих полуголых тел. Все же какое-то движение на пляже уже наблюдалось.

Уборщик-азиат в оранжевом жакете прогуливался с черным мешком и деревянными щипцами, собирая окурки. Ему на общественных началах помогали две старушки – ранние пташки. Одна, кривоногая бабуля, бежала впереди уборщика, хватала крупный мусор цепкими пальцами и, набрав полные горсти, бросала парню в мешок. Другая бродила по берегу и собирала небольшие камешки в пакет, затем тоже отправляя их в мешок равнодушного уборщика.

Прибежал пожилой мужик в полосатых плавках и стал делать зарядку. Семейная пара с детьми пришла попрощаться с морем. Они набрали воды в пластиковую бутылку и, побросав в воду мелочь, подались в родные края. Сверху по дорожке спустился пьяный и направился зигзагами к воде. Это оказался парень лет тридцати в белых брюках с расстегнутой ширинкой. В воду он не полез, а лишь умылся и, повернувшись к берегу, упал на четвереньки и стал разговаривать с песком, что-то настойчиво доказывая и для доходчивости ударяя по нему кулаком. Он то ли молился, то ли просился обратно в то измерение, откуда явился.

Сменившийся охранник, усталый Виктор, подошел, передал ключи от медпункта, проката и буфета, попрощался и пожелал «ни пуха». И я заступил на смену.

Почти одновременно появились Толик-спасатель, его напарник и медсестра Любаша – женщина примерно пятидесяти лет с отличным южным загаром, невысокая, с немного округлой фигурой и, судя по строгому, даже сердитому взгляду, незамужняя. Среди работников пляжа она носила прозвище Несмеяна.

Через несколько минут пляж стал наполняться народом. Толик отвел меня на место, где обычно сидят охранники и спасатели. Это такая избушка на курьих ножках, напоминающая по виду то ли корабельную ходовую рубку, то ли будку, где продают шаурму. Она стояла посреди пляжа на трубах, возвышаясь метра на два от песка. Наверх вела лестница, спасатели сидел на самом верху этого строения, под навесом. Обзор оттуда прекрасный.

Пункт проката, буфет и медпункт с большим красным крестом располагались в глубине берега на бетонной эстакаде. К этим домикам, обшитым пластиком, со стороны моря примыкала площадка из труб и досок с натяжным

козырьком сверху. А с тыла место отдыха закрывалось от посторонних глаз толстым цветным поликарбонатом. Там стояли даже два столика, как в кафе. Это было место для персонала и своих.

Обзор оттуда тоже неплохой, но отдыхающим не разрешалось здесь находиться. Их место на шезлонгах и песке. Ирина, проснувшись и позавтракав, пришла и уселась в этой самой загородке за один из столиков. Для полного удовольствия она купила в буфете бутылку пива. Мы издали помахали друг другу. Толя со своим напарником находился на вышке. Второй спасатель, Вова, занимался созерцанием в бинокль вновь прибывающих дам. Пляж постепенно заполнялся народом, и, пока не наступил аншлаг, он посоветовал мне:

– Бери супругу и идите освежитесь!

– А ты?

– Меня уже тошнит от купанья.

Я поманил Иру, показывая на море, но она отрицательно замотала головой. Пришлось идти одному.

Едва я зашел по пояс в прохладную прозрачную воду, как сзади услышал приятный голос:

– Мужчина, который час, не подскажете? – Какая-то молодая женщина шоколадного цвета, лежа на надувном матрасе, подгребала ко мне со спины.

– Около десяти часов.

– Спасибо! А вы приезжий?

– Ну да, здесь, по-моему, все приезжие.

– А откуда, если не секрет?

– Из Тамбова. А вам зачем?

– Да так – женское любопытство. А вы женаты?

Я обалдел от такой наглости и, чтоб дальше не отвечать на допрос, нырнул и поплыл под водой на глубину. Но, вы-

нырнув метров через десять, обнаружил знакомый матрас рядом. Посмотрел на берег и, увидев Ирину, снова помахал ей рукой. В ответ жена показала кулак, встала из-за стола, сняла пляжную накидку и направилась к морю. Я же, не обращая внимания на назойливую нимфу, медленно поплыл к берегу. Но она продолжала преследование! В голове возникла только одна мысль: кого Ира утопит первым? И, не желая ничьей смерти, я обратился к таинственной незнакомке:

– Девушка, сюда идет моя жена. Она не в настроении, гребите в другой конец пляжа. Я хоть и охранник, но от Ирины я вас не смогу защитить.

– Ха-ха-ха! – рассмеялась дамочка. – Ну вы и юморист!

Но, перехватив мой испуганный взгляд и увидев входящую в воду, как аллигатор, Ирину, дама на матрасе так рванула с места, что чуть не обогнала стартующий с проката гидроцикл.

Естественно, весь гнев жены обрушился на меня. Еле удалось успокоить ее в припадке ревности. Когда выходили на берег, Ирина показала взглядом на странного мужика в черных семейных трусах. Он лежал на животе перед загорающей на песке женщиной со стороны ног и делал странные телодвижения. Я поднялся на вышку к спасателям и указал Толе на этого типа.

– А, маньяк, извращенец, – спокойно сказал Толик. – Гони этого клоуна с пляжа. На фиг нам его шоу! Пусть на Медузу идет.

Я уже стал спускаться, чтоб исполнить свою обязанность, но за меня ее выполнила женщина – мишень маньяка. Может, она услышала удары тела о песок, может, еще какие-то звуки, но, подняв голову и увидев вблизи своих ног какого-то дергающегося идиота, дама резко поднялась и стала бить его полотенцем. Извращенец вскочил и с дурацкой улыбкой удалился на соседний пляж.

До обеда все было спокойно. Люди принимали морские и солнечные ванны, дети ковырялись в песке, никто не заплывал за буйки. Мы с женой сидели за столиком на возвышенности у буфета и медпункта, пока она не ушла в столовую. Медсестра Люба, тоже отправилась на обед и на всякий случай оставила мне ключ от медпункта.

Стоило только ей исчезнуть, как у дверей кабинета появились мамаша с мальчишкой. У парня лет двенадцати оказалась разбита голова в результате ныряния с волнореза. Мама выглядела перепуганной, но я не растерялся. Открыл медпункт, завел их, усадил на кушетку, а сам полез в шкаф за йодом и бинтом. Рассечение пустяковое, в жизни мне приходилось видеть и не такое.

При обработке ранки мальчик вел себя как настоящий мужчина, а вот мамаша сильно переживала:

– Скажите, доктор, а швы ставить не надо?

– Я вас умоляю, какие швы? Через пару дней ваш парень будет купаться...

Прикрывая Несмеяну, я не стал объяснять маме мальчика, что являюсь всего лишь охранником, что докторами здесь и не пахнет, даже фельдшеров нет. Все же голову пациенту забинтовал и попросил посидеть минут десять на стуле в кабинете, чтоб дожидаться медсестру и сделать запись в журнале.

Не прошло и двух минут, как папаша лет тридцати пяти внес в кабинет плачущую девочку с порезанной ногой. Чтоб кровь не хлестала из ранки, отец зажал дочке ступню с такой силой, что она побелела. Девочка от страха выкатывала глаза и вскрикивала. Я успокаивал ребенка как мог. Порез на ступне оказался глубоким, но небольшим по длине. Видно, девчушка наступила в воде на донышко от разбитой бутылки. Папа дул на ранку, когда я обрабатывал ее перекисью, а потом йодом, девочка ойкала и стонала.

К своему ужасу, я обнаружил, что в дверях продолжали собираться пострадавшие. Мальчик с разбитым коленом, с которого еще текла вода; другой весь в песке, с широкой царапиной на бедре. Одного привела бабушка, другого мама. Они уже начали занимать очередь. Еще я обнаружил, что пузырек с йодом опустел. Там и так изначально болталось около трети содержимого. Но я от волнения неэкономно его использовал, обильно смачивая слишком крупные тампоны. Хорошо, что зеленка в шкафчике нашлась!

К приходу Любаши ее кабинет напоминал травмпункт городской больницы. И без того небольшое помещение оказалось забито до отказа пострадавшими детьми и их родителями. Пол засыпан песком, принесенным на ногах, и залит водой, натекающей с плавок. При появлении Несмеяны я понял, отчего у нее на лице отпечатался такой взгляд. Это профессиональное...

С криком: «А ну, все вон отсюда!» – она влетела в помещение, схватила со стола мухобойку и стала выгонять ею на улицу больных, и здоровых. Мне тоже в знак благодарности досталось по спине.

Усталый, побитый, но выполнивший долг врача, я поплелся в столовую. Подойдя к зданию, я понял причину длительного отсутствия Любаши. На улице вдоль стены выстроилась длинная вереница народа, желающего попасть в обеденный зал. Пришлось занимать очередь. Впрочем, к блюдам нареканий не было, обед оказался съедобным.

Еще на подходе к пляжу мне стало ясно, что случилось какое-то происшествие. Хорошо, что Толик находился на месте. Он стоял, уперев руки в бока, перед двумя подростками. Их осыпала страшными проклятиями пожилая женщина.

Оказалось, что два брата лет четырнадцати-пятнадцати установили под одну из раздевалок экшен-камеру, замаски-

ровав ее камушками. Но бабуля, когда переодевалась, заметила устройство, вычислила злоумышленников и подняла шум. Хорошо, что в обеденное время на пляже не так много народа. Она требовала вызвать полицию, а Толя убеждал ее этого не делать:

– Вот оно вам надо, женщина? Протоколы, свидетели, доказательства...

Да этим пацанам после увиденного надо самим моральный ущерб возмещать! – пытался он шутить.

Те, притворно опустив головы, не выдержали и заулыбались.

– А я требую полицию! – громко заявляла бабуля, размахивая камерой. – Где ваши родители?

– В номере отдыхают.

– А почему вы их не снимаете? – не унималась женщина.

– Родителей фотографируйте!

Толя мне подмигнул, и я, быстро оценив обстановку, вмешался в скандал:

– Что случилось, граждане? Я из полиции.

– Да вот, товарищ полицейский, эти два негодяя съемки в раздевалке устроили. – И бабка показала мне недорогую китайскую камеру.

– Разрешите! – Я протянул руку и взял вещдок. – Спасибо за бдительность, гражданка! А вы пройдете со мной, – строго сказал я испугавшимся подросткам. И, взяв их под руки, повел в сторону поселка.

– И пусть мать с отцом оштрафуют! – крикнула вдогонку женщина.

– Хорошо, разберемся, гражданка. А вы, любители клубнички, – тихо сказал я незадачливым операторам, – идите молча и изображайте арестованных.

Когда отошли подальше от пляжа, я, все же не выпуская

руку старшего из пацанов, вручил ему камеру и заставил удалить все записи.

– Спасибо, дядя, мы больше не будем, – пообещали мальчишки.

– Дуйте отсюда, и чтоб я вас больше не видел! С волнореза лучше идите ныряйте, только аккуратней...

Пришлось сходить в номер, переодеть майку и шорты и прихватить солнцезащитные очки. Так, на всякий случай, для конспирации, чтоб пострадавшая случайно меня не разоблачила. Ира отправилась со мной. Возвращаясь на рабочее место, я думал: охранником начал, доктором поработал, полицейским побывал. Кем еще предстоит?

Перед ужином пляж набился народом до предела. Люди купались, мы с женой тоже окунулись пару раз. Но я не доверял спокойствию. Жизненный и профессиональный опыт охранника подсказывал, что такое затишье бывает только перед бурей.

Когда усталое солнце стало медленно спускаться к горизонту, энергия отдыхающих тоже понемногу иссякла. Шум барахтающихся в воде притих, рев гидроциклов сошел на нет, в буфете и кафе зазвучала музыка. И толпа потянулась с пляжа.

В восемь вечера закончилось дежурство спасателей. Толик с напарником спустились с вышки. Толик подошел попрощаться, а Вова подсел к двум молодым женщинам, наверное, знакомым, и стал что-то с ними весело обсуждать.

– Слава, я пошел отдыхать. – сказал Анатолий. – Смотри, сегодня должен приехать зам начальника пляжа с другом. Он Вовчику звонил. Скорее всего, у них намечается пьянка и разврат вон с теми цыпочками, – он незаметно указал на дамочек. – Они будут тебе предлагать составить компанию, но я бы на твоём месте воздержался.

– Я тебя услышал.

– Ну все. До завтра! – И Толя не спеша удалился с пляжа, напоследок помахав Вове и его спутницам. Когда стемнело, к воротам пляжа подъехал крутой автомобиль и из него вышли, как я сразу догадался, зам с приятелем. Из багажника они достали сумки. Я встретил их у ворот и представился.

– Андрей, – улыбаясь, протянул мне свободную руку невысокий круглолицый брюнет моих лет с большими залысинами, в белой майке и шортах. Его спутника звали Алексеем. Невзрачный парень лет тридцати был весь в цветных татуировках. Он нес две тяжелые сумки, поэтому лишь слегка кивнул. За столиками, сдвинутыми вместе, их уже поджидал Вовчик с девицами. Послышались смех, оживленные голоса и звон бутылок.

Низкие фонари вдоль аллеи на берегу практически не освещали пляж, на нем царил полумрак. Я прохаживался вдоль берега, разговаривая по телефону с женой. Она перед сном решила пожелать мне спокойного дежурства и строила планы на завтра.

Вдруг из темноты выплыла странная фигура. Мне навстречу шла худая старуха с распущенными волосами, в одной майке, едва прикрывающей тело.

– Дай прикурить! – не попросила, а потребовала она.

Я ответил, что не курю; она что-то пробурчала и побрела дальше. Затем я чуть не наступил на чью-то одежду. У самой воды стояли две пары тапочек – женские и мужские. Причем не дешевые резиновые шлепанцы, а дорогая кожаная обувь. Рядом лежала одежда, но никого ни на берегу, ни в море не наблюдалось.

«Чудеса продолжаются», – мелькнула мысль. И тут меня позвали по имени, это кричали Вовчик с компанией.

За накрытым столом мне указали на свободное место, поднесли рюмку водки, а в пластиковую тарелку положили несколько кусков шашлыка, картошку, порезанные вдоль и приправленные специями помидоры. У нас в Тамбовской области они в это время еще зеленые. Мяса на столе лежало много, овощей и фруктов – тоже.

– Ну, за знакомство, за чудесный вечер, за прекрасных дам! – сказал тост спасатель.

Все, кроме девиц, поднялись с пластмассовых стульев, чокнулись и выпили. Дамы вели себя вполне раскованно. Их внешность вызывала смешанные чувства. На вид около тридцати лет. Яркие разноцветные косички, пирсинги, цветные татушки, красивый маникюр, броский, всех цветов радуги макияж, но если все это удалить, то вполне себе симпатичные девчонки, как оказалось, из Питера.

Я с удовольствием закусил шашлычком, встал, приложив руку к сердцу, от души поблагодарил радушную компанию и, сославшись на работу, вышел из-за стола.

– Ну хорошо, Слава, мы не держим: работа есть работа, – сказал Андрей. – Но как станет скучно, подходите к нам.

– Да! У нас вся ночь впереди! Сделаешь обход – подгребай к нам, – добавил Вовчик, уже успевший каким-то образом захмелеть. За столом он сидел в одних шортах, с голым торсом. На плече красовалась татуировка: парашют, самолет и три буквы – ВДВ.

– Пойду посмотрю, там чьи-то вещи на берегу лежат, а хозяев не видно, – сказал я и удалился.

Бесхозные вещи все так же лежали у воды. «Может, кто-то из отдыхающих забыл?» – подумал я.

Вдруг к воротам пляжа подъехала машина и стала сигналить. Я поспешил подняться. В машине сидела пьяная заплаканная девушка. На мой вопрос, что случилось, она

снова начала плакать и объяснила, что заблудилась. Ей нужно в город, который находится в двадцати километрах. Она уже час колесит вдоль побережья и не может выбраться на трассу. Я стал убеждать ее, что надо вызвать такси. В таком состоянии за руль садиться не стоит: мало того что можно лишиться прав, но еще и жизни.

– Вы скажите лучше, куда я попала?

– Вы на пляж приехали.

– А в город как проехать? По какой дороге?

– Я вам не смогу объяснить, я не местный. Я охранник пляжа. Вызовите такси, езжайте домой, а машину оставляйте здесь, я за ней присмотрю.

– Как это охранник и не местный?

– Вот так. Я приезжий охранник. Девушка, я вам не желаю плохого. Давайте я вызову такси!

– Нет, мне в город надо, – снова заплакала девушка и стала разворачивать автомобиль.

В следующий момент, как призрак, из темноты опять вышла костлявая старуха в одной майке и попросила прикурить.

– Не курю я, женщина, идите спать!

Автомобиль с девушкой поехал по дороге вверх и свернул налево. Старуха поплелась в поселок, а я, вздохнув, снова пошел к морю сторожить чужие тапочки. Что делать в такой ситуации, я не знал. Может, люди давно уже утонули? И тут, к моей радости, из воды вышла парочка. Странно, откуда они там взялись? Прятались за волнорезом? Парень и девушка как ни в чем не бывало подошли к своей одежде, подняли ее с песка и направились к выходу. Я снова почувствовал облегчение.

Тут я увидел, что с площадки по лестнице спустился Вова и идет в мою сторону раскачивающейся походкой.

– Слушай, старик, выручай! Бабы шампанского захотели, я такси вызвал. Тут до города десять минут езды. Шеф просит, сгоняй, не в службу, а в дружбу. Он, разумеется, оплачивает дорогу и бухло, – и Вова протянул мне деньги. – Пару бутылок возьми. Пойдем, я водиле объясню, куда ехать.

Через час, когда я вернулся, мужчины курили за столом и что-то горячо обсуждали, а девчонки под музыку плеера танцевали голые у воды. Я поставил шампанское на стол и положил сдачу. Вовчик пожал мне руку, повернулся в сторону моря и, вложив два пальца в рот, громко свистнул, приглашая дам за стол. Они перестали танцевать и начали одеваться.

Еще часа через полтора все повторилось, с той лишь разницей, что Вова шел ко мне уже зигзагами и заплетающимся языком стал просить съездить за коньяком. Опять к воротам пляжа подъехало такси. Вова объяснил шоферу, как найти магазин какого-то армянина: в городе после двенадцати часов купить спиртное можно было не везде. Отправляясь в очередной раз в город, я успокаивал себя мыслью, что просто так совпало. Не каждую же ночь придется ездить за выпивкой: у людей здоровья не хватит так бухать.

Магазин работал круглосуточно. На улице перед входом стояла пьяная молодежь, парни в обнимку с девчонками. Подпитый мужик лет сорока пяти что-то доказывал одинокому парню на мотоцикле. В небольшом помещении чувствовался сильный запах перегара. У прилавка собралась небольшая очередь: несколько молодых людей с девушкой, мужик, видимо, собутыльник того, что на улице, и паренек в кожаной куртке со шлемом – друг мотоциклиста. Я пригостился за ними и стал наблюдать, как молодежь, долго совещаясь, выбирает сигареты и выпивку.

Мужик, за которым я занял очередь, сперва, повернулся ко мне и стал сверлить пристальным взглядом. Потом сказал, непонятно к кому обращаясь:

– Не люблю, когда кто-то стоит за спиной!

Он начал скрипеть зубами, затем, не сводя с меня глаз, зло улыбнулся. И, как и следовало ожидать, попросил закурить. Я набрал в рот воды, притворился глухим, слепым. Стал сам себе внушать, что я дерево, скала, бетонный столб. В мои планы не входило бить этого мужика. Мне надо было просто быстро купить коньяк и ехать обратно на пляж.

Но мужик это как чувствовал. Он точно никуда не спешил. И он жаждал, чтоб его кто-то сегодня побил. По криковому, сломанному не раз носу было понятно, что передо мной профессиональный мазохист. И по его наглой ухмылке читалось, что он привык добиваться своего, то есть получать в бубен, испытывая при этом кайф.

Он по-всякому пытался меня зацепить. То протягивал руку, представляясь: «Валера». То делал резкие движения у меня перед лицом. То просил десять рублей. Но я не велся, держась из последних сил, чтоб не послать его подальше или не толкнуть, размазав о стенку.

Наконец выпившие молодые люди выбрали свои сигареты, коктейли, пиво, чипсы, жвачки и направились к выходу. Парень со шлемом тоже купил сигарет и пару банок «энергетика». Алкаш заказал два больших стакана пива и отсчитал мелочь. А за мной, войдя в магазин походками роботов, заняла очередь спившаяся семейная парочка.

Наконец, надышавшись до тошноты перегаром, я вышел из армянского магазина с коньяком и сел в такси. Алкаши на улице проводили меня завистливыми взглядами. Невероятных усилий стоило подавить в себе желание подойти и с силой столкнуть их головами.

А на пляже уже вовсю процветал разврат. Андрей уединился с одной из дам в помещении медпункта. Алексей со второй подружкой купался в море. За столом восседал Вовчик с полуприкрытыми веками, подергивая головой. Когда он увидел меня с коньяком, улыбнулся и махнул рукой:

– Наливай!

Божественная южная ночь продолжалась. Ветерок доносил с берега легкий аромат хвои и каких-то экзотических растений. Ровно дышало море, мерцая отблесками лунного фонаря и далекими прибрежными огнями. Красота, покой, гармония. Такая ночь – подарок для влюбленных и поэтов. Но и для меня, простого парня из Тамбова, где ночами гораздо прохладней, прогуливаться у воды под утро в одних шортах и майке было тоже в кайф.

Усевшись на лежак старого образца недалеко от проката, я просматривал ролики в смартфоне и наслаждался морским воздухом. Компания за столом под негромкую музыку продолжала веселиться. Скорее всего, трювили анекдоты, потому что через определенные промежутки времени раздавался смех.

Я стал прокручивать в памяти произошедшие за дежурство события. Сам собой напрашивался вывод: там, где комфорт, праздность и скопление бездельников, – небезопасно. Неожиданно среди ночи песок на берегу осветили фары. К воротам подъехала машина, и я направился туда.

Приехала молодая симпатичная женщина; она сразу направилась в то место, где проходила затянувшаяся гулянка. Как выяснилось, это была жена Вовы. Он перестал отвечать на звонки, и женщина, почуяв неладное, приехала разобрататься на месте. Вовчик спал прямо за столом, расплывшись на стуле и запрокинув назад голову с открытым ртом. Жена стояла напротив, беспомощно глядя на него.

– Ребята, разбудите его, пожалуйста, и отведите в машину, – попросила она, обращаясь ко мне, как к самому трезвому.

– Может быть, пусть здесь до утра поспит? – спросил Андрей.

– Нет, лучше домой, а то утром он захочет продолжить. Пьяный он такой дурак, что я его боюсь. Пусть лучше в машине дрыхнет, но дома.

– Владимир, Вова! Просыпайся, жена за тобой приехала! – начал я его тормошить. Но он только на долю секунды разомкнул веки и что-то промычал.

Тогда Андрей снял руку с шеи девицы, потянулся к Владимиру и, похлопав его по щеке, позвал:

– Вова, Вовчик! – Но и это не привело к успеху.

– Молодой человек, – умоляюще обратилась ко мне женщина, – я вас прошу, отнесите его в машину. Время идет, а мне утром на работу.

– Хорошо, попробую...

Я подошел сбоку, взял свисающую руку Вовчика за запястье и закинул себе через шею. Чуть оторвал его от стула и второй рукой обнял сзади за талию. В этот момент я почувствовал, как обмякшее тело вдруг напряглось, и Вовчик уперся ногами в пол. Он открыл глаза и, не понимая, что происходит, схватил правой рукой со стола почти пустую бутылку с шампанским и с криком: «За ВДВ!» – размахнулся, собираясь разбить ее о свою голову. Но промахнулся и, так как я находился совсем близко, изо всей силы саданул этой бутылкой меня.

Удар пришелся донышком в верхнюю часть лба. Из глаз у меня посыпались искры, из рассеченного лба потекла кровь. Я отпустил его и схватился за голову. Вовчик, естественно, потерял равновесие и рухнул на стол.

В машину к жене его отнесли Андрей с приятелем. В это время в медпункте, где днем я оказывал первую помощь пострадавшим, заботливые спутницы загулявших мужиков перебинтовывали мне голову.

– Ну что, с боевым крещением! – поздравил меня вернувшийся Андрей. – Когда Вова проспится, будем решать, как нам загладить это недоразумение. Я приношу свои извинения за инцидент и обещаю возместить физический и моральный ущерб.

Пока дамы прибирали стол, а потом все усаживались в приехавшую за шефом машину, я разрабатывал план немедленного отъезда домой.

Содержание

Супербабочка	3
Конфуз	10
Рай в картонной коробке	14
Оптимистка	21
Новогодний корпоратив	25
По уму	30
Одержимость	33
Злая собака	38
Живодёрка	40
Алло, Иван!	45
Говорящая лошадь	48
Верный пёс	52
Тарелки	56
Подвох	61
Шахматист	65
Юркино царство	73
Учительница французского	77
Кругосветка	83
Гильотина	90
Выбор Молочного	94
Убеждения	98
Там чудеса	102
Подарок снегурочки	106
Родноверы	109
Катюшка	116
В морду	122
Бал	127
Лизина свадьба	130
Страна оленья	137

Виктор Вирченко

Страна оленья

Рассказы

Таганрог, 2023 г.

Книга издается в авторской редакции
Верстка и дизайн Ковылиной Л.Л.

Подписано в печать 02.08. 2023 г.
Формат бумаги 60x84 1/16 Гарнитура Minion Pro
Печать трафаретная
Тираж 100 экз.

Отпечатано в издательстве «Таган»
(ИП Ковылин О.М.)
Ростовская обл. Неклиновский р-он.
с. Новобессергеновка, ул. Вишнёвая, 23.
e-mail: tagan-i@mail.ru
тел.: 89281142172